UNIVERSITATEA DE STAT DIN MOLDOVA

MOLDOSCOPIE

(PROBLEME DE ANALIZĂ POLITICĂ)

PARTEA XXIV

CHIŞINĂU – 2004

CZU
M

MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XXIV. – Chişinău, USM, 2004. – 177 p.

În această culegere sînt examinate diferite probleme ale vieții social-politice din Republica Moldova: instituționalizarea şi dezvoltarea ştiinței politice în Moldova, lupta cu terorismul, sistemele electorale, alegerile parlamentare şi tehnologiile electorale, relațiile internaționale şi politica externă, formarea şi promovorea imaginii liderului politic, etc. Materialele sînt adresate studenților, profesorilor, celor ce se interesează de ştiință politică contemporană.

Analele ştiințifice ale facultății relații internaționale, ştiințe politice şi administrative

Recenzent:
prof. Alexandru ZAVTUR

Descrierea CIP a Camerei naționale a Cărții
MOLDOSCOPIE: (Probleme de analiză politică). / Univ. de Stat din Moldova. - Ch.: Centrul Ed. al USM, 2004.
P.XXIV. – 2004. – 177 p.
ISBN
50 ex.

32.001(478) (082)=

ISBN

S U M A R

Compartimentul IV.
RELAȚII INTERNAȚIONALE

COMPARTIMENTUL I.
ISTORIA ŞI TEORIA POLITOLOGIEI.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТОЛОГИИ КАК УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Валерий МОШНЯГА
Республика Молдова, Кишинев
Молдавский госуниверситет
факультет международных отношений,
политических и административных наук
заведующий кафедрой политологии,
доктор-хабилитат, профессор
e-mail: mosneaga@hotmail.com

Валентин ЦУРКАН
Республика Молдова, Кишинев
Молдавский госуниверситет
Факультет международных отношений,
политических и адмиинстративных наук
заведующий лабораторией
«Социология политики»,
доктор, доцент

Георгий РУСНАК
Республика Молдова, Кишинев
Молдавский госуниверситет
ректор, доктор-хабилитат, профессор,
член-корреспондент Академии Наук Молдовы

1.Институционализация политической науки в Молдове в советское время

В Советском Союзе политология долгое время разделяла судьбу генетики, кибернетики, эмпирической социологии. Сам термин считался неприемлемым, носящим привкус буржуазной науки, обслуживающей интересы правящих классов. По существу, до конца ’90-х годов XX века не употреблялся и официально не признавался. Хотя Советская ассоциа-

ция политической науки существовала и была членом Международной ассоциации политической науки с 1973 года. На наш взгляд, это было обусловлено внешнеполитическими факторами.

Только с января 1989 года меняется положение дел, когда Высшая Аттестационная Комиссия (ВАК) при Совете Министров СССР ввела в регистр научных специальностей политологию (политическую науку). Фактически с этого времени можно считать, что начинается процесс институционализации политической науки и в Молдове[1].

Однако, следует отметить, что это не означало, что в советской стране вообще не велось никаких исследований в области политических процессов. Проблемы политики, политической власти, функционирования политических систем частично изучались научным коммунизмом, марксистско-ленинской философией (историческим материализмом), политической экономией, государственным правом и некоторыми другими юридическими дисциплинами.

Ограниченность подобных исследовательских программ была обусловлена рядом факторов. Во-первых, они были слабо интегрированы между собой, осуществлялись в основном в научных учреждениях Москвы, Ленинграда, Киева и ориентировались, главным образом, на зарубежную тематику. Значительное место в этих исследованиях занимала критика буржуазной идеологии и политической науки. Идеологическая зашоренность и ангажированность в анализе зарубежной политической проблематики проявлялась в выискивании лишь плохого, отрицательного в «наступательной» контрпропаганде и критике современной буржуазной идеологии.

Во-вторых, исследования по внутренней социально-политической тематике испытывали на себе постоянное негативное влияние официальных доктрин, определяющих общественные науки лишь как пропагандиста и комментатора партийных решений. Они осуществлялись на основе дозирования «впечатляющих успехов в социалистическом (коммунистическом) строительстве и отдельных недостатков, носящих вре-

---

[1] *См.: Мошняга В. Политологические исследования в Молдавском госуниверситете: состояние и проблемы. // MOLDOSCOPIE (Проблемы политического анализа). Часть VIII. – Кишинев, Молд.ГУ, 1997, с.156-172; Мошняга В., Руснак Г. Политическая наука в Молдове: состояние и проблемы. // MOLDOSCOPIE (Проблемы политического анализа). Часть II. – Кишинев, Молд.ГУ, 1993, с.3-11.*

менный характер и обусловленных пережитками прошлого в сознании отдельных личностей»[2].

В-третьих, постановка и исследование этих проблем осуществлялись только на основе принципов догматизированного марксизма-ленинизма. Опора исключительно на марксизм, трактовка его как абсолютной истины при одновременном высокомерном отрицании «ненаучной» буржуазной идеологии было не случайным. Суть в том, что административно-командная система была заинтересована в изоляции советской общественной науки от мирового опыта, достижений западной политической науки. Ей не нужна была наука, исследующая политические процессы, функционирование власти, соперничество политических партий, механизм выборов и т.д., ибо тем самым ставился вопрос об альтернативах административно-командной однопартийной системы в политической сфере. В то же время активно реализовывался государственный заказ на исследование преимуществ социалистической политической системы, изучение и распространение опыта КПСС в социалистическом строительстве и т.д.

Такое наследство в сфере общественных наук, и политической проблематики в частности, досталось и независимой Молдове. Однако, в отличие, скажем, от России, Украины, ряда других республик бывшего Союза, в новом европейском государстве – Республике Молдова – практически не оказалось обществоведческих кадров, задействованных ранее в исследование зарубежной проблематики и знакомых, соответственно, с современной западной политической наукой. И это также явилось отягощающим фактором на пути становления молдавской политической науки.

Тем не менее, Молдова начала быстрее открываться западной политической науке. Это было обусловлено тем, что процесс отказа от коммунизма и марксизма-ленинизма как официальной идеологии начался в республике несколько раньше, чем в других частях СССР, но шел с некоторым временным отставанием (от 10 до 6 месяцев) от политических и социальных процессов, происходивших в конце ’80-х годов в республиках советской Прибалтики.

---

[2] *Полагаем, что это также явилось одной из причин того, что в период перестройки политическая публицистика, освободившись от оков коммунистической цензуры, бросилась в другую крайность, видя во всем предшествующем советском развитии только белые, черные и красно-кровавые страницы, выбрасывая с грязной водой и ребенка, здоровые, позитивные явления и процессы, которые также имелись в советский период.*

С 1 сентября 1989 года в Молдове прекращается преподавание научного коммунизма и истории КПСС. Кафедра научного коммунизма переименовывается в кафедру политологии и теории социализма, кафедра истории КПСС в кафедру политической истории. Перед преподавателями кафедры политологии и теории социализма поставлена задача подготовить к 1 января 1990 года нормативный курс по политологии на молдавском (румынском) и русском языках.

Это стимулировало поиск и знакомство с иностранной политологической литературой. Большую роль в первоначальном приобщении к западной политической науке сыграли работы польских и румынских авторов, труды французских и американских исследователей, переведенные на румынский язык и имевшиеся в Румынии работы.

С 1 января 1990 года в Молдавском госуниверситете, а постепенно и в других высших учебных заведениях республики начинается преподавание курса политологии. С 1 января 1991 года начинает выходить учебное пособие по нормативному курсу по политологии – 15 лекций (румынский вариант - в 15 брошюрах, русский вариант – в 5 брошюрах)[3]. Это издание было одним из первых учебных пособий по политологии в Советском Союзе. В апреле 1990 году в названии «кафедра политологии и теории социализма» благополучно исчезает «теория социализма». Тем самым, уже само название подчеркивает, что становящаяся политическая наука в Молдове стремится быть менее идеологизированной. Процесс институционализации политической науки в Молдове становится разносторонним.

2. Институционализация политологии в независимой Молдове.

Становление независимого молдавского государства, новые демократические ориентиры в политическом, социально-экономическом и духовно-идеологическом развитии наложили свой отпечаток и на становление политологии как науки и учебной дисциплины, ее институционализации. Однако, процесс этот, при уже накопленном позитивном потенциале, был далеко не однозначен.

---

[3] *См.: Prelegeri la cursul universitar de politologie. Coord. A.Zavtur. – Chişinău: Societatea „Ştiinţa”, 1991; Лекции по нормативному курсу политологии. Под ред. А.Завтура. – Кишинев: Общество «Штиинца», 1991. Одновременно в журнале «Politica (Политика)», бывшем теоретическом и общественно-политическом органе ЦК КПМ, на двух языках печатались тексты лекций по курсу политологии.*

2.1. Первый этап (1991-1995 гг.) – «поиск себя» в научно-образовательном пространстве Молдовы.

Университетский нормативный курс по политологии. Политология как наука и учебная дисциплина начинает искать себя, свое место в обществе, национальной системе образования. У молдавского социально-политического обществознания (кафедры политологии и политической истории) был накоплен успешный опыт выживания и приспособления в последние два года советского развития. Становление независимого государства востребовало, с одной стороны, пересмотра концепции социально-политического и патриотического образования в вузах. С другой стороны, парламент независимой демократической Молдовы принимает закон «О политических партиях и других общественно-политических организациях» (сентябрь 1991 года), в котором в ст.9 декларируется запрет на изучение истории, теории и практики деятельности политических партий в системе народного образования, в высшей школе. Де-факто, это прямой удар по политической науке. В такой позиции отразилась не столько антипартийная, сколько антикоммунистическая направленность мышления депутатского корпуса Молдовы в целом, протест против обществоведческих вузовских дисциплин, опирающихся на доктрины идеологизированного марксизма-ленинизма.

Происходит изменение структуры преподавания общественных дисциплин в вузах. Кафедры политической истории и политологии, значительно потеряв в временном объеме курсов, объединяются под крышей кафедр политологии. Вместо курса политической истории на первом курсе начинает читаться курс истории румын, призванный восполнить пробелы национального и патриотического воспитания. Политология как учебная дисциплина, получившая в наследство от научного коммунизма, образовательное поле на 4-5 курсе, переводится на 2 курс. Этот процесс затрагивает все высшие учебные заведения страны.

На этом этапе практически во всех вузах создаются кафедры политологии, потом, постепенно идет процесс объединения их с другими вузовскими кафедрами обществоведческого цикла и чисто политологические кафедры остаются только в составе Молдавского госуниверситета (на первом этапе) и в возникающих чуть позже (на втором этапе) специциализированных на обучении в области политической науки частных высших учебных заведениях. Кроме того, в составе Института философии, социологии и права Академии Наук Республики Молдова создается отдел политологии, призванный осуществлять политологические научные исследования.

Политологи, аппелируя к опыту западной политической науки, сумели в таких не всегда доброжелательных условиях сохранить во всех вузах обязательный характер курса политологии. На факультетах гуманитарного цикла он был введен в объеме 50 часов, на факультетах реального цикла (естественные, технические, сельскохозяйственные, медицинские специальности) – в объеме 34 часов. В дальнейшем продолжительность курса, распределение на лекции и семинарские (практические) занятия стабилизировались для всех специальностей и сегодня составляют 42-46 часа (2 часа лекций каждую неделю и 2 часа семинарских занятий через неделю). Изучается политология в течение одного семестра на втором курсе.

Кроме того, на ряде факультетов гуманитарного цикла, опираясь на благосклонность руководства, удалось внедрить преподавание не только нормативного, но и специальных курсов по политической науке. Более того, осуществляемый на втором этапе переход молдавской высшей школы к мировой практике переводных учебных кредитов расширяет возможности для увеличения доли, объема политологического образования на неполитологических специальностях вузов. Студенты-неполитологи самостоятельно, на принципах выбора отбирают необходимые им для получения необходимого числа кредитов учебные дисциплины. Наша практика свидетельствует, что предлагаемые политологические специальные курсы пользуются популярностью у студентов различных специальностей, в том числе и реального цикла.

Преуниверситетский нормативный курс политологии. Была сделана попытка ввести преподавание политологии и в среднюю и среднеспециальную школу. Была подготовлена и утверждена Министерством образования и науки Республики Молдова типовая программа курса по политологии[4]. В ряде средних школ, лицеев, колледжей начал преподаваться этот курс на гуманитарных и естественно-научных специальностях в объеме 72 и 36 учебных часов, соответственно. Однако, в целом это начинание не достигло ожидаемых целей. Одной из причин было отсутствие квалифицированных кадров и недостаток учебной нагрузки по политологии в доуниверситетских учебных заведениях.

Обеспечение преподавания нормативного курса по политологии. В 1990 году в республике был подготовлено и издано, как мы уже отметили, одно из первых учебных пособий по политологии в бывшем СССР. При всех его недостатках он давал целостное представление о

---

[4] *См.: Moşneaga V. Politologie. Programa pentru licee, şcoli de cultură generală, colegii. – Chişinău, 1993.*

политической науке, ее проблематике. С учетом новых политических реалий, связанных со становлением независимого и демократического молдавского государства, а также и с новым уровнем знаний была начата подготовка и издание нового коллективного учебного пособия по политологии. Это учебное пособие, как и предыдущее выходило на молдавском (румынском) и русском языках, в нескольких выпусках[5]. Позднее в Молдове появились учебные пособия по нормативному курсу политологии, подготовленные отдельными авторами[6].

Политологические кадры. В условиях становления системы политологического образования встает вопрос о подготовке кадров. До этого в республике не существовало системы подготовки кадров по специальности политическая наука. Первым шагом в создании подобной системы явилась регистрация в ВАК Правительства Молдовы, дальнейшая нострификация и перепрофилирование всех национальных преподавательских и исследовательских кадров, занятых в области преподавания и исследования проблем политической науки в Молдове. В 1992-1993 годы Высшей Аттестационной Комиссией Правительства Республики Молдова были регистрированы все ученые степени и научные звания (дипломы докторов, доктор-хабилитат, доцентов, профессоров), полученные молдавскими специалистами, в том числе и обществоведами, в советское время. Процесс нострификации ученых званий и степеней, полученных в постсоветское время, имеет место и сегодня.

Процесс перепрофилирования педагогических и научных кадров проходил в основном самостоятельно: - преподаватели сами определялись в своей приверженности той или иной общественной дисциплине, учебной кафедре. Они должны были совершенствовать свои знания, адаптироваться к уже существующему и читаемому университетскому курсу политологии. Молодые, не остепененные преподавательские и исследовательские кадры приобщались к политической науке посредством докторантуры, самостоятельного изучения политологической литературы.

---

[5] *См.: Politologia. Coord. V.Mosneaga. Partea I. – Chişinău: USM, 1993; Politologia. Coord. V.Mosneaga. Partea II. – Chişinău: USM, 1994; Politologia. Coord. V.Mosneaga. Partea III. – Chişinău: USM, 1995; Politologia. Coord. V.Mosneaga. Partea IV. – Chişinău: USM, 1998;*

[6] *Popescu T. Politologie. – Chişinău, 1997; Zavtur A., Varzari P., Pîrţac G. Politologia. – Chişinău, Academia de poliţie, 2000; Бенюк В. Политология. – Кишинев, АМОДЗ, 2001; Sandu I., Colaţchi A. Politologie. Întroducere în studiul teoriei politice. Ediţia a II. – Chişinău, 2002 и др.*

Правительство обеспечило возможность краткосрочных стажировок и курсов повышения квалификации в румынских вузах. Справедливости ради, отметим, что становление политологии в румынской высшей школе проходило значительно позже, чем в Молдове. Кроме того, использовалась и такая форма как направление студентов и аспирантов на учебу и в докторантуру в румынские вузы. При помощи Фонда Сороса в Молдове начала практиковаться подготовка кадров в вузах Франции, США и других стран.

Однако, подобные меры не могли удовлетворить потребности страны в высококвалифицированных политологических кадрах, владеющих достижениями современной западной политической науки, способных использовать современные методы политического анализа и политологического исследования. Это важно подчеркнуть, потому что политическая наука стала выходить за рамки только университетов, образовательного процесса или академических исследовательских центров.

Все чаще она стала находить применение в государственных и политических структурах Молдовы. Создаются и начинают действовать группы (и иные подразделения) политического анализа в Парламенте, Правительстве, Президентуре страны. Имеются аналитические политические группы в составе национального телерадио, министерств иностранных дел, обороны, юстиции, внутренних дел, службы информации и безопасности и др. Естественно, что растет потребность в специалистах, которые не только имеют представление, почерпнутое в нормативном курсе по политологии, но и могут осуществить политологическое исследование, применить методы политического анализа при изучении той или иной общественной проблемы, принятии того или иного политического, государственного решения.

Интерес к политической науке, ее теоретической и прикладной проблематике активно проявляют политические партии и общественно-политические формирования. Хорошей практикой стало создание независимых центров политического анализа, партийных политических школ и т.д.

В этот период была сделана попытка объединить преподавателей, политиков, экспертов-аналитиков, всех интересующихся проблематикой политической науки в рамках специализированных организационных структур. В 1992 году была создана Ассоциация политологов Молдовы. Однако, в силу различных причин организационного, финансового плана Ассоциация как работающая структура не сложилась.

В настоящий момент делается попытка возобновить ее деятельность. В начале января 2004 года в Министерстве юстиции Республики

Молдова зарегистрирована Молдавская ассоциация политической науки.

2.2. Второй этап (1995-2003 гг.) – интеграция в образовательную систему Молдовы, становление собственного научного и педагогического лица.

Развитие политологии и как науки и как учебной дисциплины востребовало решение вопроса о создании национальной системы подготовки кадров в области политической науки.

Высшие учебные заведения в области политической науки. Пионером в этом деле явился Молд.ГУ (Молдавский государственный университет), который с 1993 года открыл обучение студентов (одна академическая группа) по специальности «история и политология» в составе исторического факультета. Все студенты были зачислены на основе конкурса на бюджетную форму обучения. В 1994 году в составе исторического факультета было открыто отделение «политических наук», на котором обучались студенты по специальностям «политология и история», «политология и право», «международные отношения». Впервые были зачислены студенты и на контрактную форму обучения.

В 1995 году в составе университета на основе отделения «политических наук» был создан факультет политических и административных наук, который готовит специалистов в области политической науки по следующим специальностям: «политология», «правовое образование и политология», «публичная администрация» и «международные отношения»[7]. В 2001 году название факультета было изменено на «факультет международных отношений, политических и административных наук». На конец 2003 года на факультете обучалось 2582 студента. Из них на дневной форме обучения – 2342 студента и на заочном отделении – 240 человек.

С 2002 года на факультете открыто и заочное обучение по специальностям: «политология», «правовое образование и политология», «публичная администрация». На факультете имеется и постуниверситетское обучение. На заочном отделении созданы группы постуниверситетского образования (второе высшее образование). Докторантура и постдокторантура по политической науке функционирует на факультете с

---

[7] *Страх Д. Преподавание политической науки: исторические и организационно-методические аспекты проблемы. // MOLDOSCOPIE (Проблемы политического анализа). Часть V. – Кишинев: Молд.ГУ, 1995, с.170-179; Cujbă V. Pledoare pentru libertate şi afirmare. // Republica Moldova la începutul mileniului III: realităţi şi perspective. – Chişinău: USM, 2001, p.15-19.*

1995 года. С 1999 года открывается магистратура по специальности «политология». Постуниверситетское образование (магистратура) в непосредственно по политологии в Молдове открыто только в Молдавском госуниверситете.

В составе факультета действует 4 кафедры (кафедра политологии, кафедра международных отношений, кафедра публичной администрации и права, кафедра прикладных иностранных языков) и 1 научно-исследовательская лаборатория «Социологии политики». Факультет обладает собственным новым учебным корпусом, сданным в эксплуатацию в 1998 году, специализированной библиотекой, современными коммуникационными возможностями. Он осуществляет научное и учебно-методическое сотрудничество с рядом университетов Германии, России, Румынии, США, других стран. За время существования факультета было 7 выпусков дипломированных специалистов в области политических наук общей численностью более 600 человек.

В 1997 году было открыто первое частное высшее учебное заведение по подготовке квалифицированных специалистов в области политических наук – ИПЗМО (Институт политических знаний и международных отношений)[8]. Институт готовит специалистов по следующим специальностям «политология», «правовое образование и политология», «международные отношения», «европейские исследования», «американистика». Подготовка специалистов политологов по специальностям «американистика» и «европейские исследования» явилось пионерским направлением для политологического образования в Республике Молдова. С 1997 года в Институте открыто заочное обучение, в том числе и постуниверситетское (второе высшее образование) по отмеченным выше специальностям. Институт политических знаний и международных отношений уже осуществил первый выпуск дипломированных специалистов в области политических наук.

В 1999 году было зарегистрировано, а с 2000 года начало подготовку специалистов в области политической наук по специальностям «международные отношения», «международные экономические отношения», «международное право», «международная журналистика» другое частное высшее учебное заведение – АМОДЗ (Академия международных отношений и дипломатических знаний). С 2003 года прием студентов в это высшее учебное заведение не производится. Руководством Академии проводится работа по переводу студентов этого учебного заведения в Молд.ГИМО (Молдавский институт международных отноше-

---

[8] *См.: ISPRI. Ghidul studențesc. – Chişinău: ISPRI, 2003.*

ний), открытый решением правительства Республики Молдова в 2002 году и осуществляющим прием и обучение студентов на дневной форме обучения с 2003 года по специальностям «международные отношения», «международные экономические отношения», «международное право», «международная журналистика».

С 1997 года начато университетское (очное и заочное) обучение студентов по специальности «публичная администрация» в ГАПУПРМ (Государственной академии публичного управления при правительстве Республики Молдова), которая была открыта с 1993 года. До этого данное учебное заведение предназначалось для постуниверситетского обучения (второе высшее образование) и совершенствования кадров в области публичной администрации.

Таблица 1. Подготовка аудиентов в области политической науки (постуниверситетское образование) в Академии публичного управления при Президенте Республики Молдова (по годам)[9]

	‘93	*‘94*	*‘95*	*‘96*	*‘97*	*‘98*	*‘99*	*‘00*	*‘01*	*‘02*	*‘03*	*total*
a	39	88	149	122	198	82	61	51	54	20	35	899
b	75	190	213	337	456	517	498	468	491	395	483	4123
tot	114	278	362	459	654	599	559	519	545	415	518	5022

Примечание:
a - дневное отделение; b - заочное отделение.

На отделении постуниверситетского образования в Академии Государственного управления при Президенте Молдовы в 1993-2003 учебных годах обучалось чуть более 5000 аудиентов. Из них более 80 процентов обучалось на заочном отделении. Переподготовку в области публичного управления за период 1993-2003 год прошло около 7000 работников сферы управления Республики Молдова[10]. В Академии состоялось уже 2 выпуска выпускников университетского образования в области административных наук, публичной администрации.

Открытие университетской подготовки меняло особый образовательный статус данного учебного заведения. С изменением правового статуса Академии – с 2003 года она стала именоваться Государственная академия публичного управления при Президенте Республики Молдова

[9] *Архив Государственной Академии Публичного Управления при Президенте Республики Молдова*

[10] *См.: Academia de administrare publică pe lîngă Preşedintele Republicii Moldova. Un deceniu de împliniri. – Chişinău: AAPPRM, 2003, p.34-35, Архив Государственной академии публичного управления при Президенте Респеублики Молдова за 2003 год.*

университетское дневное обучение по специальности «публичная администрация» было прекращено[11], а студенты были переведены в Молдавский госуниверситет на факультет международных отношений, политических и административных наук[12]. Академия публичного управления при Президенте Республики Молдова занимается постуниверситетским образованием (второе высшее образование, магистратура (с 2002 года) и докторантура с 1994 года) в области публичной администрации.

Среди академических учреждений политологического профиля отметим Институт философии, социологии и права Академии Наук Республики Молдова, в котором в 1992 году был создан отдел политологии. Это специализированное научное подразделение в области политической науки занимается как осуществлением научных исследований в различных областях современного политического знания, так и подготовкой исследовательских кадров. При Институте философии, социологии и права действует докторантура и по политической науке, в которой проходят обучение докторанты на дневной и заочной формах обучения на основе бюджетного финансирования или на контрактной основе.

Количество студентов. Институционализация высших учебнвх заведений в области политической наук, специализированных академических, научно-исследовательских учреждений сопровождалось ростом студентов, магистрантов, докторантов, избравших в качестве своей будущей профессии политическую науку. Статистические данные о численности студентов в государственных и частных высших учебных заведениях Республики Молдова свидетельствуют о растущем интересе молодежи к политической науке.

---

[11] *Студенты на заочном отделении продолжают обучение по специальностям публичной адмиинстрации.*

[12] *Правительство приняло решение перевести в Молдавский госуниверситет на факультет международных отношений, политических и административных наук студентов очного отделения 2 и 3 курсов (из 111 студентов на факультет международных отношений, политических и административных наук перевелось 79 человек. Остальные выбрали в качестве дальнейшей учебы юридический факультет). Студентов 4 и 5 курсов было решено оставить в Государственной академии публичного управления при Президенте Республики Молдовы и позволить завершить обучение в данном учебном заведении.*

Таблица 2. Обучение студентов в области политической науки (университетское образование) в высших учебных заведениях Республики Молдова[13].

	1		2		3	4	5		
	A	*b*	*a*	*b*	*a*	*A*	*a*	*b*	*всего*
1993	25	-	-	-	-	-	-	-	25
1994	96	-	-	-	-	-	-	-	96
1995	271	-	-	-	-	-	-	-	271
1996	443	-	-	-	-	-	68	-	511
1997	594	-			-	-	156	-	750
1998	752	-	102	27	-	-	278	-	1159
1999	891	-	339	63	-	-	345	-	1638
2000	958	-	587	141	175	-	441	35	2337
2001	1388	-	753	273	445	-	425	73	3357
2002	1859	104	668	327	625	-	237	86	3906
2003	2342	240	654	389	625	195	150	-	4595

Примечания:

1 – Молд.ГУ; 2 – ИПЗМО; 3 – АМОДЗ; 4 – Молд.ГИМО; 5 – ГАПУПРМ;

a – дневная форма обучения, b – заочная форма обучения

При этом отметим, что подавляющее большинство студентов обучается на контрактной основе. Так, например, в Молдавском госуниверситете, являющемся флагманом в области подготовки кадров по политической науке и в котором сосредоточена основная масса будущих политологов, на бюджетной основе обучается только 299 из 2582 студентов, то есть менее 12 процентов.

Подчеркнем, что значительная часть молодых людей из Молдовы, сделав выбор в пользу политической науки, выбрали в качестве almamater высшие учебные заведения других стран. К сожалению, мы не обладаем полнотой информации по этой категории молдавских студентов изучающих политическую науку в иностранных государствах.

---

[13] *Источник: Илащук Д. Результаты приема абитуриентов на отделение политических наук Госуниверситета Молдовы в 1993-1994 учебном году. // MOLDOSCOPIE (Проблемы политического анализа). Часть VII. – Кишинев, Молд. ГУ, 1995, с.304-306; Илащук Д. Результаты приема абитуриентов на отделение политических наук Госуниверситета Молдовы в 1994-1996 учебном году. // MOLDOSCOPIE (Проблемы политического анализа). Часть VII. – Кишинев, Молд.ГУ, 1995, с.307-310; Архивы высших учебных заведений Республики Молдова.*

Причина в том, что многие из них выехали на обучение в зарубежные вузы самостоятельно. Некоторая часть из них была направлена на учебу Министерством образования Республики Молдова. Аналогичная картина и в отношении постуниверситетского образования (магистратура и докторантура). Собственные эмпирические наблюдения показывают, что молдавские граждане, выпускники как молдавских, так и иностранных высших учебных заведений обучаются, получив грант, государственное финансирование иностранных государств или за собственный счет во многих европейских странах (от Ирландии до России и от Италии до Швеции), в США, Канаде, Австралии, Израиле и других странах.

Согласно архивным данным Министерства образования Республики Молдова за пределами Республики Молдова за период с 1990 по 2003 год по направлению министерства на основе межгосударственных и межправительственных соглашений в области политической науки обучалось 150-180 студентов, магистрантов, докторантов в Румынии, России, Болгарии, Турции, Украине. Отметим, что подавляющее большинство молдавских студентов и магистрантов обучалось в Румынии. В молдавских вузах на политологических специальностях за этот период обучалось от 15 до 20 студентов, докторантов, граждан России, Румынии, Украины, Болгарии, Израиля[14].

Обеспечение учебного процесса. Процесс подготовки квалифицированных специалистов востребовал серьезного учебно-методического и организационно-технического обеспечения. Мы уже отмечали, что подготовка специалистов в области политической науки явилось совершенно новым делом, опыта которого у Молдовы не было. Для этого понадобилась глубокая и разносторонняя проработка национальной и иностранной учебной, учебно-методической и научно-методической литературы, решения различного рода учебного процесса. Были изучены учебные планы, тематика и программы курсов университетских центров Беларуси, Германии, России, Румынии, США, Франции, Украины, ряда других стран.

Накопленный опыт позволил достаточно оперативно и качественно сформировать концепцию подготовки квалифицированных кадров в области политических наук, обеспечить учебными программами, планами семинарских занятий, другой учебно-методической литературой по всему спектру преподаваемых дисциплин и специальностей. При этом от-

---

[14] *Архив Министерства образования Республики Молдова. С 2001 года подобное межправительственное соглашение с Румынией не подписывается. С Россией соглашение об обучении молдавских студентов и докторантов в российских вузах начинает полноценно работать с 2001 года.*

метим, что подавляющее большинство курсов являются оригинальными, пионерскими для молдавской высшей школы.

Так преподавателями кафедры политологии подготовлено и преподается более 70 оригинальных нормативных и специальных учебных курсов. На кафедре международных отношений таких курсов около 30. На кафедре публичной администрации и права таковых курсов около 20[15]. Более 30 оригинальных курсов для Молдовы по специальностям «американистика» и «европейские исследования» разработаны преподавателями Института политических знаний и международных отношений[16]. Немало оригинальных курсов в области государственного управления и публичной администрации подготовлено специалистами Государственной академии публичной администрации при Президенте Республики Молдова[17].

Серьезным подспорьем студентам, магистрантам, докторантам и начинающим преподавателям в процессе приобщения к сокровищнице современной мировой политической мысли, важным фактором институционализации политической науки в системе образования Молдовы являются учебники и учебные пособия. Молдавские студенты-политологи широко применяют в учебном процессе российские, румынские, американские, французские, украинские учебники. Этому способствует то обстоятельство, что многие из них, помимо знания румынского и русского языков, нередко владеют еще и двумя-тремя другими языками (английский, французский, испанский, немецкий, итальянский, болгарский, турецкий), обучение которым осуществляется не только в доуниверситетских учебных заведениях, но и в вузах, на факультетских специализированных кафедрах иностранных языков.

В последнее время начался процесс написания молдавскими авторами учебников и учебных пособий по курсам, читаемым на различных специальностях факультета. Среди них отметим увидевшие свет и получившие высокую оценку специалистов, заслуженную популярность у студентов, магистрантов и докторантов работы молдавских политологов Д.Страха, В.Бенюка, П.Фрунташа, Ф.Спинея, П.Варзаря, А.Сымботяну

---

[15] *Universitatea de Stat din Moldova. Catalog 2001-2003. Sistemul de credite transferabile de studii. – Chişinău: USM, 2001.*

[16] *ISPRI. Ghidul studenţesc. – Chişinău: ISPRI, 2003*

[17] *Academia de administrare publică pe lîngă Preşedintele Republicii Moldova. Un deceniu de împliniri. – Chişinău: AAPPRM, 2003.*

и других[18]. И процесс этот продолжается. Более того, видна тенденция к его интенсификации.

Педагогические кадры, их подготовка. Учебный процесс в области политических наук осуществляется силами преподавателей специализированных политологических кафедр. Нынешний период преподавания характеризуется тем, что около половины педагогических кадров являются дипломированными, а не перепрофилировавшимися специалистами. Подавляющее большинство из них являются выпускниками молдавских политологических учебных и научных центров, магистрами политических наук. Многие из них продолжают повышать свой научую квалификацию в докторантуре, занимаются подготовкой докторских диссертаций. Уже имеются «первые ласточки» - доктора политических наук, выпускники молдавских политологических высших учебных заведений.

Постуниверситетское политологическое образование осуществляется в республике в различных формах. Это и второе высшее образование в области политических наук. Особо широко эта форма используется в Государственной академии публичного управления при Президенте Республики Молдова. Оно осуществляется в очной и заочной форме. Так за период 1993-2003 годы на постуниверситетское образование в этом учебном заведении было зачислено более 5000 аудиентов. При этом, как показывает практика, большинство (84%) предпочитает заочную форму обучения[19].

Важное место в постуниверситетском образовании занимает магистратура, которая осуществляется в Молдавском госуниверситете и в Государственной академии публичного управления при Президенте Республики Молдова. В Молд.ГУ за период существования магистратуры прошли обучение 85 человек. В настоящее время в магистратуре факультета обучается 35 человек. В Государственной академии публичного управления при Президенте Республики Молдова прошло обучение 22 человека. В ностоящее вермя обучается 88 человек.

---

[18] *Strah D. Istoria gîndirii politice. Din antichitate pîna în secolul XVIII. - Chişinău: USM, 1996; Strah D. Istoria gîndirii politice. Din secolul XVIII pîna la apariţia ştiinţei politice contemporane. – Chişinău: USM, 1999; Бенюк В. История дипломатии. – Кишинев: Молд.ГУ, 1999; Sîmboteanu A. Administraţia publică centrală. – Chişinău: AAPPRM, 1999; Fruntaş P. Sistemele politice contemporane. În 2 volume. – Chişinău: USM, 2001; Spinei T. Introducere în politologie. – Chişinău: USM, 2003; Varzari P. Introducere în elitologie. – Chişinău: USM, 2003 и др.*

[19] *См.: Academia de administrare publică pe lîngă Preşedintele Republicii Moldova. Un deceniu de împliniri. – Chişinău: AAPPRM, 2003, p.88.*

Таблица 4. Постуниверситетское (магистратура) образование в области политической науки в Молд.ГУ и ГАПУПРМ[20]

	Молд.ГУ		*ГАПУПРМ*		*всего*
	бюджет	*контракт*	*бюджет*	*контракт*	
1999	8	-	-	-	8
2000	11	-	-	-	11
2001	11	4	-	-	15
2002	8	17	-	-	25
2003	10	16	5	17	48
2004	14	21	5	83	123
Всего	62	58	10	100	230

В подготовке научных и педагогических кадров высшей квалификации отводится Специализированным Научным Советам по защите докторских и доктор-хабилитатских диссертаций.

В 1994 году при Институте философии, социологии и права Академии Наук Молдовы в рамках Специализированного Научного Совета по защите докторских и доктор-хабилитатских диссертаций в области философии, истории философии и социологии, созданного в 1993 году, была открыта защита диссертаций и по политологии (специальности «история и теория политологии» и «политические институты и процессы»). В 1998 году при Молдавском государственном университете создается Специализированный Научный Совет по защите докторских и доктор-хабилитатских диссертаций по философии и политологии (специальность «история и теория политологии; политические институты и процессы»).

За период функционирования данных специализированных научных советов в области политических наук было защищено 38 диссертаций, из которых 10 на соискание ученой степени доктор-хабилитат политических наук и 28 на соискание ученой степени доктора политических наук. Среди вновь защищенных докторов и докторов-хабилитат политических наук было 30 граждан Республики Молдова и 8 иностранных граждан. Среди иностранных граждан были представители Бель-

[20] *Архив Департамента постуниверситетского образования Молдавского госуниверситета, Academia de administrare publică pe lîngă Preşedintele Republicii Moldova. Un deceniu de împliniri. – Chişinău: AAPPRM, 2003, p.88; архив Государственной Академии Публичного Управления при Президенте Республики Молдова за 2004 год.*

гии, Германии, Ирана, Румынии, США, Украины. Данные приведенных ниже таблиц подтверждают это[21].

Таблица 5. Распределение защищенных докторских диссертаций по политическим наукам по годам (1994-2003 гг.)

	94	***95***	***96***	***97***	***98***	***99***	***00***	***01***	***02***	***03***	*всего*
Совет АНМ	1	1	3	2	3	4	2	1	1	4	22
Доктор	1	1	1	2	3	4	2	1	1	3	19
иностранцы	-	-	-	-	1	1	-	-	-	1	3
доктор-хаб	-	-	2	-	-	-	-	-	-	1	3
иностранцы	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	2
Совет МГУ	-	-	-	-	2	4	1	1	5	3	16
Доктор	-	-	-	-	2	2	1	-	2	2	9
иностранцы	-	-	-	-	1	-	-	-	1	-	2
доктор-хаб.	-	-	-	-	-	2	-	1	3	1	7
иностранцы	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Всего	1	1	3	2	5	8	3	2	6	6	38

Таблица 6. Распределение защищенных докторских диссертаций по политическим наукам, по происхождению авторов (1994-2003 гг.)

	94	***95***	***96***	***97***	***98***	***99***	***00***	***01***	***02***	***03***	*всего*
Доктор	1	1	1	2	5	6	3	1	3	5	28
Молдова	1	1	1	1	3	5	3	1	2	4	22
иностранцы	-	-	-	1	2	1	-	-	1	1	6
доктор-хаб.	-	-	2	-	-	2	-	1	3	2	10
Молдова	-	-	-	-	-	2	-	1	3	2	8
иностранцы	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	2
Всего	1	1	3	2	5	8	3	2	5	6	38

Таблица 7. Распредение защищенных докторских диссертаций по политическим наукам по странам происхождения авторов в 1994-2003 гг.

	94	*95*	*96*	*97*	*98*	*99*	*00*	*01*	*02*	*03*	*всего*

[21] *См.: архивы Специализированных Научных Советов по защите докторских и доктор-хабилитатских диссертаций (в области политологии) при Институте философии, социологии и права Академии Наук Молдовы и при Молдавском госуниверситете*

Молдова	1	1	1	1	3	7	3	2	5	6	30
Бельгия	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1
Германия	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1
Иран	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1
Румыния	-	-	1	1	-	-	-	-	1	-	3
США	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1
Украина	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1
Всего	1	1	3	2	5	8	3	2	6	7	38

Отметим, что подавляющая часть молдавских специалистов в области политической науки защитили свои докторские диссертации в Республике Молдова. Все диссертации на соискание ученой степени доктор-хабилитат политической науки были защищены в Молдове. Данные из таблицы достаточно красноречивы.

Таблица 8. Распределение докторских и доктор-хабилитатских диссертаций по политической науки по месту защиты (по годам)

Защита	***'94***	***'95***	***'96***	***'97***	***'98***	***'99***	***'00***	***'01***	***'02***	***'03***
доктор										
*всего**	...	4	5	7	10	17	20	22	21	23
*Молдова***	1	2	3	4	7	12	15	16	18	22
*зарубежье****	...	2	2	3	3	5	5	6	3	1
доктор-хаб.										
*всего**	-	-	-	-	-	2	2	3	6	6
*Молдова***	-	-	-	-	-	2	2	3	6	8
*зарубежье****	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Примечание:

В рубрике «всего» представлена общая, без спецификации места защиты) информация о защите докторских и доктор-хабилитатских диссертаций по политологии (источник: архив Высшей Аттестационной Комиссии (ВАК) Правительства Республики Молдова).

В рубрике «Молдова» представлена информация национальных Специализированных Научных Советов по защите докторских и доктор-хабилитатских[22] диссертаций по политологии (источник: архивы Специализированных Научных Советов Республики Молдова).

[22] *Расхождение данных по защите доктор-хабилитатских диссертаций по политической науке за 2003 год по информации Высшей Аттестационной Комиссии (ВАК) Правительства Республики Молдова и по информации Специализированных Научных Советов по защите доктор-хабилитатских диссертаций объясняется тем, что данные ВАКа приводятся на 1 сентября 2003*

Соответственно, в рубрике «зарубежье» представлены данные о количестве молдавских граждан защитивших докторские и доктор-хабилитатских диссертации в Специализированных Научных Советах в других странах.

Помимо присвоения ученых степеней (доктор и доктор-хабилитат) в области политической науки, Высшая Аттестационная Комиссия страны присваивает и научные звания доцентов и профессоров в области политологии. За период до 1 января 2004 года ВАКом Республики Молдова было присвоено 2 звания профессора и 14 званий доцента в области политической науки[23].

Признанием ее заслуг может служить и тот факт, что среди академического собрания Академии Наук Молдовы имеется 1 академик, являющийся академиком-координатором секции общественно-гуманитарных наук, и 2 член-корреспондента в области политической науки[24].

Сравнительный анализ распределения специалистов с учеными степенями по отраслям знаний показывает, что молдавская политическая наука нашла свое место в регистре научных специальностей (Приложение 2), имеет неплохие возможности для роста. Подчеркнем, что сегодня подготовкой докторских и доктор-хабилитат диссертаций в области политической науки в Молдавском госуниверситете и в Институте философии, социологии и права академии Наук Молдовы занимается, используя различные формы обучения (дневная и заочная аспирантура на бюджетной и контрактной основе, постдокторантура и соискательство) около 50 человек из Республики Молдова и ряда зарубежных стран[25].

В то же время отметим, что сегодняшние возможности для повышения квалификации преподавателей, научных и педагогических стажиро-

---

года, в то время как данные Специиализированных Научных Советов отражают результаты их деятельности на 1 января 2004 года.

[23] *Количество доцентов и профессоров в области политологии в республики значительно больше, если учесть, что значительной части остепененных преподавателей политологических кафедр вузов и научных сотрудников политологических подразделений академических учреждений стали присваиваться доцентские и профессорские звания в области политической науки ВАКом при Совете Министров СССР с 1989 года. После объявления независимости вновь созданный ВАК Правительства Республики Молдова провел регистрацию научных степеней и званий, присвоенных ВАК СССР до 1 января 1992 года.*

[24] *Архив Академии Наук Молдовы.*

[25] *Архив кафедры политологии Молдавского госуниверситета и Института философии, социологии и права Академии Наук Республики Молдова.*

вок для молдавских политологов, как, в общем-то, и для представителей других общественных наук, очень ограничены. Поэтому, исходя из существующих молдавских реалий решение проблемы видится в реализации следующей концепции, опирающейся на несколько пилонов, несущих опор, благодаря которым, полагаем, молдавская политическая наука имеет реальные шансы достойно войти в международное политологическое сообщество. Благодаря этому удается вырваться из порочного круга, который не случайно называется «вариться в своем соку».

Во-первых, это совмещение педагогической и научно-исследовательской деятельности молдавских политологов. Отметим, что факультет международных отношений, политических и административных наук Молдавского государственного университета сегодня является не только флагманом высшей школы в области подготовки специалистов в области политической науки, но и ведущим научно-исследовательским центром в этой области[26]. Это апробированный западными странами путь, который дает реальные и позитивные результаты и в Молдове.

Во-вторых, в процессе становления политологии в Молдове и как науки и как учебной дисциплины является реальное соединение педагогической и научно-исследовательской деятельности с практикой реальной работы в политической сфере. Речь идет об участии в избирательных кампаниях на парлмаментских или местных выборах в качестве консультантов, экспертов, оказание посильной помощи государственным структурам, участие в социологических исследованиях, экспертных оценках и т.д. Отметим, что и в этой области молдавским политологам не стыдно посмотреть в глаза молдавскому политическому обществу, коллегам из других стран.

В-третьих, активное привлечение студенчества к научно-исследовательской работе. В государственных и частных вузах политологического профиля стало хорошей традицией проведение совместных научных

---

[26] *Несомненно, что этому способствовало и издание факультетского сборника научных статей „MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică), который выходит с 1992 года. За время существования и издания этого сборника увидело свет уже 23 тома научных статей. Специфика данного издания состоит в том, что к опубликованию принимаются только научные статьи, в которых анализируются проблемы политического развития Республики Молдова. Подробный анализ содержания, тематики, авторского коллектива, научной направленности этой научной публикации (см.: Saca V., Rusnac Gh. Cercetare şi tradiţie politologică: la 10 ani ai „MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică)”. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XXI. – Chişinău: USM, 2003, p.148-158).*

конференций преподавателей и студентов[27]. Выгода от такого рода мероприятий носит обоюдный характер, помогает студентам приобщиться и освоить глубину и широту анализа, а профессорско-преподавательскому составу – выявить талантливую студенческую молодежь, увидеть «безумные идеи», наметить поле и направление будущих оригинальных научных исследований.

В-четвертых, проведение научных симпозиумов, в работе которых участвуют специалисты из различных стран. Благодаря этому удается узнать непосредственно из уст зарубежных политологов новую информацию о происходящих политических процессах, используемых методах исследования, получить возможность для сравнительного анализа, компаративистских политологических исследований, установить многочисленные практические контакты со учеными, политологами различных стран. За это большое спасибо спонсорам из различных научных, исследовательских, благотворительных фондов Германии, США, России, и других стран, которые оказали содействие и финансовую помощь в организации и проведении подобного рода мероприятий, издании материалов симпозиумов или сборников научных статей по материалам научных форумов[28].

---

[27] *См.: Republica Moldova la începutul mileniului III: realităţi şi perspective. – Chişinău: USM, 2001; Republica Moldova pe calea democratizării: realităţi, probleme, perspective. – Chişinău: ISPRI, 2002; Anuar ştiinţific. Vol. I – Chişinău: ARIS-DIP, 2002; Republica Moldova pe calea democratizării: realităţi, probleme, perspective. – Chişinău: ISPRI, 2003, Unificarea europeană: filosofie, politică, mentalitate. – Chişinău: ISPRI, 2003 и др.*

[28] *См. Statul naţional şi societatea polietnică: Moldova în anii '90. – Chişinău: "Perspectiva", 1997; От этнополитического конфликта к межнациональному согласию в Молдове. - Кишинев: Молд.ГУ, 1998; Politica externă a Republicii Moldova: aspecte ale securităţii şi colaborării regionale. – Chişinău: "Perspectiva", 1998; Moldova, România, Ucraina: bună vecinătate şi colaborare regională. - Chişinău: "Perspectiva", 1998; Moldova, România, Ucraina: integrarea în structurile europene. – Chişinău: "Perspectiva", 2000; Электоральные технологии и президентские выборы. – Кишинев: "CAPTES", 2000; Moldova, România, Ucraina: integrarea europeană şi migraţiunea forţei de muncă. – Chişinău: "CAPTES", 2000; Mass-media în societăţile în tranziţie: realităţi şi perspective. – Chişinău: USM, 2001; Moldova între Est şi Vest: identitatea naţională şi orientarea europeană. – Chişinău: USM, 2001; Minorităţile naţionale şi relaţiile interetnice: tradiţia europeană şi experienţa noilor democraţii pentru Moldova. În 2 vol. – Iaşi: CAPTES, 2002; Украïна, Румунiя, Молдова: iсторичнi, полiтичнi та культурнi аспекти взаемин. - Чернiвцi: ЧГУ, 2002; Aspecte ale migraţiei de muncă în contextul Republicii Moldova. Consideraţii ale experţilor europeni şi moldoveni. - Chişinău: DSM, 2003; Трудовая миграция и защита прав гастарбайтеров: прак-*

В-пятых, это интеграция в международное политологическое сообщество посредством углубления международного научного и учебно-методического сотрудничества, получения грантов в области политической науки с учебными университетскими центрами Европы и США. Отметим гранты в области преподавания политической науки Молд.ГУ с Университетом *PACE* (Нью-Йорк, США, 1998-2000), в области международных отношений Молд.ГУ с Университетом *Rutgers* (Нью-Джерси, США, 2001-2004), получение Институтом политических знаний и международных отношений гранта в области европейских исследований (2002-2005) по проекту Ж.Моне, TACIS, и др. Широкое и плодотворное сотрудничество с университетами различных стран осуществляет Государственная академия публичной администрации при Президенте Республики Молдова. Ею накоплен богатый опыт дирижирования международных проектов и грантов в области публичной администрации[29].

Новым и, несомненно, перспективным является практика совместного научного руководства докторскими дисертациями со стороны молдавских ученых и политологов из других стран. Опыт свидетельствует, что подобного рода явления уже не являются единичными. Это говорит о постепенном признании международным политологическим сообществом успехов и заслуг молдавских политологов в анализе политических процессов, происходящих в Молдове в условиях системных общественных трансформаций.

Проведенный анализ показывает, что процесс институционализации политологии как науки и учебной дисциплины в Молдове имеет место, достигнут ряд положительных результатов. Политология стала значимым явлением в системе высшего образования Республики Молдова. Политический анализ, политический маркетинг, консалтинг и менеджмент являются необходимыми компонентами деятельности государственных и партийных структур и, в силу этого, политическая наука все более востребована в независимом демократическом молдавском государстве. Политическая наука вызывает интерес и молдавских граждан, молодежи, студенчества. Процесс ее дальнейшей институционализации неразрывно связан с упрочением ее связей с международным политологическим сообществом, более тесным сотрудничеством, интеграцией в

тика посткоммунистических стран. – Кишинэу: Молд.ГУ, 2003; Organizaţiile nonguvernamentale şi impactul lor asupra proceselor de transformare. – Chişinău: USM, 2004 и др.

[29] *См.: Academia de administrare publică pe lîngă Preşedintele Republicii Moldova. Un deceniu de împliniri. – Chişinău: AAPPRM, 2003*

международные политологические структуры, исследовательские проекты, подготовку высококвалифицированных кадров.

Библиография

Academia de administrare publică pe lîngă Preşedintele Republicii Moldova. Un deceniu de împliniri. – Chişinău: AAPPRM, 2003

Anuar ştiinţific. Vol. I – Chişinău: ARISDIP, 2002.

Cujbă V. Pledoare pentru libertate şi afirmare. // Republica Moldova la începutul mileniului III: realităţi şi perspective. – Chişinău: USM, 2001, p.15-19.

Илащук Д. Результаты приема абитуриентов на отделение политических наук Госуниверситета Молдовы в 1993-1994 учебном году. // MOLDOSCOPIE (Проблемы политического анализа). Часть VII. – Кишинев: Молд.ГУ, 1995, с.304-306.

Илащук Д. Результаты приема абитуриентов на отделение политических наук Госуниверситета Молдовы в 1994-1996 учебном году. // MOLDOSCOPIE (Проблемы политического анализа). Часть VII. – Кишинев: Молд.ГУ, 1995, с.307-310.

ISPRI. Ghidul studenţesc. – Chişinău: ISPRI, 2003.

Istoria Universitatii de Stat din Moldova (1946-1996). – Chisinau: USM, 1996

Мошняга В. Политологические исследования в Молдавском госуниверситете: состояние и проблемы. // MOLDOSCOPIE (Проблемы политического анализа). Часть VIII. – Кишинев: Молд.ГУ, 1997, с.156-172.

Moşneaga V., Rusnac Gh., Strah D. Studiile politologice în pas cu cerinţele timpului. // Analele ştiinţifice ale Universităţii de Stat din Moldova (1946-1996). – Chişinău: USM, 1996.

Мошняга В., Руснак Г. Политическая наука в Молдове: состояние и проблемы. // MOLDOSCOPIE (Проблемы политического анализа). Часть II. – Кишинев: Молд.ГУ, 1993, с.3-11.

Profesorii Universităţii de Stat din Moldova (1946-2001). – Chişinău: USM, 2001.

Republica Moldova la începutul mileniului III: realităţi şi perspective. – Chişinău: USM, 2001.

Republica Moldova pe calea democratizării: realităţi, probleme, perspective. – Chişinău: ISPRI, 2002.

Republica Moldova pe calea democratizării: realităţi, probleme, perspective. – Chişinău: ISPRI, 2003.

Saca V., Rusnac Gh. Cercetarea şi tradiție politologică: la 10 ani ai „MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică)”. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XXI. – Chişinău: USM, 2003, p.148-158.

Страх Д. Преподавание политической науки: исторические и организационно-методические аспекты проблемы. // MOLDOSCOPIE (Проблемы политического анализа). Часть V. – Кишинев: Молд.ГУ, 1995, с.170-179.

Universitatea de Stat din Moldova. Catalog 2001-2003. Sistemul de credite transferabile de studii. – Chişinău: USM, 2001

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Тематика диссертаций, защищенных в Специализированных Научных Советах Республики Молдова по защите диссертаций на соискание ученых степеней доктора и доктор-хабилитата по политическим наукам в 1994-2003 гг[30].

№	*автор*	*Название диссертации*	*год*
		Докторские диссертации	
1	*БАЛАН Елена*	Проблемы международных отношений в среде сельской молодежи	1994
2	*БАРОН Вильям (США)*	Представления о власти и государстве в доктринах европейских мыслителей (Новое время – начало XX века)	1999
3	*БЕНКЕЧ Диана*	Политическая власть и социальный порядок в переходный период: проявления и взаимозависимости (на примере Республики Молдова)	2003
4	БОРШ Владимир	Внешняя политика Республики Молдова (процесс формирования и реализации)	2002
5	ВОЙКУ Габриел-Ливиу (Румыния)	Политико-медийное воздействие: понятие, механизмы, способы	2002
6	*ГАРАЗ Марчел*	Процесс утверждения Республики Молдова в институциональной системе Совета Европы	2002
7	*ДОРАШ*	Возможности применения качественных мето-	1996

[30] *Источник: архивы Специализированных Научных Советов по защите докторских и доктор-хабилитатских диссертаций в области политической науки.*

	Виктор	дов в анализе политических процессов в условиях переходных обществ: методологические аспекты	
8	*КИСТРУГА Илларион*	Проблема появления и развития гражданского общества (философско-политологические аспект)	1997
9	КЛИНГ Карстен (Германия)	Влияние государственных институтов на системы здравоохранения (сравнительный анализ систем здравоохранения в Великобритании, Германиии и Швейцарии)	1998
10	*КОРНЯ Сергей*	Эволюция административной системы Бессарабии (1812-1917)	2000
11	*КОТИК Виорел (Украина)*	Румыноязычный этнокомпонент в контексте современных этнополитических процессов в Украине	1998
12	*ЛЕСКУ Михаил*	Роль прессы Республики Молдова в демократизации политической системы общества	1997
13	*ЛИПЧИУ Ион*	Формирование многопартийности в Республике Молдова	1995
14	МАНОЛАКЕ Константин	Экологическая безопасность: военно-политические проблемы	1998
15	*МОХАМАДИФАРД Голамали (Иран)*	Политические идеи ислама и современность	2003
16	МЫНЭСКУРТЭ Чезар	Политические символы – способы национальной идентификации (историко-политологическое исследование)	2003
17	*ПРОКА Мария*	Политическое поведение в процессе демократизации общества (теоретико-аналитическое исследование)	1999
18	ПЫРЦАК Григорий	Политическая власть и некоторые формы общественного сознания: проблемы взаимодействия	1999
19	*РАВЕНСКАЯ Светлана*	Социально-политические взгляды Макса Вебера и их значение для современности	2001
20	*СЕРЕБРЯН Олег*	Последствия распада СССР на геополитическую ситуацию черноморского региона	1998
21	СПИНЕЙ Федор	Теория международных отношений: отдельные методологические и структурные аспекты	1999
22	СТЕПАНОВА Жеоржета	Политико-информационный потенциал современной прессы в Республике Молдова	2000
23	*СЫМБОТЯНУ*	Реформа публичной администрации в Респуб-	2000

	Аурел	лике Молдова (1990-2000)	
24	ТАНАСЭ Руслан	Поведение электората Республики Молдова: детерминирующие факторы, механизмы, модели	2003
25	*ТУРКО* *Татьяна*	Методологические проблемы политологического анализа социального конфликта	1998
26	*ТЭБЫРЦЭ* *Орест*	Протокол – инструмент представительства в политической жизни: ретроспектива и современность (политолого-историческое исследование)	2003
27	*ФРУНЗЭ* *Василе*	Роль возрождения национальной культуры в преодолении негативных последствий советской политики в Республике Молдова	1999
28	*ФРУНТАШУ* *Юлиан*	Демократический транзит в Республике Молдова в контексте этнополитической эволюции	1999
29	*ЯКОБ* *Иоан* *(Румыния)*	Общественно-политическое измерение физической культуры и спорта в послевоенной Румынии	1997
	Доктор-хабилитатские диссертации		
1	*АНИКИН* *Владимир*	Процесс становления гражданского общества в Республике Молдова в постсоветский период (общее и особенное)	2003
2	БЕНЮК Валентин	Институционализация тоталитарной политической власти в послевоенной Молдове: сущность и специфика	1999
3	*ДЕССАРТ* *Франсис* *(Бельгия)*	Защита окружающей среды и публичная администрация: политологические аспекты	1996
4	МАРИН Константин	Гражданское общество: классические подходы и современное переосмысление	2002
5	*МАРИНЕСКУ* *Константин* *(Румыния)*	Нация и национальное государство в современном обществе	1996
6	МОРАРУ Виктор	Масс-медиа и политика в современном обществе (теоретико-аналитическое исследование)	2001
7	МОШНЯГА Валерий	Институциональное и человеческое измерения миграционных процессов в Республике Молдова (этнополитологический анализ)	1999
8	РОШКА Алла	Импакт политической коммуникации на демократизацию общества	2003

9	САКА Виктор	Политические интересы и отношения в условиях демократической транзиции.	2002
10	СОЛОМОН Константин	Институционализация и эволюция политической демократической системы в Республике Молдова (историко-политологические аспекты)	2002

Примечание:

Выделение фамилий авторов диссертаций шрифтом «italic» означает, что диссертация была защищена на заседаниях Специализированного Научного Совета при Институте Философии, Социиологии и Права Академии Наук Молдовы. Диссертации, фамилии авторов которых не выделены данным шрифтом, были защищены на заседанияз Специализированного Научного Совета по защите диссертаций при Молдавском государственном университете.

Приложение 2.

Численность молдавских граждан обладателей ученых степеней, зарегистрированных в Республике Молдова (распределение по отраслям, годовые данные) *(ситуация на 1сентября 2003 года)*

Ученая степень «доктор-хабилитат»

отрасль	***годы***								
	'95	***'96***	***'97***	***'98***	***'99***	***'00***	***'01***	***'02***	***'03***
Всего	**572**	**588**	**611**	**643**	**665**	**699**	**727**	**695**	**700**
архитектура	-	-	-	-	-	-	-	-	-
биологические	55	58	63	67	71	75	75	81	81
ветеринарные	5	5	5	5	5	5	6	6	6
Военные науки	-	-	-	-	-	-	-	-	-
географические	3	3	3	5	5	5	5	6	7
геолог-минерал.	3	3	3	3	3	3	3	3	3
искусствоведческ.	4	4	4	4	4	6	6	6	6
исторические	29	30	30	32	33	35	35	31	31
медицинские	150	154	162	171	176	184	188	180	179
педагогические	4	5	6	7	7	7	7	8	8
политические	-	-	-	-	2	2	3	6	6
психологические	-	-	-	1	1	1	2	2	2
сельскохозяйст.	67	67	67	69	59	71	74	64	65
социологические	-	-	1	1	1	3	3	3	3
технические	58	58	60	62	63	67	68	63	63
фармацевтика	3	3	3	3	4	4	4	4	4
физико-матем.	82	85	87	90	92	93	96	85	86
филологические	27	29	30	34	34	35	39	39	38
философские	21	21	21	21	21	21	22	21	20
химические	24	24	24	26	27	29	29	27	28

экономические	31	33	36	36	41	46	53	51	55
юридические	6	6	6	6	6	7	9	9	9

Ученая степень «доктор»

отрасль	*годы*								
	‘95	*‘96*	*‘97*	*‘98*	*‘99*	*‘00*	*‘01*	*‘02*	*‘03*
Всего	**4208**	**4297**	**4431**	**4592**	**4750**	**4943**	**5140**	**4840**	**4947**
архитектура	1	1	1	1	1	1	1	4	4
биологические	491	510	524	545	561	581	601	528	541
ветеринарные	29	29	30	31	32	33	36	31	31
военные науки	3	3	3	3	3	3	3	1	1
географические	19	19	19	19	20	23	23	25	26
геолог-минерал.	21	21	21	21	21	21	21	22	22
искусствоведческ.	36	39	40	45	47	48	49	48	49
исторические	207	208	213	225	230	238	244	218	220
медицинские	656	674	716	749	776	817	862	835	854
педагогические	193	197	207	218	238	247	257	259	265
политические	4	5	7	10	17	20	22	21	23
психологические	5	6	12	15	17	20	22	30	33
сельскохозяйст.	423	428	433	438	446	454	463	406	408
социологические	8	10	11	12	14	17	18	20	22
технические	611	618	623	629	638	648	655	641	645
фармацевтика	13	13	14	17	17	20	25	26	29
физико-матем.	500	504	516	532	546	552	562	516	521
филологические	205	211	218	222	230	245	249	241	249
философские	126	128	132	133	133	134	138	124	128
химические	214	218	221	224	225	229	231	218	219
экономические	390	399	413	437	462	501	553	506	521
юридические	53	56	57	66	76	91	105	120	136

Приложение 3.

Количество докторских и доктор-хабилитатских диссертаций, защищенных иностранными гражданами в 1993-2003) по годам и странам происхождения.

	‘93	*‘94*	*‘95*	*‘96*	*‘97*	*‘98*	*‘99*	*‘00*	*‘01*	*‘02*	*‘03*	*всего*
A			1									1
B				1		1						2
C				1/1								1/1
D										1/1		1/1
E										2		2
F					1							1
G				1								1
H	1											1
I				1		1	1					3
J	2	2										4
K		1										1

L			1			2	4	8	14	8	2	37
M											1	1
N	1											1
O						1					1	2
P			1									1
Q	1											1
R					1							1
S	2											2
T					1		1					2
U		1										1
V		3	1	2/1	4	6	10	16	17/2	18	9	86/3
W		1	3	1	1	2		1	1		1	11
X			1		1	1	1			1		5
Y	1											1
Z		1										1
AB			2						2	1		5
AC		1/1										1/1
AD		2/1	1/1	1/1	1	1	1		2/1	1	1	11/4
AE	2		1			6	2/1			1		12/1
AF	1		2	1	2			1	1		2	10
AG						2						2
всего	11	12/2	14/1	9/3	12	22	21/1	26	39/3	31/1	17	114/11

Примечание:

A – Афганистан, B – Ангола, C – Бельгия, D – Беларусь, E – Болгария, F – Камерун, G – Колумбия, H – Египет, I – Германия, J – Гвинея, K – Индия, L – Иордания, M – Израиль, N – Ирак, O – Иран, P – Югославия, Q – Лаос, R – Ливан, S – Мали, T – Непал, U – Перу, V – Румыния, W – Сирия, X – США, Y – Судан, Z – Шри-Ланка, AB – Турция, AC – Туркменистан, AD – Украина, AE – Вьетнам, AF – Йемен, AG - Зимбабве.

Цифра за скобкой «/» означает, что была защищена доктор-хабилитатская диссертация.

По научным отраслям защищено: сельскохозяйственные науки – 25, биологические науки – 26, химические науки – 9, медицинские науки – 6, фармацевтические науки – 2, физико-математические науки – 16, технические науки – 8, педагогические науки – 42, юридические науки – 29, экономические науки – 26, политические науки – 8, филологические науки – 5, социологические науки – 3. психологические науки – 3, искусствоведение –1, исторические науки – 2, философские науки – 2.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА В МОЛДОВЕ: ТЕМАТИЧЕСКОЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ[31]

Виктор САКА
Республика Молдова, Кишинев
Молдавский госуниверситет,
факультет международных отношений,
политических и административных наук,
кафедра политологии,
доктор-хабилитат, доцент

Проблема развития политической науки в Молдове, как и в других странах на постсоветском пространстве, весьма неоднозначна и противоречива как по своим геохронометрическим параметрам, так и по имеющимся условиям, по институциональным свойствам и тем более, по тематике научных исследований. Возникновение и эволюция политологии на этом пространстве осуществляется через сложные и антиномические процессы переплетения необходимых политологических исследований и уже накопившихся определенных политологических традиций, с разными эпистемическими качествами, информационно-научными коннотациями, ибо данная наука по своей сути, пусть еще с недостаточно развитой субстанцией, невозможно понять вне традиции, вне тенденций аккумуляции и расширения исследовательского элемента и в то же время вне новаторского элемента. Оба эти элемента воплощают известный уровень преемственности политического знания в условиях постсоветского социума, обусловленного благоприятными / неблагоприятными факторами его развития, конкретным соотношением политики и политологии, наличием и активностью / пассивностью научных ассоциаций, аналитических центров, развитием образовательных центров и соответствующей подготовки специалистов-политологов.

Именно традиция и новация характеризует возрастающий интерес ученого-обществоведа, в том числе политолога к усвоению объекта политики. Что касается политологических исследований в Молдове, они находят свое концентрированное выражение в различных институциональных формах организации науки, в определенных методологических подходах к интерпретации социально-политической практики. Более чем десятилетний период демократического транзита, с его необычны-

[31] *Рецензент – доктор-хабилитат, доцент Константин Соломон*

ми сочетаниями логических и нелогических явлений, здоровых и нездоровых дихотомических процессов социальных преобразований, демонстрируют ощутимые диспропорции между имманентными факторами преемственности общественно-политической мысли. Их теневые эффекты в значительной мере обусловлены дефицитом способности как старшего, так и молодого поколения исследователей по обеспечению необходимой связи времен между тем, что унаследовано и тем, что следует создать для наращивания и обогащения арсенала политических знаний.

Общеизвестно, что советское историческое наследие в области обществознания весьма тяжело сказалось и продолжает сказываться на становлении и развитии политологического знания. Последнее прокладывает себе дорогу через существенные противоречия между знанием и антизнанием, традицией и антитрадицией, и в особенности, через мучительное преодоление груза недавнего прошлого, исходящего из феноменов антинауки-традиции, антинауки-антитрадиции.

В этом смысле антинаучный элемент политики прежнего коммунистического режима, заправленного марксистско-ленинской традицией до трагизма общественной науки в целом, до ее полного противопоставления общецивилизационным ценностям, стал основным для официальной доктрины коммунистической партии в деле прославления «успехов развитого социализма», обхода слабых мест политической системы, в том числе в самой партии.

Ныне воздействие подобного элемента далеко не изжито, более того, он приобретает все новые очертания, ибо современные партии власти (будь то правые, левые или центристские) в постсоветских странах прибегают главным образом к услугам «обслуживающей», «придворной» науки, которая и работает над парадигмой обслуживания власти, поддержки руководящей элиты, выполняя тем самым функции консолидации и обоснования ее господствующих позиций. Безусловно, оттеснение официальной политической науки в лице академических, университетских структур от умов политиков, от влияния над действиями ведущих политических властных группировок значительно сдерживает развитие как самой науки, так и оптимального механизма взаимодействия науки и власти.

Однако несмотря на отсутствие должной взаимосвязи между политикой и официальной наукой, последняя добилась немалого как в исследовательском, так и в методическом плане. С конца 80-х годов и, в особенности, после распада СССР и возникновения Новых Независимых Государств на постсоветском пространстве намечается первые ростки политической теории в собственном смысле, которые обобщают слож-

ные и противоречивые процессы начавшихся политических, экономических, социальных трансформаций.

В Молдове начало политической науки совпало с созданием первых кафедр политологии (в 1990 году - в Молдавском госуниверситете, в Кишиневском политехническом институте и в ряде других вузов); с первыми попытками осознать и усвоить передовой политологический исследовательский опыт западных стран; с разработкой и изданием в 1991 году первого национального учебного пособия (пожалуй одной из первых на постсоветском пространстве) «Курс лекций по политологии» (под ред. проф. А.А.Завтур) на румынском и русском языках.

В дальнейшем на протяжении 90-х годов в университете было подготовлено новое учебное пособие по политологии в 4-х частях (под ред. проф. В.Мошняги). Важным подспорьем для студентов стали также учебники по политологии, выпущенные в Молдавском университете профессором И.Санду, доцентом Ф.Спиней, а также «Курс лекций по политологии», выпущенный с учетом профиля вуза в Аграрном и Техническом университетах. Становлению политической науки в республике в значительной мере способствовало опубликование сотрудниками кафедр политологии Госуниверситета, Технического университета, Академии экономических знаний в 1991-1992 гг. в республиканском издании «Политика» (ныне «Молдова и Мир») цикла научных и научно-методических материалов о современной политике в целом и о ее компонентах, в частности. Кроме того, в большинстве вузах ежегодно издаются сборники научных трудов (анналы), в которых важное место занимают результаты политических исследований преподавателей обществоведческих кафедр.

В рамках традиционных исследований в области политологии, пожалуй, самым известным в республике является кафедральный сборник научных трудов под названием «MOLDOSCOPIE» (Проблемы политического анализа), который издается уже более 10-ти лет кафедрой политологии Молдавского госуниверситета. С этим исследованием в значительной мере ассоциируется процесс становления и развития молдавской политической науки, ее успехи и ожидания. В общем плане следует отметить ряд черт, связанных с местом и ролью «MOLDOSCOPIE» в системе республиканской обществоведческой науки.[32]

Во-первых, сборник стал своего рода визитной карточкой для кафедры политологии Молдавского госуниверситета, воплощает эволю-

---

[32] *См. Saca V., Rusnac Gh. Cercetare şi tradiţie politologică: la 10 ani ai "MOLDOSCOPIEI" (Probleme de analiză politică). // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XXI. – Chişinău, 2003.*

цию и качественный рост кафедры, ее специфические исследовательские цели, процессы, результаты не только в условиях Молдовы, но и по отношению к некоторым университетским коллективам других стран. В этой связи данное исследование хорошо знакомо и высоко оценено в ряде престижных университетов России (Москва, Санкт-Петербург), Украины (Киев, Одесса, Херсон), Беларусь (Минск), Болгарии (София, Велико Търново), Румынии (Бухарест, Клуж, Яссы), Германии (Лейпциг, Гамбург, Берлин), Турции (Истамбул), Израиля (Тель-Авив), США (Нью-Йорк, Нью-Джерси).

Во-вторых, научный сборник «MOLDOSCOPIE» полезен для университетской и республиканской политической науки, так как в нем обобщается социально-политическая практика современной Молдовы, ее внутриполитические и внешнеполитические аспекты. Этим трудом специалисты-политологи из университета и других вузов республики, которые, к сожалению, не имеют пока отдельного республиканского политологического издания (журнала) получили реальную возможность ознакомить научную общественность нашей страны и других стран с результатами своих исследований.

В-третьих, публикуемые в «MOLDOSCOPIE» материалы имеют тройное значение: информационно-научное, научно-методическое и практическое. Являясь синтетическим выражением политических явлений и процессов молдавского региона и соответствующей выработке особенностей политической теории в подобных условиях, сборник отличается сочетанием этих особенностей с общими политико-теоретическими характеристиками политологии в целом. Этим самым особое внимание отводится ассимиляции научных ценностей, накопленных в передовых странах, их рациональному применению к социально-политическим реальностям Молдовы. Что касается научно-дидактического значения работы, она пользуется большим спросом у студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей в подготовке к занятиям, при разработке научных сообщений, учебно-методических пособий, дипломных работ, диссертаций и т.д. Относительно праксиологической значимости данного сборника следует отметить, что большинство публикаций содержат выводы и рекомендации в адрес властного фактора, политических партий и движений по разрешению социально-политических конфликтов, по переоценке общественной ситуации в стране и достижению политического согласия.

В-четвертых, научный сборник «MOLDOSCOPIE» стал жизнеспособным во времени, так как в 2003 году ему исполнилось 10 лет научного количественного и качественного роста. За время его существова-

ния было выпущено 23 издания, насчитывающие около 300 научных публикаций. Особенно возрос удельный вес публикуемых материалов в 1999-2003 гг., примерно в 3 раза больше, чем в 1993-1996 гг. Это обусловлено рядом факторов:

а) зачисление в коллектив кафедры все новых сил, в том числе молодых, с высокой научной ориентацией;

б) расширение географии научных публикаций за счет возрастающего интереса авторов других кафедр университета и иных вузов, включая зарубежных;

в) постоянная поддержка политологических исследований со стороны руководства университета.

В общих чертах за 10 лет существования сборника его потенциал все больше обеспечивает необходимую связь между политическим исследованием и политической традицией. Их соотношение таково, что исследование эволюционировало от простых к сложным, от неустойчивых к стабильным формам, от полупрофессионализма к профессионализму, становясь традицией, а последняя в дальнейшем все больше выступает в качестве основы для новых исследований.

В-пятых, ценность кафедрального сборника «MOLDOSCOPIE» находится в прямой зависимости от качественного состава авторов. В его подготовке участвовало до сих пор около четырехсот научных сотрудников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, экспертов, специалистов публичной сферы. Из их общего количества 70% составляют преподаватели высшей школы. Абсолютное большинство из них имеют ученую степень доктора и доктора-хабилитат. Это специалисты в области политологии, социологии, философии, истории, права, психологии, что и определяет характер публикаций. Вторую позицию, 22%, занимают сотрудники различных научных центров, фондов, исследовательских программ, как университетских, так и республиканских и интернациональных. Обобщая богатый фактологический материал республиканского, регионального и межгосударственного характера, они способствуют значительному росту теоретического и прикладного уровня «MOLDOSCOPIE».

В последние годы существенно возросло количество авторов за счет аспирантов, соискателей, магистрантов. Их научные интересы являются предметом анализа в каждом номере сборника.

В-шестых, в структуре авторов «MOLDOSCOPIE» ведущее место занимают преподаватели кафедры политологии Молдавского госуниверситета. За период с 1993 по 2003 гг. их доля в общем количестве авторов составляет 55%. При этом больше всех публикаций приходится на

профессора, доктор-хабилитат В.Мошняги, доцента, доктор-хабилитат В.Саки, профессора, доктор-хабилитат Г.Руснак, доцента, доктора А. Белостечник (Рошка).

Отрадно, что в сборнике опубликованы статьи ведущих ученых Академии Наук Молдовы, академиков А.Рошки и А.Завтур, ведущих ученых Молдавского госуниверситета, среди которых декан факультета журналистики и декан факультета истории и психологии, докторов-хабилитат В.Морару и К.Соломон, ректора Молдавского института международных отношений, доктора-хабилитат К.Марин, директора Института политических исследований и международных отношений, доктора П.Фрунташ, директора Центра Стратегических исследований и Реформ А.Гудым, председателя Центра Политического анализа и Социальных Технологий «CAPTES» А.Коман и др. Стали чаще появляться публикации ученых других стран, в частности К.Клинг (Лейпциг, Германия), Г.Мельник (Санкт-Петербург, Россия), Е.Садовская (Алма-Ата, Казахстан). М.Шимандан (Арад, Румыния), С.Мацукатто и М.Галеацци (Милан, Италия), А.Климчик (Варшава, Польша) и др.

Большой вклад в осуществлении политологических исследований вносят сотрудники Института Общественных Политик Молдовы, финансируемый Фондом Сорос-Молдова. За 2000-2003 гг. им подготовлено более 60-ти тематических материалов, две трети из которых за последние 2 года. По их инициативе в республике проведен ряд международных конференций: «Республика Молдова и Европейский Союз: партнеры за расширенную Европу» (июнь, 2003), «Участие в Пакте Стабильности как ускоритель социально-экономических реформ в регионе» (декабрь, 2001), «Перспективы разрешения Приднестровского конфликта путем федерализации Республики Молдова» (декабрь, 2002) и др.

Основным показателем, выпущенных политологических сборников, монографий, отдельных материалов научных конференций, отдельных статей – это их научная ориентация. За время институционализации молдавской политической науки сложилось множество научных тематических направлений, главным образом в зависимости от ситуативных, телеологических, социальных, национальных, культурных и других факторов. Эти направления эволюционировали неоднозначно, противоречиво через явно несогласованные тенденции.

Из более 40 затрагиваемых научных тем приоритетными являются те, которые вызваны животрепещущими проблемами молдавского общества: эмиграции и иммиграции населения, электорального процесса, национального возрождения, социальной политики, социально-политического конфликта, политического интереса и политических отноше-

ний, в особенности межпартийных, межэтнических, возрастание роли масс-медиа в обществе, соотношение политического и гражданского обществ, выработка и осуществление рациональной многофакторной внешней политики и др. Данная тематика является объектом специальных политологических исследований на уровне отдельных научных программ, кандидатских и докторских диссертаций.

По ней изданы ряд монографий тематических сборников. В этой связи высоким признанием у научной общественности страны пользуются работы «Независимая Молдова и миграция». Кишинэу, 1999 (автор В.Мошняга), «Политические интересы и политические отношения: транзитные измерения» (на румынском языке). Кишинэу, 2001 (автор В.Сака), «Масс-медиа VS политика» (на румынском языке). Кишинэу, 2001 (автор В.Мораru), «Гражданское общество в Республике Молдова: состояние, проблемы, перспективы». Кишинэу, 2001 (автор В.Аникин), «Гражданское общество между политическим мифом и социальной защитой» (на румынском языке), Кишинэу, 2002 (автор К.Марин), «Аспекты политической жизни в Республике Молдов (1989-2002)» (на румынском языке),. Кишинэу, 2002 (автор К.Соломон).

Вышеназванные темы научных исследований стали предметом обсуждения на международных симпозиумах, конференциях, проводимых в республике, чьи материалы опубликованы в сборниках: «Национальное государство и полиэтническое общество: Молдова в 90-е годы». Кишинэу, 1997, «Интеграционистские процессы в Республике Молдова. Разработка национальной стратегии». Кишинэу, 2000, «Национальные меньшинства и межэтнические отношения: европейская традиция и опыт новых демократий для Молдовы».Т.1-2. Кишинэу, 2002, «Масс-медиа в переходных обществах: реалии и перспективы». Кишинэу, 2001, «Молдова, Румыния, Украина: интеграция в европейские структуры». Кишинэу, 2000, «Молдова, Румыния, Украина: европейская интеграция и трудовая миграция». Кишинэу, 2000, «Молдова между Востоком и Западом: национальная идентичность и европейская ориентация». Кишинэу, 2001, «Философия, наука, политика: достижения, внедрения, перспективы». Кишинэу, 2003 и др.

Одной из главных проблем, с которой сталкивается ныне молдавское общество и государство, является проблема осмысления и поиска идентичности: общенациональной, регионально-государственной, этнической, социальной, профессиональной, языковой. В этом контексте в политологической литературе последних лет часто рассматриваются особенности эволюции и утверждения национальной идентичности в Молдове, ее внутренние факторы, межэтнические диффузии и пробле-

мы национальной самоидентификации, взаимодействие идентичности и интеграционных процессов, языковой аспект интеграционных процессов и государственного строительства, проблема русско-национального двуязычия в этнополитике молдавского государства, соотношения региональной и национальной, национальной и европейской идентичности, социально-пространственной самоидентификации студенческой молодежи и др. При этом осуществляются этносоциолингвистические исследования на уровне отдельных сел, районов, уездов, вузов.

Пожалуй, самым больным для всего молдавского общества вопрос – это приднестровский конфликт, разрешение которого затягивается сепаратистскими кругами и определенными интересами извне вот уже более 10-ти лет. Этому вопросу посвящены ряд научно-практических конференций, множество статей в тематических сборниках.

Среди последних можно выделить «Приднестровский конфликт в Республике Молдова: причины, состояние и пути разрешения» (автор В.Мошняга), «Приднестровское урегулирование после Стамбульского саммита: состояние и перспективы» (авторы В.Мошняга, Г.Руснак), «Приднестровский конфликт в Республике Молдова: противостояние идентичностей?» (автор А.Царан), «Коллективная память и идентификационные конструкции в Приднестровье» (авторы С.Сухан, Н.Кожокару), «Конфликт в восточной зоне Республики Молдова – попытка новой интерпретации» (автор О.Нантой) и др. В настоящее время предметом исследований являются новые возможности в разрешении приднестровского конфликта через современные европейские механизмы, в частности СБСЕ, а также посредством России и Украины.

За последние 2-3 года не менее острой стала проблема федерализации Республики Молдова, тесно связанная с приднестровским конфликтом, нашедшая различные отклики и интерпретации в научных кругах республики. Этой проблеме посвящены ряд публикаций сотрудников Института Общественных Политик Молдовы, к которым относятся «Сепаратизм и его воздействие на процесс создания государственности Республики Молдова» (автор И.Рурак), «Гармонизация межэтнических отношений - вызовы и возможности» (автор И.Боцан), «Эксперимент федерализации Молдовы» (автор В.Сокор), «С кем федерализуемся?» (автор В.Сокор), «Европейский опыт и перспективы Республики Молдова» (атор И.Осояну)[1].

–

---

[1] *См. : Institutul de Politici Publice http: // www. ipp. md / publications /*

Другая важная тема политологических исследований – это электоральные технологии, президентские, парламентские и местные выборы[1]. В связи с этим на конференциях, в научной печати обсуждаются стратегии и технологии президентских (1991, 1996, 2001), парламентских (1994, 1998, 2001) и местных (1995, 1999, 2003) выборов, особенности форм и методов воздействия на электорат в ходе избирательных кампаний, уровень его активности в условиях Молдовы, роль выборов в контексте трансформации партийной системы. К актуальным для исследования относятся и проблемы возрастания роли масс-медиа в избирательных кампаниях, демократизма информационных ресурсов, использования «черных» технологий и контрпропаганды в ходе электорального процесса, использование компьютерных технологий контент-анализа прессы в планировании избирательных кампаний и др.

В последние годы ученые все больше обращаются к проблеме определения общенационального интереса Молдовы в условиях демократической трансформации[2], к его нынешним значениям и парадоксам, к необходимости выработки эффективной общенациональной идеи для сближения социальных общностей и придания такому интересу оптимального смысла. Особого внимания со стороны политологической науки требуют партнерские отношения между властными и гражданскими структурами в целях достижения общественного консенсуса, а отсюда – формирование полноценного общенационального интереса. Большое

---

[1] *См. подробно об этом Электоральные технологии и президентские выборы. – Кишинэу, 2000; Мошняга В., Руснак Г. Парламентские (2001) выборы в Республике Молдова: специфика, результаты, электоральные стратегии и технологии // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XVI. – Chişinău, 2001; Мошняга В., Руснак Г., Турко Т. Президентские (2001) выборы в Республике Молдова: результаты и технологии // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XVI. – Chişinău, 2001; Moşneaga V., Rusnac Gh., Tănasă R. Activismul electoratului Republicii Moldova (Analiza politologică). // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XVIII. – Chişinău, 2002; Tănasă R. Votul afectiv în spaţiul electoral al Republicii Moldova. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XXI. - Chişinău, 2003; Мошняга В. Выборы генерального примара Кишинэу в ходе местных (2003) выборов в Республике Молдова в контексте трансформации партийной системы. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XXII. – Chişinău, 2003.*

[2] *См. Saca V. Interesul naţional în condiţiile transformaţiei democratice: semnificaţii şi paradoxuri // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XIX. – Chişinău, 2002; Saca V. Unitatea naţională între mit şi realitate. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XX. – Chişinău, 2002; Saca V. "Coeziune naţională" în societatea moldavă. // Moldova şi lumea, 2003, nr.2.*

значение имеют исследования по обобщению усилий политического и гражданского общества в деле заключения и реализации Общественного Пакта, осуществления круглого стола с постоянным статусом, повышения его эффективности для всех участников и для страны в целом.

Ныне все чаще затрагиваются внешние аспекты общенационального интереса, в частности проблема судеб Молдовы в контексте европейской интеграции, конституирования и развития еврорегионов, отношения республики с Европейским Союзом. Например, более одной трети материалов вышеназванного Института Общественных Политик нацелены на европейскую стратегию Республики Молдова, на анализ перспектив интеграции Молдовы в Европейский Союз, на сотрудничество Молдовы в Пакте Стабильности, на экономическую и социальную политику Европейского Союза и исходящие из нее выводы для Молдовы, на институциональный фактор вступления стран в Европейский Союз, на роль европейских политических критериев в разработке концепции европейской интеграции Республики Молдова.

После известных событий 11 сентября 2001 г. возрос интерес к исследованию проблем терроризма. Данной проблеме посвящены ряд международных научных конференций[1], научных статей[2] о сущности и основных тенденциях развития терроризма, о его морально-психологических чертах, об его исторической эволюции в XX-XXI вв.

Вместе с тем, некоторые темы еще недостаточно исследованы. К ним относятся проблемы власти, форм правления, соотношения правящих и оппозиционных сил, экологической политики, политического имиджа, методологии политической науки, методики преподавания политологии.

Дальнейшая рационализация политологических исследований требует новых инициатив, творческих сил со стороны университетских и академических кадров для более интенсивного исследования властного

---

[1] *См. 11 septembrie 2001: noul concept de securitate internaţională. Materialele conferinţei internaţionale 9-13 septembrie 2002. – Chişinău, 2002.*

[2] *Grosu D. Fenomenul terorismului: esenţa şi trăsăturile moral–psihologice. // Analele Ştiinţifice ale Universităţii de Stat din Moldova. Seria "Ştiinţe socioumanistice". V.II. – Chişinău, 2002; Zavtur C., Coval C. Psihologia teroriştilor. // Analele Ştiinţifice ale Universităţii de Stat din Moldova. Seria "Ştiinţe socioumanistice". V.II. – Chişinău, 2002; Antonov V. Consideraţii asupra evoluţiei istorice a terorismului în sec.XX-XXI. // Analele Ştiinţifice ale Universităţii de Stat din Moldova. Seria "Ştiinţe socioumanistice". V.II. – Chişinău, 2002; Завтур К., Коваль К. Терроризм: понятие, основные тенденции развития и меры противодействия // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XXI. – Chişinău, 2003*

фактора, эффективности правления с последующей выработкой конкретных рекомендаций по достижению социального и политического согласия в стране.

Большего внимания и оценки требуют и проблемы имиджелогии, политического менеджмента, демографической и экологической политики, политической антропологии, политического прогнозирования.

Что касается внешнеполитических проблем, необходимо глубже исследовать реальный потенциал Молдовы по оптимизации отношений как с Востоком, так и с Западом, причем акцент необходимо ставить не только на цели и возможности вступления Республики Молдова в европейские структуры, но и на уровень подготовленности населения страны мыслить по-европейски. В этой связи стали необходимы и своевременны сравнительные исследования по Молдове и другим странам с целью создания и продвижения имиджа государства за рубежом.

Уровень политологических исследований в республике определяется в основном умением научных сотрудников использовать различные методологические подходы, сочетать их. При этом большая часть научных публикаций основывается на социологическом, институциональном, структурно-функциональном анализе. Пока что слабо применяется постструктурные, постсистемные методы исследования, без которых сегодня невозможно вникнуть в суть и адекватно понять особенности переходного общества. Недостаточно используется методологический инструментарий сравнительного анализа, синергетики, энтропийного анализа, качественной экспертной оценки, «искусственного политического интеллекта».

Пожалуй, одним из сложнейших вопросов, который стоит сегодня перед политологами республики, - это рациональная адаптация общих и частных методов к изучению специфических политических явлений и процессов посткоммунистического региона в целом, и молдавского в частности. Это предполагает умелое пропорционирование в условиях данного региона традиционных и новых способов политического познания, оптимального сочетания качественных и, усиленных современными ЭВМ количественных приемов анализа.

Таким образом, политологическая наука в Республике Молдова характеризуется разнообразием тематической и инструментальной направленности, неоспоримыми сдвигами в исследовании отдельных социально-политических явлений и процессов современного общества, и в то же время известными трудностями и недостатками как объективного, так и субъективного характера. К последним относится:

- деформация отношений во всех главных сферах транзитного общества, в том числе в научной, между политической наукой и научной политикой;

- несоответствие значительной части научных кадров возрастающим требованиям времени по осуществлению высококвалифицированной экспертизы политического процесса и одновременно, такое же несоответствие политических кадров нынешним запросам политической науки, дефицит ее организации и своевременной поддержки;

- отсутствие взаимного механизма приближения ученого к власти и наоборот;

- частое отстранение официальной политической науки от процесса открытого влияния на власть и соответственно, поощрение «обслуживающей» науки;

- интенсивная политизация общественной науки и др.

Преодоление этих и других деформаций связано с радикальным реформированием как политического, так и научно-политического фактора, как условие для возрастания преобразующей роли политологического знания в рационализации социальных отношений.

COMPARTIMENTUL II.

GUVERNAREA POLITICĂ ŞI ADMINISTRAREA PUBLICĂ

REFORMA ADMINISTRATIV-TERITORIALĂ ÎN REPUBLICA MOLDOVA: ÎNTRE CENTRALISM ŞI DESCENTRALIZARE[33]

Valerian TĂBÎRȚĂ
Republica Moldova, Chişinău
Universitatea de Stat din Moldova,
Facultatea Relații Internaționale,
Ştiințe Politice şi Administrative
catedra Politologie
lector, MA

Una dintre prioritățile în politica internă a statelor din Europa Centrală şi de Est după începutul anilor 90 a fost procesul descentralizării - tranziția de la un sistem administrativ extrem de centralizat spre un sistem descentralizat. Aşa, de la începutul anilor '90 Moldova trece printr-o continuă perioadă de descentralizare politică, economică şi administrative. Aceste schimbări au fost condiționate parțial de necesități interne şi parțial de factori externi şi agențiile donatoare.

Importanța, şi în acelaşi timp, complexitatea descentralizării, poate fi văzută din faptul că aceasta are potențialul de a transforma cei mai importanți actori relații, incluzînd capacitatea de dezvoltare a statului, comportamentul grupurilor de interese si a mişcărilor sociale, si a calculărilor strategice a politicienilor, ONG-urilor, şi a electoratului.[34] Decizia de descentralizare este un problemă discutată îndelungat în aproape toate statele care implică o varietate întreagă de actori şi grupuri pe interese. Dar grupurile pe interese si interesele pessonale pot nu numai influența decizi inițială dar de asemenea şi implementarea ei. Astfel, Legea cu privire la administrarea publică locală a fost modificată de 16 ori din anul 1998, iar jumătate din ele au fost adoptate de actualul parlament numai timp de un an. După alegerile parlamentare din

---

33 Recenzent – doctor, profesor Ion Sandu

34 Eaton K., Eaton K. Decentralization, Local Governance and "Decentralization" in Africa, by J.S.Wunch. // Public Administration and Development, vol.21, no.1, 2001, p. 23

2001, atît legislativul cît şi executivul a devenit controlat de către o singură formaţiune politică. Majoritatea comunistă absolută din parlamentul moldovenesc o face cea mai puternică entitate politică de la declararea independenţei. Astfel, Moldova este una dintre statele care adeveresc teoria că descentralizarea poate părea mai puţin atractivă partidului care obţine controlul unificat atît a legislativului cît şi a executivului.[35]

Perioada de descentralizare

Pînă în 1991 Moldova a fost una dintre cele cincisprezece republici care au format URSS. Sistemul administrativ a fost parte a sistemului care exista în toate republicile sovietice. Toate unităţile administrativ-teritoriale, republicile, regiunile, oraşele şi aşezările in URSS au fost conduse de către Centru şi considerate însăşi mai întîi de toate ca producători.

Partidul de guvernamînt exercita monopolul de putere asupra societăţii şi asupra economiei. Principiul de bază a statului sovietic era puterea unică, proprietate de stat însemna, în acelaşi timp, şi control politic asupra tuturor sferelor vieţii.

Nu exista în sistemul sovietic separarea puterilor sau autonomie a diferitor domenii sociale sau actori sociali, inclusiv în domeniu public, precum era în statele din Vest.

Odată cu declararea independenţei în 1991, ca şi majoritatea statelor din fostul lagăr socialist, Moldova a întreprins acţiuni concrete pentru a înfăptui reforme în domeniul administraţiei publice locale, eliberat de dogmatismul statului-partid şi a sistemului administrativ sovietic. În ordinea cronologică putem identifica două perioade în încercările de a edifica un nou sistem a administrării publice locale în Republica Moldova pînă în 1998:

1. 1990 - decembrie 1994. În această perioadă au fost întreprinse unele acţiuni concrete de către Parlament pentru a adopta legislaţia necesară pentru funcţionarea viitorului sistem al administraţiei publice locale;

2. Iunie 1994 - Decembrie 1998. Această perioadă începe odată cu adoptarea Constituţiei Republicii Moldova, care consfinţea principiile de bază a viitorului sistem.

Astfel articolul 109 stipulează aşa principii ca: autonomia locală, descentralizarea serviciilor locale, eligibilitatea autorităţilor publice locale şi consultarea cetăţenilor în problemele locale de un interes special.[36]

Bazîndu-se pe această construcţie legală era necesitatea de a finaliza cadrul legislativ a sistemului administraţiei publice locale, stabilind împuterni-

---

[35] *Idem.*

[36] *Constituţia Republicii Moldova din 29 iulie 1994 http://www.elections.md/lex/constitutia.html#109*

cirile şi competenţele autorităţilor publice locale, conformate principiilor statului de drept.

În decembrie 1994, Parlamentul a adoptat legislaţia necesară pentru un sistem nou de administrare publică locală şi în mai - iulie 1996 Moldova semnează ţi ratifică Carta Europeană a Autoadministrării Publice Locale. Unii autori consideră că în realitate a fost ceată o falsă impresie a creării unui sistem nou de administrare publică locală, deoarece a ceasta au fost încălcate cu premeditare atît prevederile Constituţiei cît şi prevederile Cartei Europene a Autoadministrării Publice Locale, a legislaţiei interne sau erau unele cazuri de contradicţii între legi.[37] Aceasta a fost cauza a aşa zisului "haos instituţional primar", apărut în amestecul instituţilor noi şi celor vechi. Acest haos instituţional a fost caracteristic mai mult pentru meso-politică de cît pentru macro-politică. În majoritatea cazurilor unităţile administraţie centrale au fost reorganizate mai devreme şi posedau mai multe resurse de cît unităţile administrării publice locale. Drept urmare, administrarea publică centrală continua să domine. După primii ani a cestei perioade, reforma administraţiei publice locale a pierdut din avînt aproape pretutindeni, şi planurile ambiţioase iniţiale nu au fost realizate.[38]

Noul sistem de administrare publică locală: reforma din 1998

După alegerile parlamentare din 1998, majoritatea în Parlament a fost formată de către coaliţia a trei partide democratic orientate, iar Guvernul a fost format, în principal, din membrii acestor partide. Acesta a reprezentat un moment oportun în termeni politici, pentru a adopta o nouă lege cu privire la administrarea publică locală şi pentru a schimba reforma administrativă într-o nouă direcţie calitativă.

Astfel, noua lege adoptată la 30 decembrie 1998 a schimbat structura teritorial-administrativă a ţării de la 40 de unităţi teritoriale la 10, şi prin aceasta, crescînd capacitatea lor economică necesară pentru existenţa unei autonomii locale.[39]

Această lege a însemnat de fapt, descentralizarea administraţiei publice locale în sensul de transferare a împuternicirilor de luare a deciziilor şi reconcentrarea responsabilităţilor administrative pentru implementare.

---

[37] *Popa V. Aspecte legale ale administraţiei publice locale în Moldova. http://www.iatp. md/descentralizare/*

[38] *Agh A. Public Administration in Central and Eastern Europe http://lgi.osi.hu/publications/*

[39] *Legea Republicii Moldova privind Administraţia Publică Locală din 11 iunie 1998*

Noua lege conținea toate elementele necesare pentru implementarea autonomiei locale, stipulînd o strictă delimitare a competenților a tuturor nivelurilor administrării publice.

Un factor important a fost descreşterea numărului de sate de la 925 la 644, astfel, mărind capacitățile financiare a unităților administrativ-teritoriale de la primul nivel. O altă prevedere importantă a fost crearea instituției prefectului, reprezentantul administrației centrale în teritoriu, ce avea ca scop realizarea principiului descentralizării, deoarece prefectul avea doar atribuția de a supraveghea serviciile județene fără a interveni în activitatea autorităților locale. Prefectul avea atribuția să supravegheze doar legalitatea dar nu şi oportunitatea a actelor adoptate.

Factorii care au influențat reforma

Dacă analizăm condițiile şi factorii care u influențat asupra implementării reformei administrative pînă la 1998 trebuie sa menționăm:

1. Situația politică din Moldova. Aşa, în 1992 părțile de est şi de sud a Moldovei s-au intensificat mişcările secioniste. În una dintre aceste două regiuni, Transnistria, sprijinită de interesele strategice ale Federației Ruse, care are o armată dislocată pe acest teritoriu, a izbucnit un conflict armat cu durată de un an. Astfel, Guvernul era mai mult preocupat de rezolvarea conflictului de cît implementarea reformelor. Ar fi cazul de menționat ca acest conflict ar urmări pentru toată perioada de după independență a Republicii Moldova, fiind nerezolvat pînă la momentul actual, regiunea Transnistreană fiind practic lipsită de orice control din partea autorităților moldoveneşti.[40] Tot odată, în contextul acestei lucrări, acest conflict are o altă importanță pentru reforma administrativă, fiind o cale de rezolvare a lui. Aşa, se consideră că conflictele reprezintă un argument pentru descentralizare, deoarece rezolvarea unui conflict necesită o descentralizare radicală pentru a oferi grupurilor etnice un grad suficient de autonomie locală.[41]

2. Majoritatea parlamentară, care avea drept sarcină implementarea reformei şi care a cauzat lipsa voinței politice din partea Guvernului. Astfel, după alegerile parlamentare din 1994, majoritatea în Parlament a fost formată în mare parte din reprezentanții partidului Democrat Agrar şi a blocului Socialist, partide ce nu aveau drept scop realizarea unor reforme radicale în sistemul administrației publice locale.

---

[40] *Taranu A. Planul-concept a rezolvării pas-cu-pas a conflictului transnistrean. http://www.iatp.md/academicreview/1/en/article3.htm*

[41] *Davey K. Decentralization in CEE Countries: Obstacles and Opportunities http://lgi.osi.hu/publications/*

3. Consiliile locale. După alegerile autorităţilor locale din 1995, consiliile locale au schimbat executivele formate în mare parte din reprezentanţi structurilor sovietice vechi. Spre deosebire de foştii membri de partid care aveau în subordonare şi o disciplină strictă, "noii politicieni" nu erau practic controlaţi de către nimeni din cauza lipsei funcţionalităţii a unui astfel de mecanism. Ei răspundeau numai în faţa alegătorilor prin intermediul alegerilor.

După 1998 putem menţiona următorii factori:

1. Presiunea externă. Consiliul Europei a fost sursa pentru cadrul constituţional a structurei de bază a noului sistem administrativ. În 1994, Consiliul Europei a organizat Congresul Autorităţilor Locale şi Regionale din Europa, reprezentînd un organ consultativ care a devenit vital pentru implementarea reformelor administrative în statele fostului bloc socialist. Mai mult de cît atît, Consiliul Europei, Banca Mondială, Organizaţia pentru Cooperare Economică şi Dezvoltare şi alţi donatori, prin intermediul variatelor sale programe de asistenţă au avut o influenţă decisivă în implementarea acestei reforme.

2. Guvernul. Majoritatea democratică din Parlament, formată după alegerile din 1998, care avea una dintre priorităţile sale reforma sistemului administraţiei publice locale, a garantat voinţa politică pentru implementarea acestei reforme la macro-nivel.

3. Societatea civilă şi autorităţile locale. Unul din sondaje sociologice efectuate de IFES Moldova în 1997 a arătat că numai 5% dintre respondenţi au dat o apreciere pozitivă a sistemului administrativ existent, iar 60% de respondenţi simpli şi 85% din totalul primarilor şi consilierilor locali s-au pronunţat pentru schimbarea sistemului administrativ existent. Este menţionat în unele surse că o influenţă decisivă asupra implementării reformei au avut-o elitele locale sau autorităţile locale alese care nu erau în stare să administreze serviciile publice locale în condiţiile unui sistem vechi, ceea ce a născut repulsie din partea cetăţenilor faţă de autorităţile locale.[42]

Recentralizarea sistemului administrativ: Reforma administrativ-teritorială din 2001

Una dintre cele mai controversate reforme implementate anul trecut a fost reforma teritorial-administrativă, care putea fi uşor prevăzută deoarece aceasta era una din promisiunile preelectorale de bază a partidului de guvernămînt pînă la alegerile din 2001, care au căpătat 71 de mandate într-un parlament format din 101 deputaţi. În iulie 2000, un amendament constituţional

[42] *Popa V. Aspecte legale a administraţiei publice locale în Moldova. http://www.iatp.md/descentralizare/*

a adus una dintre cele mai mari schimbări în separarea puterilor din Moldova. Ales de Parlament, Preşedintele numeşte Prim-Ministrul bazînduse pe distribuirea mandatelor în Parlament.

În decembrie 2001, Partidul Comunist a adoptat Legea administrației publice locale care reinstala vechea organizare teritorial-administrativă a țării. Astfel, partidul de guvernămînt dorind să instituie reprezentanții săi în structurile administrației publice în teritoriu, care în mare parte erau reprezentanții altor formațiuni politice. În iunie 2001, Parlamentul a adoptat un amendament la legea administrației publice locale, prin care a fost anulată autoritatea consiliilor locale asupra bugetelor locale. Aşa, bugetele locale erau doar adoptate de consiliile locale, dar prefecții județeni, numiți de guvernul central, administrau aceste bugete. În acelaşi timp, Parlamentul a modificat şi Codul Electoral, stipulînd ca primarii vor fi aleşi de consiliile locale.

Sub presiunea Curții Constituționale şi a Consiliului Europei, Parlamentul a reintrodus prevederea care prevedea alegerea directă a primarilor.[43]

Noua Lege privind administrația publică locală adoptată la 18 martie 2003, a preluat în majoritatea sa toate prevederile Legii adoptate în 1998, renunțînd de la principiul inițial al "verticalei puterii". Dar credem ca este necesar de a evidenția doua deosebiri esențiale. Prima, articolul 70 care desființează instituția prefectului şi prevede că oficiile teritoriale a Cancelariei de Stat va organiza controlul administrativ al legalități actelor adoptate şi a activității autorităților locale. În conformitate cu noua Lege, Cancelaria de Stat, poate întreprinde controale a oportunității actelor administrative ce pot permite administrației centrale să modifice şi să anuleze acte administrative în aşa domenii ca: sănătatea publică, ordinea şi securitatea publică, activitate metodică în învățămînt, competențele transferate de la stat autorităților locale, acest control al oportunității înseamnă de fapt instaurarea unei verticale a puterii, aşa autoritățile locale sînt obligate să prezinte orice explicație şi orice act Cancelariei de Stat, iar ultima prezintă rezultatele controalelor Guvernului, Preşedintelui şi Parlamentului. A doua diferență este instaurarea a unei noi împărțiri teritorial-administrative în 35 de raioane în loc de 10 județe, consfințite în legea din 1998.[44]

[43] *Revizuirea administrației publice locale.* *http://e-democracy.md/comments/political/20030305*

[44] *Legea Republicii Moldova privind Administrația Publică Locală.din 19 martie 2003* *http://www.docs.md/Asp/frames.asp?Lang=ROM*

Interesele financiare ale Guvernului în implementarea recentralizarii

Pînă în decembrie 1998 nu s-a putut vorbi in Moldova de o dezvoltare regională adecvată, deoarece fostele raioane - unităţi teritorial-administrative de nivel doi erau prea mici pentru a fi considerate regiuni. Raioanele nu au fost prevăzute ca regiuni dar ca centre de concentrare a deciziilor a fostului regim.

Pe un teritoriu de 33,8 mii km^2, cu o populaţie de 4,3 milioane de oameni, în mediu unei unităţi administrativ-teritoriale îi revenea 86 mii locuitori, multe din unităţi avînd cu mult sub acest nivel.[45] Judeţele în comparaţie cu raioanele erau cu mult mai înzestrate din punct de vedere economic, avînd o infrastructură cu mult mai dezvoltată.

În Moldova ca şi în altele state în tranziţie există multe probleme pentru localităţile în administrarea eficientă a afacerilor sale: complexitatea şi confuzia a procesului de constituire şi repartizare a bugetului la nivel local pentru autorităţile alese; insuficienţă de personal tehnic; în relaţiile cu strategiile centrale de "recapturare" a autorităţii şi resurselor "transferate" formal consiliilor locale prin manipularea şi crearea discrepanţelor între veniturile şi cheltuielile locale.[46]

Putem adăuga aici că controversele legale care sînt tipice pentru legislaţia Moldovei, care a minimalizat abilitatea regiunilor de a se auto finanţa şi de a vi viabile din punct de vedere financiar. Totuşi dacă analizăm situaţia din 1999 în comparaţie cu 1995, vom vedea că numărul de ex-raioane care au transferat în buget mai puţine resurse financiare de cît au primit din bugetul central, sînt mai puţine. Astfel în 1995 numărul acestora era de 30 iar în 1999 acestea erau doar 9, dar problemele rămîneau destul de serioase pentru a fi privite ca o îmbunătăţire continuă.[47]

În condiţiile în care Moldova are o cantitate enormă de datorii interne şi externe, iar obiectivul major a Partidului de Guvernămînt este mărirea continuă a veniturilor bugetarilor, bugete locale devin deosebit de atractive pentru administraţia centrală.

---

[45] Popa V. De la centralism spre descentralizare http://www.iatp.md/descentralizare/ra31.asp

[46] Wunch J.S. Decentralization, Local Governance and "Recentralization" in Africa. // Public Administration and Development, vol.21, no.1, 2001

[47] ECONOMIC SURVEY Moldova în tranziţie nr.4 (decembrie 1999), http://cisr-md.org/reports/cont-srv4.html

Factorii şi grupurile ce au influențat implementarea reformei din 2001

1. Administrația centrală. Dacă analizăm interesele Guvernului şi a Partidului de Guvernămînt atunci este evident ca acesta urmăreşte întărirea controlului centralizat asupra unităților teritoriale. Principala cauză şi, totodată**,** scop a Guvernului este autonomia locală: unitățile teritoriale fiind autonome şi fiind capabile să-şi rezolve independent problemele, în principiu nu au nevoie de puterea de stat, lucrul cel mai important este cît de eficient este implementat mecanismul de protecție şi garantare a acestei autonomii. Acest argument este deseori evidențiat în literatura de specialitate.[48] Comunitățile mici nu pot exista în mod autonom deoarece în permanență vor depinde de asistența financiară a statului. Astfel, prin dependență financiară, unităților locale li este impusă şi dependența politică față de centru.

2. Opoziția politică şi societatea civilă. Opoziția politică formată atît de partidele inta-parlamentare cît şi de cele extra-parlamentare, nu au participat în elaborarea acestei reforme dar au avut un impact decisiv asupra implementarea ei, organizînd proteste de masă împotriva recetralizării şi petiționînd Curtea Constituțională şi Consiliul Europei asupra caracterului contradictoriu a acestei reforme. Societatea civilă, prin intermediul manifestărilor de masă, a mijloacelor mass-media a fost un constant grup de presiune asupra Guvernului.

3. Autoritățile publice locale, prin crearea a unor organizații de profil şi organizînd întîlniri atît la nivel local cît si național au încercat de a participa la elaborarea reformei, formulînd unele recomandări şi analize a urmărilor acestei reforme. Acest grup a fost în mare măsură în opoziție față de această reformă.

Concluzii

Descentralizarea este un proces prea dificil şi contradictoriu. Chiar dacă sînt elaborate şi adoptate actele necesare, problemele operaționale nu întîrzie să apară ceea ce sfidează incontestabil succesul implementării reformelor. O schimbare a Guvernului poate aduce reforma la o intensificare a eforturilor, cum ar fi anul 1998, sau din potrivă, la o schimbare totală sau stoparea ei, cazul anului 2001.

În Moldova angajamentul politic față de descentralizare a început să se abată de la început, reforma administrației centrale nu a fost materializată pînă la sfîrşit, o lipsă a înțelegerii necesității reformei sistemului administrației

---

[48] *De ce nu avem nevoie de raioane? http://www.democratia.cfem.md/60_2003/administratie,*

publice locale era evident, iar nivelul de entuziasm a populației referitor la succesul reformei a scăzut odată cu trecerea timpului.

Dar, totuşi, primele etape ale descentralizării a permis unor grupuri politice să mărească rolul lor în comunitățile locale prin întărirea inaccesibilitatea guvernului central. Ca urmare, Administrarea centrală, recentralizează puterea politică în Moldova. Acesta poate fi reprezentat ca urmare a trei factori:

- majoritatea unui singur partid in Parlament,
- interesele Guvernului în dividende politic de scurtă durată pe contul reformelor de lungă durată,
- incapacitatea centrului de a se distanță de la formele comuniste şi sovietice de guvernare.

Anterior, se părea că autoritățile locale vor obține un control substanțial asupra unităților locale, distanțîndu-se astfel de la puterea centrală. În martie 1998, Legea administrației publice locale a fost adoptată. Această lege a împuternicit consiliile locale cu dreptul la proprietate locală, la managementul resurselor financiare proprii, colectarea taxelor, şi de acționa în toate domeniile din comunitățile locale. În pofida avantajelor, pe care le oferă această lege pentru dezvoltarea regională, Guvernul actual uzurpat principiul autonomiei locale exprimat prin:

- Crearea unor oficii teritoriale a administrației centrale pentru;
- înăsprirea controlului administrativ a consiliilor locale;
- fragmentarea structurei teritorial-administrative existente, creînd unități teritoriale mici, practic, incapabile de a se autofinanța.

Datorită timpului foarte scurt în care există noua formă de organizare teritorial-administrativă a Moldovei, este prematur de a face careva concluzii, dar putem presupune, ținînd cont, de experiența anterioară, că Moldova va fi nevoită să revadă această reformă, parțial din cauza necesităților economice proprii şi a presiunilor Organizațiilor Internaționale, odată cu aspirațiile Moldovei de a se integra în Uniunea Europeană.

Bibliografie:

Constituția Republicii Moldova. http://www.elections.md/lex/constitutia.html#109

Legea Republicii Moldova privind Administrația Publică Locală din 11 iunie 1998 http://www.lexinfosys.de/document.asp?id=5539

Legea Republicii Moldova privind Administrația Publică Locală din 19 martie 2003 http://www.docs.md/Asp/frames.asp?Lang=ROM

Eaton K., Eaton K. Decentralization, Local Governance and “Decentralization” in Africa, by J.S.Wunch // Public Administration and Development, vol. 21, no.1, 2001

James S. Wunch. Decentralization, Local Governance and "Recentralization" in Africa. // Public Administration and Development, vol. 21, no.1, 2001
Agh A. Public Administration in Central and Eastern Europe http://lgi.osi.hu/publications/
Kenneth Davey. Decentralization in CEE Countries: Obstacles and Opportunities http://lgi.osi.hu/publications/
Popa V. Aspecte legale ale administrației publice locale în Moldova, http://www.iatp.md/descentralizare/
Taranu A. Planul-concept a rezolvării pas-cu-pas a conflictului transnistrean http://www.iatp.md/academicreview/1/en/article3.htm
Rezultatele alegerilor parlamentare din 1994, http://www.elections.md/parlament94
Revizuirea administrației publice locale, http://e-democracy.md/comments/political/20030305
Popa V. De la centralism spre descentralizare http://www.iatp.md/ descentralizare/ra31.asp
ECONOMIC SURVEY Moldova în tranziție nr. 4 (decembrie 1999), http://cisr-md.org/reports/cont-srv4.html
De ce nu avem nevoie de raioane? http://www.democratia.cfem.md/60_2003/administratie

ROLUL STATULUI ÎN EVOLUȚIA ŞI REGLEMENTAREA STRATIFICĂRII SOCIALE[49]

Silviu TĂBÎRȚĂ
Republica Moldova, Chişinău
Universitatea de Stat din Moldova
Facultatea de relații internaționale,
ştiințe politice şi administative
Catedra politologie
Doctorand

Numeroase ediții ale Raporturilor Dezvoltării Umane la nivel global, regional şi național atrag atenție asupra faptului că multe dintre piedicile care stau în prezent în calea atingerii obiectivelor globale ale dezvoltării umane, derivă din persistența unor probleme ce vizează stilul de guvernare. Adoptarea şi tolerarea pe termen lung a unui stil de guvernare deficitar (lipsit de

[49] *Recenzent – doctor, conferențiar Nicolae Laiu.*

transparenţă, favorizînd corupţia, sau ignorînd priorităţile sociale) se precipită spre a duce de obicei la apariţia unor situaţii de criză, din care cu greu se poate ieşi. Care ar trebui să fie trăsăturile distincte ale unei guvernări de succes, democratice, stimulative pentru dezvoltare. Cele mai multe dezbateri pe această temă se centrează pe analiza factorilor, care pot transforma instituţiilor publice, în organisme social înalt eficiente şi eficace. Cuvîntele cheie ale oricărui discurs ce vizează acest domeniu sînt transparenţa, participare, responsabilitate, justiţie socială.

O guvernare devine cu atît mai larg reprezentativă, mai legitimă şi dcci mai eficace, cu atît este mai deschisă social. O guvernare devine cu atît mai echitabilă, cu cît ea este mai inclusivă social. O guvernare actuală nu poate fi decît democratică. Sensul actual al conceptului de democraţie în actul de guvernare este faptul că oamenii şi problemele lor contează în primul rînd, în sensul că guvernul este chemat să se conformeze şi să vină cu soluţii la problemele populaţiei[50].

În cadrul teoriei keynesiane au fost formulate unele principii noi referitoare la rolul statului în societate. Statul acum este considerat nu numai în calitate de un "poliţist pasiv", dar este chemat să îndeplinească noi funcţii social-economice, printre care: politica financiară a statului, apărarea activităţii antreprenoriale, apărarea concurenţei pe calea adoptării legislaţiei antimonopol. În obligaţia statului este de asemenea elaborarea strategiei dezvoltării economice şi realizarea măsurilor privind realizarea ei. O funcţie importantă a statului este protecţia socială a populaţiei. Ca urmare a formării noilor direcţii de activitate a statului a fost crearea unor instituţii specializate de protecţie socială a populaţiei, consilii antionopol ş.a[51].

Sociologul şi politologul englez E.Hobsbawm scrie că funcţiile social-economice a statului nu pot fi negate. Dimpotrivă, atît în statele capitaliste cît şi cele necapitaliste ele sau accentuat, în ciuda tendinţei generale de a încuraja iniţiativa privată în anii 80. Aparte, însă de continua importanţă a rolului conducător al statului în planificare şi managment, chiar şi în statele teoretic neoliberale, dar şi rolul statului de agent, în redistribuirea venitului social, prin intermediul mecanismelor fiscale şi de protecţie socială au transformat statul naţional într-un factor tot mai important în viaţa popoarelor lumii[52].

După părerea autorului M.Rutkevici, rolul puterii de stat în condiţiile contemporane nu se reduc, dar invers se complică şi sporesc. Aceasta se refe-

---

[50] *Stanciu M. Obiectivele ONU privind dezvoltarea umană. // Calitatea vieţii, 2002, nr.1-4, p.46.*

[51] *Рыбаков А. Трансформация политических институтов. // Власть, 2003, №5, с.52.*

[52] *Hobsbawm E. Naţii şi naţionalism. - Chişinău, 1997, p.177.*

ră atît la statele prospere, cît şi celor ce se află la un diferit nivel a "modernizării în urmărire". De exemplu, paternalismul în Japonia sau dirijismul în Franța. În special reglementarea statală este necesară în condițiile "modernizării în urmărire", cînd este necesar de asigurat accelerarea creşterii economice. În aceste condiții este necesară elaborarea unei strategii a politicii de stat[53].

Experiența statelor dezvoltate demonstrează că indeferent după ce model social-juridic se dezvoltă societatea (anglo-american sau vest-european), statul este cel mai important instrument de creştere a bunăstării oamenilor, de formare a activității civice şi politice, de consolidare a simțului cetățenesc.

Într-o lucrare efectuată sub egida Băncii Mondiale, în care este analizată experiență reformelor în statele Europe Centrale şi de Est, editorul ei N.Barr scrie că este o eroare fundamentală să-ți imaginezi că economia capitalistă înseamnă absența intervenției instituțiilor de stat. Statul joacă un rol continuu şi major în statele industrializate. Anume de la subiectul vizînd rolul statului în perioada de tranziție, anume de aici pornesc multe greutăți la ora actuală.

Statul contemporan în interacțiunea cu piața îi aparține rolul de reglementator, deoarece anume statul formează spațiul juridic şi social-economic pentru activitatea instituțiilor economice. Statul ca subiect al transformărilor în perioada de tranziție activează în direcții multelaterale: inițiatorul şi coordonatorul reformelor, arbitru în stabilirea şi respectarea noilor "reguli de joc", realizarea temporală a unor obligații "străine" din cauza nedezvoltării instituțiilor de piață, garantul ireversibilității reformelor. Specificul activității statului postcomunist este condiționat de instabilitatea societății, tranziția în toată diversitatea sa: în regimul politico-economic, în structurile instituționale, în sistemul social-economic, în directivele ideologice, în mentalitatea populației.

În condițiile tranziției statul se manifestă prin statut dublu- ca subiect şi obiect al reformării: se reduc proporțiile monopolismului de stat în rezultatul liberalizării procesului de producție, a operațiunilor valutare, a activității comerciale; o parte din drepturile exclusive a statului, sînt transmise noilor subiecți economici: întreprinderilor private, instituțiilor financiar-creditare ş.a.; statul încetează să fie unicul reglementator a activității economice, deoarece se formează pîrghii de piață şi corporative de conducere; se pierde inaccesibilitatea juridică față de stat: în egală măsură cu alte instituții şi alți agenți economici, statul trebuie să respecte normele de drept; se micşorează rolul metodelor directe, administrative de conducere în favoarea celor indirecte, eco-

---

[53] *Руткевич М.Н. Консолидация общества и социальные противоречия. // Социс, 2001, №1, с.24.*

nomice: impozit, metode creditare şi valutare[54]. Deci statul în perioada de tranziţie trebuie să fie un reglementator, un stimulator, un partener pentru a coordona cu diversele interese a societăţii.

În condiţiile tranziţiei la economia de piaţă rolul statului este contradictoriu. Pe de o parte, statul trebuie să-şi reducă influenţa asupra economiei eliberănd-o de un control şi o reglementare excesivă. Pe de altă parte, în condiţiile cînd în aceste state nu a existat un mecanism de piaţă, statul trebuie să-şi intensifice rolul său în crearea acestui mecanism. Scopul statului în această perioadă este realizarea politicii active îndreptătă spre realizarea stabilităţii economice. O mare atenţie statul trebuie să acorde rezolvării problemelor sociale - învăţămînt, sănătate, ştiinţă, cultură, crearea unui sistem de protecţie socială a populaţiei. În condiţiile tranziţiei trebuie să fie un stat puternic, cu o putere executivă capabilă să conducă cu procesele economice avînd o programă clară de ieşire din criză[55].

Experienţa statelor Europei Centrale şi de Est arată că succesul transformărilor într-o mare măsură depinde de aceea ce rol îl joacă statul în economie în această perioadă. Anume statul determină politica macroecomică, elaborează şi implementează programele anticriză, determină cadrul juridic a relaţiilor de piaţă. Închipuirea ce a existat la începutul tranziţiei că statul trebuie în totalmente să se retragă din economie sa epuizat cu practica. În majoritatea acestor state, statul şi-a păstrat funcţii economice largi, însă caracterul influenţei asupra economiei s-a schimbat radical.

Remarcăm că metodele administrative de reglementare a economiei din partea statului în aceste state se limitează la domeniile dreptului civil, activităţii de protecţie, controlului privind respectarea standartelor tehnice şi ecologice, comerţului extern şi operaţiilor valutare, activitatea instituţiilor monopoliste. Centrul de greutate se deplasează spre folosirea metodelor indirecte, de piaţă în reglementarea economiei din partea statului[56]. Deci, în perioada de tranziţie sau schimbat metodele şi mijloacele de reglementare din partea statului a proceselor social-politice.

Statul în procesul tranziţiei postcomuniste se loveşte de greutăţi deosebite. Aceste greutăţi sînt determinate de imperfecţiunea economiei de piaţă şi a democraţiei. Statul este responsabil pentru bunăstarea cetăţenilor săi, şi altă tratare a statutului său este neîntemeiată. Din aceasta reesă cel puţin două cir-

---

[54] *Сорочан О. Социально-зкономические трансформации: специфика постсоциализма. – Chişinău, 2002, p.95.*

[55] *Полунина В. Политология. - Москва, 1996, с.67.*

[56] *Демократические революции в Центральной и Восточной Европе: десять лет спустя. // Новая и новейшая история, 2000, №2, с.91.*

cumstanțe esențiale care complică activitatea instituțiilor de stat în statele Europei Centrale şi de Est şi CSI.

În primul rînd, în comparație cu statele dezvoltate, în statele postcomuniste, instituțiile de stat, avînd o capacitate redusă de activitate, însă cercul de funcții este mai larg. În al doilea rînd, în aceste state, în comparație cu statele dezvoltate, sînt mai importanți factorii subiectivi, ceea ce creează teren favorabil pentru apariția voluntarismului cu toate consecințele negative care reiesă din aceasta. În aceste state în mod deosebit este important responsabilitatea politicienilor de la putere. De poziția, competența şi continuitatea acțiunilor lor în mare măsură depinde realizarea scopurilor în perioada de tranziție[57].

Factorii subiectivi care negativ influențează asupra cursului transformărilor democratice sînt divergențile dintre interesele celor ce conduc şi cei conduşi, comportamentul birocratic şi interesele personale a funcționarilor, lipsa continuității în realizarea reformelor şi inventarierile dese a politicii social-economice, erorile politicienilor în alegerea strategiei şi tacticii reformelor, lipsa unui mentalitet civilizațional şi a eticii profesionale la funcționarii de stat.

Guvernele democrate de la putere, promovînd o politică economică liberală au redus amesticul statului în viața economică. Însă în perioada de tranziție sa dovedit a fi mai rezonabilă abordarea instituționalistă, conform căreia statul trebuie să fie un agent economic activ şi să intervină în viața economică, pentru că piața este imperfectă. Instituționaliştii susțin că în perioada de tranziție, statul trebuie să joace un rol şi mai activ, dirijînd evenimentele, efectuînd o trecere treptată, lentă la economia de piață. Economistul D.Moldovanu recomandă în calitate de model economic pentru Republica Moldova, sistemul economic francez ce îmbină armonios liberalismul şi protecționismul, libertățile economice şi centralismul statal, sistem intitulat „Capitalism statal”[58].

Discuțiile despre stat adesea încep cu ideile tradițiilor neoliberale: dacă statul este un "observator" al dezvoltării pieții, atunci multe probleme a funcționării economiei de piață sînt legate de calitatea acestui observator. Posibilitatea realizării reformelor şi eficiența lor sînt condiționate de capacitatea statului să-şi realizeze politica reformelor. Statul în politica sa de reforme trebuie să ea în considerare şi să realizeze interesele păturilor largi a populației, dar nu a unor grupuri. Istoria reformelor în statele postsovietice au fost o încercare nereuşită a reîmpărțirii resurselor publice de stat, a unor guverne sla-

---

[57] *Дробот Г. Меняющаяся роль государства в экономике XX века. // Вестник МГУ, серия 18, 2002, №.3, с.36.*

[58] *Moldovanu D. Tranziția: interdependența transformărilor sistemice şi a integrării în economia mondială. – Chişinău, 1997, p.75.*

be care au pierdut controlul asupra economiei şi a unor grupuri de interese puternice care au îndreptat aceaste circumstanțe în folosul propriu. Ca rezultat în structurile aparatului de stat s-au format grupuri de interese, care s-au folosit de slăbiciunea statului şi lipsei unor norme clare a controlului din partea statului[59]. Aceste circumstanțe au dus la o polarizare excesivă a societății, a pierderii statului a unor categorii de cetățeni.

Procesul de transformare a sistemelor social-economice întîmpină dificultăți comune aproape pentru majoritatea statelor în tranziție. În Raportul de Dezvoltare Umană (PNUD) 1998 pentru Europa şi CSI se menționează că "națiunile noi" demarînd reformele au procedat la diminuarea rolului direct al statului în soluționarea problemelor sociale, fără a institui nimic în schimb. Se apreciază că probabil aceasta a fost eroarea fundamentală. În raport se menționează că statele în tranziție ar trebui să meargă pe calea reformelor treptat.

Statul este un garant al stabilității şi securității economice, sociale şi individuale. Calea spre prosperitate în statele în tranziție depinde de politica statului, voința şi capacitatea clasei politice de a conştientiza activitatea sa. Obiectivele principale a statului în tranziție sînt: securitatea socială şi economică; funcționarea legilor; creşterea economică; eficientizarea politicilor sociale; mecanisme juridice şi economice pentru garantarea protecției proprietății private şi publice, a drepturilor omului; perfecționarea sistemului de redistribuire a veniturilor în favoarea educației, sănătatății şi cercetării[60].

Mecanismul politic principal care reglementează nivelul reflectării tuturor intereselor sociale sînt actele legislativ-normative, în cadrul cărora se asigură politica social-economică şi se adoptă hotărîri la nivel de stat şi de asemenea se asigură activitatea tuturor subiecților social. Anume actele legislativ-normative sînt chemate să fie acel mecanism care asigură stabilitate şi echilibru în politica de transformare a societății în perioada de tranziție.

Rolul statului, eficiența guvernării în această perioadă se justifică prin efectele sesizabile ale politicii economice şi sociale, prin capacitatea autorităților publice de a realiza transformările cu cele mai mici costuri sociale posibile şi nu în ultimul rînd prin gradul de conştientizare şi acceptare a schimbării, a gradului de responsabilitate politică pentru succesul deciziilor. Unul din factorii principali a tranziției reuşite este existența voinței politice în realizarea reformelor politice şi social-economice, care se reflectă în primul rînd în continuitatea reformelor guvernelor, în sensul că schimbarea guvernelor nu trebuie să înseamne shimbări radicale de la cursul reformelor realizate. Elita

---

[59] *Бычкова О.В. Постсоветское рыночное реформирование. // Полис, 2001, №6, с.156.*

[60] *Strategia Națională de Dezvoltare Durabilă. - Chişinău, 2000, p.68.*

conducătoare trebuie să fie destul de unită şi integrată în ce priveşte obiectivele dezvoltării societății. În statele postsovietice această regulă este încălcată. Elita politică aflată la guvernare este cea mai conflictuală grupă a societății. Practic fiecare politician mai important şi-a format partidul său, luptă pentru interesele sale, cea ce intensifică conflictele între putere şi păturile sociale.

Cursul şi rezultatele transformărilor în mare măsură sînt determinate de calitatea conducerii de stat. De politica statului în mare măsură depinde starea societății în genere, direcția în care ea se dezvoltă. Procesele social-economice din spațiul postcomunst se caracterizează printr-o nemulțumire permanentă a populației, o opinie publică negativă față de putere, un nivel scăzut de încredere în instituțiile statale. Aceasta demonstrează despre lipsa nu numai a colaborării şi parteneriatului între societate şi putere dar şi a dialogului.

Elita a obținut nu numai puterea politică, dar şi partea principală a bogăției şi a resurselor societății. Elita folosind poziția sa privilegiată a acaparat proprietatea prin următoarele căi: privatizarea ilegală care a restrîns posibilitatea maselor largi a populației de a avea proprietate şi de a iniția o afacere proprie, folosirea nerațională a ajutorului şi a creditelor externe, formarea unor grupuri financiare care sau folosit de credulitatea oamenilor, corupția în rîndul funcționarilor. Analiza activității instituțiilor de stat în societățile de tranziție a condus la înrăutățirea calității vieții oamenilor, manifestată printr-o polarizare bruscă a păturilor societății şi intensificarea stării de încordarea în societate.

Transformările ce au loc în stalele postsovietice au dus la apariția aşa numitei "economii a omului eftin" caracterizată prin remunerare scăzută, scăderea nivelului de viață, rețineri la plata salariului la întreprinderile atît publice cît şi private. Salariul s-a transformat într-o alocație, care nu depinde de rezultatul muncii. Munca, participarea la crearea bunurilor materiale este puțin stimulată şi susținută de stat. În sectorul privat, din cauza limitării intervenției directe a statului, salariații sînt lipsiți de minimul de garanții sociale. Remunerarea insificientă şi motivarea slabă a muncii sînt piedicele dezvoltării social-economice în perioada de tranziție. Statul plătind un salariu mic, avînd datorii la plata salariului, încalcă legislația. Aceasta conduce la submarea autorității statului ca subiect al economiei şi ca arbitru în relațiile de contractuale de muncă.

De aceea statul, în scopul micşorării diferențierii sociale, trebuie să reglementeze mai activ relațiile pe piața muncii nu numai normativ, dar şi practic. De asemenea statul trebuie să stimuleze formarea unei populației economic active, să fie un apărător a drepturilor lor social-economice, să formeze un sistem rațional de creare şi păstrare a locurilor de muncă pe baza determi-

nării direcțiilor prioritare de dezvoltare a ramurilor economice, să perfecționarea acumularea potențialului științific şi de cadre[61].

Pînă acum de rezultatele reformelor a avut de cîştigat numai elitele economice şi politice, pe cînd majoritatea populației a pierdut mult. Are loc o contrazicere între poziția profesională ridicată a oamenilor şi statutul lor social real în societate. Majoritatea lucrătorilor din sfera bugetară avînd un nivel înalt de studii şi pregătire profesională sînt în situația actuală marginalizați, ceea ce are o influență negativă asupra resurselor de muncă. Greşelile puterii în politica de reforme au stimulat sporirea inegalității şi încordării sociale. Pentru urmările deciziilor guvernaților plătesc cetățenii de rînd. Scăderea condițiilor de viață au condus la reducerea posibilității de a-şi satisface unele necesități sociale a oamenilor. Un studiu sociologic realizat în Rusia arată că după părerea oamenilor puterea reprezintă o simbioză a anarhiei şi a dictatului administrativ[62].

Activitatea slabă a organelor de conducere şi erorile guvernanților sînt acei factori care au determinat calitatea extrem de joasă a calității vieții în majoritatea statelor în tranziție, înclusiv în Republica Moldova. În majoritatea statelor în tranziție săraci au devenit nu numai grupurile marginale, dar şi o parte considerabilă a oamenilor apți de muncă. Cu toate că Constituțiile statelor în tranziție prevăd multe drepturi sociale, realizarea lor sînt neglijate, mai ales în realizarea oamenilor la muncă, în evaluarea echitabilă şi remunerarea la timp a muncii, în protecția socială a populației, a păturilor vulnerabile, în asigurarea sănătății şi a unui nivel decent de viață. Nu se respectă prevederea din Constituție privind orientarea socială a economiei. Omul, necesitățile lui trebuie să fie plasate în centrul atenției politicienilor şi considerate drept scop major al reformelor.

În Republica Moldova instituțiile statului nu sînt suficient de puternice pentru a menține forțele tranziției. Statul a fost inițiatorul reformelor şi prin urmare el trebuie să-şi asume responsabilitatea pentru rezultatele lor. Aşteptările populației vis-a-vis de rolul statului nu sînt încă realizate. Costul social al reformelor în republică sa dovedit a fi exagerat de mare. În condițiile crizei economice sa redus considerabil resursele statului necesare asigurării nevoilor sociale. Numărul celor ce necesită ajutor social este în creştere, iar resursele financiare a statului destinate protecției sociale sînt insuficiente pentru acoperirea cheltuielilor. Criza economică generează şi criza socială ce se manifestă prin cele mai diverse fenomene negative.

---

[61] *Голубь О. Проблемы социальной эфективности на рынке труда. // Власть, 2002, №4, с.32.*

[62] *Бойков В. Россия: десять лет реформирования. // Социологические исследования, 2001, №7, с.35.*

Tranziția a afectat standardele de viață, subminînd substanțial gradul de securitate a populației. Scăderea veniturilor reale a populației şi gradul de ocupație a generat un proces de sărăcie în masă. A scăzut accesul populației la serviciile sociale prioritare, inclusiv medicale şi educative. În aceste condiții rolul şi responsabilitatea statului este exclusivă. Însă resursele financiare reduse complică substanțial intențiile instituțiilor de stat[63]. Reformele social-economice efectuate de structurile puterii, fără a prevedea consecințele, au dus la o stratificare radicală a populației republicii.

O influență majoră asupra stratificării sociale, efectuat de factorul politic de putere a fost privatizarea contradictorie şi conflictuală, atît între echitate şi eficacitate cît şi între necesitate şi utilitate. Privatizarea în statele postcomuniste nu a căpătat rădăcini adînci în societate, n-a condus la un mecanism concret de susținere a intereselor tuturor păturilor sociale. Privatizarea a fost fără efecte concrete în extinderea opțiunilor. În Moldova privatizarea nu a schimbat nimic în viață cetățenilor (3 mln. de acționari, 70% din populație) deveniți acționari. De bunurile societăților pe acțiuni dispun un număr restrîns de persoane sau grupuri de manageri, contribuind la extinderea economiei subterane[64].

Puterea politică care a determinat transformările relațiilor social-economice, a transformat societatea într-un "ostatic" a politicii sale. Aceasta este rezultatul subestimării rolului hotărîtor anume a politicului şi a mecanismelor politice de conducere. Principalele probleme în activitatea statului, care influențează asupra evoluției stratificării sociale în societățile de tranziție sînt: principalul şi uneori chiar unicul mijloc de dezvoltare a sferei sociale este finanțarea de la buget; incapacitatea organelor executive să administreze efectiv proprietatea statului; nerespectare legislației şi în special a legislației în domeniul politicii sociale, care uneori depinde direct de starea economică; necointeresarea cercurilor de afaceri naționale să investească în sfera de producere, prin care îl lipseşte pe salariat de mijloace de existență; starea economică nu este în stare să asigure finanțare corespunzătoare a programelor sociale, iar folosirea mijloacelor existente nu întotdeauna sînt efective; contrazicerea dintre puterea centrală şi locală privind finanțarea sferei sociale, ce se explică prin lipsa mijloacelor financiare la nivel local şi imposibilitatea puterii locale de aşi onora obligațiile în domeniul social ş.a. O caracteristică a structurilor puterii în statele de tranziție este ruptura dintre cuvînt şi fapt, dintre promisiuni şi realitate, dintre declarațiile constituționale şi situația reală a vieții sociale.

---

[63] *Raportul Național al Dezvoltării Umane -1999. - Chişinău, 2000, p.52.*
[64] *ibidem, p.42*

De aceea, perioada de tranziție trebuie de sporit complexitatea sarcinilor statale ce trebuie rezolvate prin intermediul politicilor sociale în scopul creşterii nivelul şi calității vieții populației prin crearea unui sistem eficient de protecție socială a populației, prin elaborarea politicilor în domeniul ocupației, salarizării ş.a. Este necesar nu numai elaborarea, dar şi implementarea în practică a politiciilor sociale adecvate societății în tranziție, în special sporirea rolului statului în protecția socială a populației. Statul trebuie să asigure controlul asupra proceselor de diferiențiere socială, şi anume realizarea politicilor sociale într-o oarecare măsură contribuie la diminuarea inegalității din societate.

Deci mecanismul principalul prin care se reglementează stratificarea socială este realizarea practică a politicilor sociale.

În statele Europei Centrale şi de Est, unde instituțiile puterii s-au consolidat în rezultatul proceselor democratice nivelul de cheltuiel publice, de exemplu în Polonia, Ungaria, Slovenia atinge cota de 45-50% din PIB. În unele state mai puțin dezvoltate ca Bulgaria, Romînia, Moldova această cotă constituie 25-35% din PIB. Reiesă că posibilitatea statului să-şi realizeze efectiv obligațiile în sfera socială depinde de cota cheltuielilor publice a statului[65].

În ultimii ani toate statele Europei Centrale şi de Est au întreprins măsuri de aliniere a sistemelor de protecție socială la economia de piață. Direcțiile şi obiectivele reformei corespund în urmare masură în toate statele. Guvernele depun eforturi pentru: a preveni sărăcia populației cu venituri mici fără a reduce diferența dintre veniturile datorate calității muncii; a stibili asigurări de pensie şi de sănătate bazate pe contribuții şi asigurări împotriva riscului de şomaj, sau a combina elementele de bunăstare socială cu asigurări sociale şi private; a transfera acele funcții sociopolitice îndeplinite inițial de întreprinderile de stat structurilor private. Toate statele au adoptat reglementări referitoare la asistența socială şi asigurări de şomaj. Însă evoluția şi concepția acestor reforme sînt diferite în fiecare stat[66].

Dintre măsurile de politică activă folosite în statele Europei Centrale şi de Est în combaterea şomajului se pot aminti: tranzacționarea locurilor de muncă (job brokering); politici de creştere a mobilității pe piața muncii, constînd în încurajarea migrației; măsuri de crearea a noilor locuri de muncă prin încurajarea firmelor în sensul angajării şomerilor prin subvenții acordate din fondul de şomaj; folosirea muncilor publice; asistență pentru afacerile pe cont propriu; recalificarea şomerilor prin organizarea cursurilor de pregătire de către oficiile de muncă; locuri de muncă pentru absolvenți. Cele mai fregvente,

---

[65] *Сорочан О. Социально-зкономические трансформации: специфика постсоциализма. – Chişinău, 2002, p.95.*

[66] *Țările Europei Centrale şi de Est în drumul spre UE. - Bucureşti, 1997, p.20.*

considerate cele mai eficiente sînt programele de pregătire profesionale (de calificare şi recalificare). Cea mai bogată experienţă în acest domeniu aparţine Bulgariei care din 1986 a creat un fond de calificare şi recalificare. Cele mai extinse ale politicilor active există în Ungaria, ele incluzînd alături de şomeri şi persoanele tinere. În Romînia programele de pregătire profesională sînt organizate de către oficiile de muncă prin centre proprii sau alte unităţi. Subvenţionarea (creditarea) creării locurilor de muncă include diverse măsuri.

Asemenea programe se întîlnesc în Bulgaria, Cehia, Polonia, Romînia sub formă de subvenţii salariale sau de credite. Tot din această grupă fac parte măsuri pentru menţinerea locului de muncă, inspirată după modelul german, ce se practică în Romînia şi Ungaria. Anume politicile active de creare a locurilor de muncă constituie cea mai eficientă metodă de combatere a şomajului, deoarece concedierile, pensionările anticipate au condus la creşterea populaţiei inactive şi deci la creşterea necesarului de fonduri sociale, asigurate prin cotizaţii, taxe, impozite prelevate de la un număr tot mai mic de persoane active[67].

În Republica Moldova pentru reglementarea procesele de diferenţiere socială la toate nivelurile de administrare au fost create un şir de instituţii (începînd cu Comisia Parlamentară pentru Protecţia socială, Familie şi Sănătate şi terminînd cu specialiştii în probleme de asistenţă socială din cadrul primăriilor), care se ocupă de elaborarea, promovarea şi realizarea politicii sociale. Însă promovarea adecvată a politicii sociale lasă mult de dorit. Cu toate că la nivel guvernamental se elaborează strategii, programe şi proiecte în domeniul politicii sociale, însă lipseşte o corelare dintre Comisia Parlamentară Permanentă, ministerele de resort, partidele politice, sindicate, asociaţii obşteşti, agenţii economici în problemele de implementare a acestor politici sociale.

Cu toate că sistemul actual de protecţie socială din republică se perfecţionează, el nu contribuie substanţial la îmbunătăţirea condiţiilor de viaţă a oamenilor. În realitate sistemul actual de protecţie socială este pasiv şi insuficient. Actualmente nu există un program viabil de protecţie socială.

---

[67] *Dan M. Politici sociale. - Bucureşti, 2001, p.142.*

COMPARTIMENTUL III.
SOCIOLOGIA POLITICĂ

REPREZENTĂRILE IDENTITARE ALE MASELOR ÎN PERIOADA DE TRANZIȚIE[68]

Elvira ANGHEL
Republica Moldova, Chişinău
Universitatea de Stat din Moldova
Facultatea relații internaționale,
ştiințe politice şi administrative
catedra Politologie
Lector, MA

Încă de la începutul proclamării statalității persistă procese dezintegraționiste. Lipsa unei idei de integrare cu valoare de importanță generală menține tensiunile, contradicțiile şi prejudecățile în sistemul reprezentărilor maselor. Pentru că procesele de constituire statală legitimă coincid cu cele de determinare legitimă a identității, sistemul reprezentărilor maselor parcurg două procese care interacționează şi se influiențează reciproc: procesul de identificare națională care vizeăză „descendența socială şi spirituală specifică, care are în spate o voință" şi cel de identificare civică ce „este intermediat de enunțarea unor atribute obiective cum ar fi naționalitatea, vîrsta, pătura socială".[69] Reprezentările identitare denotă apartenența indivizilor la anumite grupuri, conştientizarea specificului cultural, politic, evaluarea identității proprii şi stabilirea relațiilor cu alte grupuri.

J.-R.Ladmiral şi E.M.Lipiansky precizează că pe lîngă faptul că identitatea „se fondează pe factori obiectivi, precum moştenirea istorică, contextul politic, originile etnice, tradiție, limbă, religie..., ea se bazează totodată pe elemente subiective care se înscriu în conştiința membrilor unei comunități, ea există în primul rîmd sub forma reprezentărilor sociale care permit unei colectivități să se definească şi să se recunoască de alții, aceste reprezentări sunt formate din imagini, simboluri, stereotipuri"[70].

Nucleul central al reprezentărilor identitare naționale ale maselor în Republica Moldova includ două variabile importante: cea de racordare a valori-

---

[68] Recenzent – doctor în ştiințe politice Valentina Stan
[69] Andreescu L. Tradiția națională. // Altera, №8, 1998, p.93.
[70] Chelcea S. Personalitate şi societate în tranziție. – Bucureşti: Societatea Ştiințifică şi Tehnică SA, 1994, p.241.

lor național-etnice la condițiile unei societăți multinaționale şi consolidarea teritorială. Teritoriul se reflectă în conştiința maselor sub două aspecte: ca spațiu fizic şi ca simbol național-politic, care realizează funcții de identificare şi integrare a populației. Astfel, frontierele statului nu reprezintă doar limitele sale administrative, dar şi simbol important de apartenență. Însă pe plan statal intern teritoriul, concomitent, relizează funcții de delimitare național-etnică a populației, care influiențează partajarea teritorial-administrativă a statului.

În urma politicii de mobilizare activă a populației promovată de Uniunea Sovietică, în scopul internaționalizării pluralităților de națiuni amplasate în teritoriu, după destrămarea ei, multe republici au ajuns în situația statelor cu o pondere considerabilă a minorităților naționale. Recensămîntul unional din 1979 a înregistrat o populație minoritară de circa 26.4% din totalul populației Ucrainei, de 31.3% în Uzbekistan, De 36.1% în Moldova (35.5% - la Recensămîntul din 1989: dintre care 13,8% ucraineni, 13% ruşi, 3,5% găgăuzi, 2% bulgari şi 1,5% evrei), de 43.3% în Letonia, 52.1% în Kîrghistan.[71]

Realitatea societăților multinaționale cerea o revizuire a ansamblului de atitudini inter-grupuri. M.Rokeach şi F.Restle disting, în acest context, sisteme de gîndire „deschise" şi „închise". În opinia lor „sistemul închis, care acceptă necritic, emotiv informația, cultivă prejudecata, în opoziție cu cel deschis, care o exclude, căci îşi elaborează judecățile pe temeiul faptelor, luîndu-le pe acestea ca temei de acțiuni".[72]

În pofida garanțiilor acordate de legea fundamentală a statului şi prevăzute în legea organică cu privire la drepturile persoanelor aparținînd minorităților naționale, relațiile inter-grupuri național-etnice au un caracter încordat. Motivele principale care se impun în acest context, țin de aspectul temporal (coincidența în timp a recăpătării indentității proprii de către majoritate şi minorități, cu tendința legitimă de consolidare a statalității de către majoritatea națională), normativ (cadrul juridic incipient, care implică multe ambiguități şi contradicții), istoric-psihologic (transformarea legitimității monoculturii în legitimitatea pluriculturii, generată de pincipiile democratice). În urma unui sondaj de opinie realizat de Centrul Educațional „PRO Didactica", cu sprijinul Fundației Soros – Moldova, cu ocazia Zilei Internaționale a Toleranței, la 16 octombrie: peste 30% din cetățeni cred că în Republica Moldova relațiile interetnice sunt bune, 23% le consideră satisfăcătoare şi tot atîția – prieteneşti, 16 % le văd tensionate, iar 3% – conflictuale.[73]

---

[71] *Vezi: Enciu N. Populația titulară a Republicii Moldova față cu minoritățile naționale. // Arena politică. Nr4 (16), ianuarie, 1998, p.7.*

[72] *vezi: Toth A. Prejudecata etnică şi specificul național. // Altera, 1998, p.82.*

[73] *Toți cetățenii Republicii Moldova trebuie să cunoască limba de stat. // "Timpul", 2003, 21 noiembrie, p.12.*

Variabilele importante care influienţează relaţia inter-grup majoritate-minoritate în Republica Moldova, consecinţe ale factorilor menţionaţi anterior sînt de ordin cantitativ şi distributiv. Astfel cu cît numărul reprezentanţilor minorităţilor naţionale este mai mare, cu atît intensitatea tensionării relaţiilor cu majoritatea creşte. Sociologul şi filosoful german R.Darendorf, concluziona în privinţa analizei procesului de democratizare în statele Europei de Est: „cu cît ţara este mai omogenă, cu atît şansele ei în succesele procesului democratic sînt mai mari. Ţara cu o componenţă complexă etnică sau de altă natură va trebui să se ocupe în viitorul apropiat nu de democratizare, dar de problemele integrităţii teritoriale şi implimentării legii şi ordinii."[74] Scindarea teritorială reflectă gradul de disensiune al relaţiilor inte-etnice.

Variabila distributivă comportă două elemente: cel al amplasării teritoriale şi cel ce ţine de caracterul dispersat / compact. Aceste realităţi devin mult mai problematice cînd teritoriile în cauză sunt importante din punct de vedere strategic, economic, militar. Această dihotomie este direct proporţională cu intensitatea relaţiilor majoritate-minoritate. Bineînţeles că pretenţiile teritoriale ale minorităţilor naţionale sunt motivate de logica argumentului distributiv şi proporţional al reprezentanţilor etniilor în teritoriu.

Această problemă, aparent soluţionată, constituie în continuare trăsătura vulnerabilă a politicii de integrare a statului. Cea mai mare parte a minorităţilor ucrainene şi ruse sînt amplasate în raioanele de est ale Republicii Moldova, în regiunea transnistreană. Populaţia Transnistriei care constituie 654,8 mii de locuitori, adică 16% din populaţia republicii, dintre care 40% sînt moldoveni / români, 28,7% - ucraineni şi 25,5% - ruşi; ocupă 12% din teritoriul Moldovei.[75]

Găgăuzii, a treia minoritate în ierarhia numerică a minorităţilor naţionale sînt concentraţi în sudul republicii, formînd unitatea teritorial-administrativă, Gagauz-Yeri. Pe un teritoriu de 1,85 mii km² (adică 5,5 % din teritoriul Republicii Moldova) locuiesc circa 160 de mii de oameni dintre care 81,4% sînt găgăuzi; 5,2% bulgari; 4,6% ruşi; 4,4% moldoveni; 3,3% ucraineni şi 1,1% alte minorităţi naţionale.[76] Relevanţa acestor variabile în relaţia majoritate-minoritate este redată şi de cercetătorul american McIntosh care consideră că stabilitatea relaţiei depinde de mărimea (cantitatea) minorităţilor în compara-

---

[74] *Дарендорф Р. Дорога к свободе: демократизация и её проблемы в Восточной Европе. // Вопросы философии. 1990, №9-10, с.70.*

[75] *Vezi: Balan Gh. Cauzele conflictului transnistrean. // Minorităţile naţionale şi relaţiile interetnice. Tradiţia europeană şi experienţa noilor democraţii pentru Moldova. – Iaşi: Pan Europe, vol. 1, 2002, p.17.*

[76] *Programul regional Gagauz-Yeri, iulie 2001. Centrul de Investiţii Strategice şi Reforme. www.cisr-md.org/publications*

ție cu majoritatea, densitatea acestor minorități, precum şi opotunitățile pentru contactele dintre majoritate şi minoritate. Cu cît influiența acestor factori este mai evidentă în favoarea minorităților cu atît conflictualitatea relațiilor este mai mare.[77]

Majorității naționale în virtutea numărului preponderent, titulaturii cultural-politice pe care o poartă şi dorinței de a-şi redefini fără presiuni şi angajamente identitatea proprie i se opun minoritățile care tind să supraviețuiască experienței trecutului istoric şi să evite atribuirea unor statute de cetățeni „secundari” ai statului de reşedință. Tensiunile în cadrul relației majoritate-minoritate sînt motivate nu numai de factorii culturali, politici, economici, sociali, dar şi psihologici. Tensiunile la nivel psihologic sînt cauzate de conflictul dintre sistemul dominant de valori care se impune în mediul social şi unul care încearcă să reziste presiunilor de asimilare. E.Said în lucrarea sa „Culture and Imperialism” menționează că „nicăieri o cultură dominantă nu este mai firavă din punct de vedere al legitimității, decît în întîlnirea sa cu culturi reprimate.”[78]

Grupurile etnice minoritare cred în nesiguranța securității lor. Ele se simt amenințate de sistemul valoric dominant cantitativ al majorității care reprezintă pentru aceste etnii un pericol real de amenințare. Comportamentul majorității naționale este interpretat de grupurile minoritare din punctul de vedere al comunității dominante. Presiunile verbale şi acționale ale minorității frustrează majoritatea națională, care realizează că statutul cultural şi politic de majoritate titulară este neglijat.

Reprezentările etnice ale majorității şi minorității se manifestă prin comportamentele verbale şi acționale. Ele formează vectorul şi dinamicul comportamentelor *in-groups* şi *out-groups*. Măsurarea prejudecăților în cadrul relațiilor inter-grupuri poate fi efectuată, apelînd la scala distanțelor sociale dintre grupuri, emisă de Bogardus în 1925. Utilitatea acestei metode constă în posibilitatea evaluării distanței şi gradul de toleranță inter-grupuri. Sondajul de opinie organizat în martie-aprilie, 2002, de către IPP, reflectă importanța atitudinilor etnice în stabilirea distanței dintre etno-elementele maselor în Republica Moldova. Cei mai agreați pe scala distanțeilor etnice sînt moldovenii / românii – 95%, după care urmează ruşii – 88%, ucrainenii – 84 %, bulgarii – 63%, găgăuzii – 61%, evreii – 59% şi în ultimul rînd, romii – 35%. Ierarhia inversă demonstrează că cei mai dezagreați sînt romii 58%, urmați de evrei –

[77] *vezi: Gagcioglu D. Psichological explanations of conflicts between ethnocultural minorities and majorities. // Arena Politicii, nr.4 (16). Ianuarie, 1998, p.26.*

[78] *Vezi: Andreescu L. Tradiția națională. // Altera, 1998, №8, p.94.*

32%, găgăuzi – 30%, bulgari – 26%, ucraineni – 12%, ruşi – 9%, la urmă situîndu-se moldovenii / românii cu 3%.[79]

Structura atitudinilor etnice pe verticală ce reflectă ierarhia distanțelor *out-groups* în relația majoritate-minoritate, demonstrează conform sondajului că majoritatea națională este cea mai agreată de reprezentanții minorității ruse – 96%, după care urmează ucrainenii – 95%, celelalte minorități în proporție de 90 la sută. La rîndul lor moldovenii / românii agrează în deosebi minoritatea rusă – 84%, urmată de ucraineni – 80%, bulgari – 55%, găgăuzi – 54%, romi – 30%. Structura orizontală a atitudinilor *in-group* arată că reprezentanții majorității naționale se apreciază reciproc în proporție de 96 la sută.

Distanțele inter-grupuri în cadrul societății moldoveneşti sînt motivate de atitudinile stereotipizate pozitive sau negative şi prejudecățile reprezentanților majorității şi minorității naționale. Aceste variabile ale reprezentărilor identitare sînt elemente importante ale schemelor cognitive inte-grupuri în cadrul maselor. În timp ce stereotipul „reprezintă conținutul declarativ al unei scheme de grup... se referă la dimensiunea cognitivă sau raportarea preponderent cognitivă la un grup sau reprezentanți ai acestuia, prejudecata este... afectivă, ...presupune că este ataşată de streotip şi activează împreună cu conținutul cognitiv al acestuia... (reprezentînd) dimensiunea afectivă."[80]

Prin intermediul metodei listei de trăsături a măsurării stereotipurilor emisă de Katz şi Bradly în 1933, putem deduce gradul de consensualitate dintre grupurile național-etnice în Republica Moldova. Această metodă vizează atribuirea caracteristicilor definitorii în cadrul relațiilor inter-grupuri. Sondajul de opinie realizat în 2002, relevă motivația distanței sau apropieirii între reprezentanții grupurilor naționale.

Chestionarul punea în evidență cîteva caracteristici care în opinia participanților la sondaj ar reprezenta comunitățile etnice în Republica Moldova. Cele mai caracteristice calități atribuite moldovenilor / românilor sunt hărnicia şi ospitalitatea (peste 70 la sută), cumsecădenia (peste 40 la sută), trăsătura negativă a majorității naționale fiind dezbinarea. Caracteristicile celorlalte etnii din Republica Moldova sînt atribuite în proporție de mai puțin de 50%. Atributele cele mai frecvente ale ucrainenilor din Republica Moldova sînt hărnicia (38 la sută), ospitalitatea şi cumsecădenia la difirența de un procent (prima fiind atribuită de 38% dintre respodenți, a doua – de 32%), orgoliul fiind caracteristica negativă a lor (10%). Minoritatea rusă se evidențiază în special prin ospitalitatea (29 la sută), cumsecădenia şi inteligența (fiecare cîte 28 la sută), egoismul fiind atributul nagativ care-i caracterizează (10 la sută), de-

---

[79] *Barometrul de Opinie Publică. Republica Moldova. Martie-aprilie. 2002. – Chişinău: IPP, p.27.*

[80] *Neculau A. Manual de psihologie socială. – Iaşi: Polirom, 2003, p.256.*

altfel ca şi pe bulgari (10 la sută) şi pe găgăuzi (11 la sută). Bulgarii se deosebesc în special prin hărnicie (29 la sută), ospitalitate (pentru care au optat 22 la sută dintre respondenţi), cumsecădenie (21 la sută). Trăsăturile pozitive prin care se caracterizează găgăuzii sînt hărnicia (25 la sută), unitatea lor (20 la sută), ospitalitatea (18 la sută).

Competiţia ostilă pentru redefinirea şi conservarea valorilor etnice reduce şansele integrării maselor. Dihotomia „noi" – „ei" caracteristică relaţiilor dintre majoritate şi minoritate intensifică ostilitatea mutuală şi sistează ameliorarea relaţiilor inter-etnice. Grupurile care se includ în categoria „noi" împărtăşeasc aceleaşi sentimente de apartenenţă de identitate comună şi exclud alte grupuri atribuite la categoria „ei". Concentrarea exclusivă spre valorile *in-group* şi excluderea principiilor de toleranţă şi colaborare cu alte grupuri riscă să exagereze apartenenţa *in-group*. Ori toleranţa „reprezintă o normă a comportamentului civilizat între culturile concurente şi capacitatea de a adopta alte viziuni şi logici, ea este o condiţie de păstrare a eterogenităţii, a dreptului istoric la originalitate..."[81]

Aşa cum concluzionează I.Caunenco, doctor în ştiinţe, în urma cercetărilor psihologice, „nici hiperidentitatea, nici hipoidentitatea nu pot să asigure un comportament tolerant, deoarece doar identitatea etnică pozitivă poate să constituie condiţia interacţiunilor paşnice inter-etnice înte-o lume plurietnică."[82]

Tensiunile dintre categoriile dihotomice „noi" - „ei"se intensifică pe măsură ce prejudecăţile etnice subordonează conştiinţa de group. Astfel, grupurile tind să creeză şi să considere ca acţiunile şi atitudinile altor grupuri sînt inferioare, iar comportamentul şi sistemul de valori proprii sînt etalon pentru „ceilalţi". Antropologul francez A.Leroi-Gourhan consideră că „concepţia pre-ştiinţifică despre om poate fi designată în chipul cel mai adecvat ca „etnicentrism..." esenţa (căruia) ... constă în postularea etniei ca un fel de fiinţă ideală, care întruchipează toate calităţile bune şi frumoase, aşăzînd totodată în afara lumii familiare populaţiile străine, care încarnează în înfăţişarea şi în moravurile lor, urîţenia şi răutatea."[83]

Orientarea etnocentrică în Republica Moldova este mai mult speculată şi politizată. Încurajarea acestei mentalităţi poate provoca o ierarhizare a valorilor cultural-etnice în societate. În opinia lui E.Fromm: „narcisismul grupal"

---

[81] *Кауненко И. Формирование позитивной этнической идентичности - основа толерантности молодёжи Молдовы. // Minorităţile naţionale şi relaţiile interetnice. Tradiţia europeană şi experienţa noilor democraţii pentru Moldova. – Iaşi: Pan-Eupopa, 2002, p.83.*

[82] *Ibidem.*

[83] *vezi: Roth A. Prejudecata etnică şi specificul naţional. // Altera, №7, 1998, p.77.*

avantajează coieziunea şi solidaritatea intra-grupală, dar constituie totodată şi unul din izvoarele principale ale agresivității umane."[84]

Deşi identificarea națională este un proces firesc şi inevitabil al maselor, imperativele contractualiste inter-grupuri național-etnice pot fi realizate prin afirmarea unei supra-identități. Aceasta din urmă trebuie să dețină capacitatea includerii tuturor grupurilor în condițiile pluri-culturalismului. C.Taylor defineşte doctrina multiculturalismului o „politică a recunoaşterii", „un răspuns al nevoii de demnitate exprimate de grupuri „subalterne" care au resimțit-o ca pe o necesitate vitală."[85]

Această doctrină se regăseşte în exprimarea culturii şi spiritului civic, capabil să realizeze procesul de integrare a maselor. În opinia lui R.S.Schermerhorn, procesul de integrare „se produce în două feluri diferite, prin relații de putere, acolo unde legitimitatea autorității centrale reprezintă o problemă centrală, ori prin congruiența culturală în care compatibilitatea valorilor împărtăşite pare a fi o evidență a relațiilor cotidiene."[86]

Reuşita tranziției democratice în Republica Moldova depinde de afirmarea valorilor şi identității civice, care să reprezinte dinamicul adaptării la noile condiții ale mediului social-politic, capacitatea de formare a unui climat psihologic favorabil maselor, conştientizarea sistemului de valori şi norme comune care să orienteze comportamentul lor. Aşa cum afirma C.Kukathos: „pentru ca fiecare grup să poată avea o măsură semnificativă de integritate, el trebuie să fie într-o oarecare măsură integrat deja în structura unei societăți liberale mai largi."[87]

Acest proces necesită consolidarea şi solidarizarea intereselor generale civice ale maselor, superioare celor de grup, fără o imputare a celor din urmă. Or identitatea civică reprezintă constituirea şi conştientizarea indivizilor ca reprezentanți ai statului. În urma unui sondaj organizat de IPP la nouă ani de la declararea independenței, 59 la sută din totalul respondenților se simt mai degrabă cetățeni ai Moldovei, 29 la sută ai localității în care trăiesc, 6 la sută ai CSI, 4 la sută ai Europei.[88]

Dintre cei care-şi atribuie identitatea civică Republicii Moldova, 63 la sută sînt moldoveni, 55 la sută – ruşi şi tot atîțea ucraineni, 38 la sută constituind răspunsul celorlalte minorități. Sondajul de opinie realizat în 2003, în

---

[84] *Vezi: Georgiu Gr. Națiune. Cultură. Identitate. – Bucureşti: Diogene, 1997, p.79.*

[85] *Hermet G. Istoria națiunilor şi a naționalismului în Europa. – Iaşi: Institutul European, 1997, p.326.*

[86] *Vezi: Munteanu I. Stat național: discursul legitimității. // Arena politicii, №4 (16), Ianuarie 1998.*

[87] *Vezi: Andreescu L. Tradiția națională. – Bucureşti, p.99.*

[88] *Barometrul de Opinie Publică – 2000. Chişinău: IPP, august 2000, p.31.*

scopul evaluării atitudinii civice în rîndul maselor, a demonstrat o creştere a sa, deşi puțin sonsiderabilă: 20 la sută din totalul respondenților s-au dovedit a fi foarte mîndri de calitatea de cetățean al Republicii Moldova, 49 la sută – mîndri, 24 la sută – nu prea mîndri, 5 la sută – deloc mîndri.[89]

Din totalul respondenților care au optat pentru răspunsul „foarte mîndru”, difirența dintre moldoveni / români şi ucraineni fiind de unu la sută (primii optînd în proporție de 22 la sută, ultimii de 21 la sută). Cei mai mulți care au ales varianta „mîndri” de calitatea de cetățean al Republicii Moldova au fost reprezentanții minorității ruse (58 la sută), după care urmează moldovenii şi ucrainenii cu 50 la sută pentru fiecare, răspunsul celorlalte minorități fiind de 40 la sută.

Identificarea şi alienarea sînt cele două extreme ale spectrului conştiinței civice ale maselor. Alienarea maselor de spiritul civic este determinată în special de randamentul redus al statului de a sigura necesitățile indivizilor. Or relația dintre stat–mase în cadrul regimului democratic trebuie să fie interpretată ca o „conducere de către şi pentru indivizi”. Astfel în urma sondajului sociologic realizat în 2003, 12 la sută din populația Republicii Moldova sînt predispuşi să plece pentru totdeauna din țară, dacă ar avea o şansă reală, dintre care 12 la sută sînt moldoveni / români şi tot atâțea ruşi, 13 la sută – ucraineni şi 15 la sută – alte minorități.[22] Relevanța conştiinței civice, ce vizează statul ca principala instituție de organizare a societății are loc în cazul în care masele percep statul ca valoare a experienței lor politice, manifestă sentimentul acordului intern şi îşi conformează comportamentul cu normele statului în care se află.

Abordarea reprezentărilor identitare ale maselor în Republica Moldova evidențiază faptul că factorii istorici, social-politici, nivelul de socializare civică au o importanță deosebită în afirmarea lor. Deficiențele în plan identitar au o clară explicație a trecutului totalitar, perioadă în care s-a încercat „fabricarea” unei noi identități în jurul conceptului de „homo sovieticus”. Identitatea a fost traumatizată astfel, încît astăzi traumaticul să subordoneze logica realității. Resemnarea la consecințele istoriei cauzează obstacole procesului de metamorfoză progresivă a maselor în perioada tranziției democratice. Or schimbarea necesită o confruntare principială la toate nivelurile mentalității. Iar aceasta presupune implicarea istoriei nu ca o scuză a prezentului nostru, dar ca motivare pentru accedarea spre viitor.

---

[89] *Barometrul de Opinie Publică – 2003. - Chişinău: IPP, aprilie 2003, p.64.*
[22] *Ibidem, p.65.*

АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИАЛЕКТОВ КАК ВОЗМОЖНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА[90]

Маргарита БУЛОВА
Республика Молдова, Кишинев,
Молдавский государственный университет,
Факультет международных отношений,
политических и административных наук
кафедра политологии,
преподаватель

Из принципов методологического исследования, имеющих для нас существенное значение, необходимо отметить подход к пространству и времени как диалектически взаимосвязанным категориям. До недавнего времени принято было считать, что категории пространства и времени рассматривались только лишь в лоне естественных наук. Хотя анализ познания общественных процессов, их истории, может считаться полным тогда, когда оно охватывает в целостности пространственно-временные отношения и свойства социально-политических структур. Соглашаясь с приведенным суждением, мы должны отметить, что понятия «пространство и время» имеет суть не только в естественных, но и в социальных науках.

Проблема пространства и времени уже давно волнует научный мир, а в особенности политическую науку. По нашему мнению данная проблема в общественных науках выступает в том же ракурсе, в каком она выступала в естествознании при переходе от классической механики к квантовой. Общественные науки своими средствами подходят к выводу о том, что в современном обществе, в отличие от традиционного, нет единого для всех социальных групп пространства-времени. Типология социальных форм пространства-времени становится важной задачей политологии, так как без сознания специфики пространства-времени различных обществ и групп в рамках одного и того же общества невозможны современная политическая аналитика и прогностика, теория принятия решений.[91]

Учитывая динамичность электорального процесса, было бы удивительно, если бы политическая картина мира не изменялась и не вклю-

---

[90] *Рецензент – доктор, доцент Клавдия Завтур*
[91] *См. Панарин А.С. Философия политики. – Москва, 1994, с.62.*

чала бы как свой компонент эволюционные представления. В связи с этим представлением научной картины мира, современный электоральный процесс требует более четкого разграничения пространства и времени, а особенно электорального пространства - времени.

На наш взгляд, конструктивный анализ электоральных характеристик пространства и времени, на сегодняшний день немыслим без обращения к понятийному содержанию как социальных, так и политических пространственно-временных свойств и отношений.

Говоря о позиции агентов в пространстве, П.Бурдье подчеркивает тот аспект, что социальное и физическое пространства невозможно рассматривать в «чистом виде»: только как социальное или только как физическое: «Социальное деление, объективированное в физическом пространстве, функционирует одновременно как принцип видении и деления, как категория восприятия и оценивания, короче, как ментальная структура». Социальное пространство, поэтому не есть некая «теоретическая оформленная пустота», в которой обозначены координаты агентов, но воплотившаяся физически социальная классификация: агенты «занимают» определенное пространство, а дистанция между их позициями – это тоже не только социальное, но и физическое пространство.[92]

Данное обстоятельство указывает нам на то, что социальное пространство и время можно рассматривать с одной стороны как взаимодополняющие формы с физическим, с другой, социальное пространство и время можно рассматривать как более или менее самостоятельные формы общественного бытия. Причем в связи с этим видением, Бурдье говорит о социальном пространстве как «пространстве второго порядка», что оно есть не только «реализация социального деления», понимаемого как совокупность позиций, но и пространство «видения этого деления»: *vision* и *division*, а также не только занятие определенной позиции в пространстве (поле) – *position*, но и выработка определенной (политической) позиции – *prise de position*.[93]

Из этого следует, как отмечает автор: «Социальное пространство включает в себя несколько полей, и агент может занимать позиции одновременно в нескольких из них, где *поле*, - по Бурдье, - это специфическая система объективных связей между различными *позициями*, находящимися в альянсе или конфликте, в конкуренции или в кооперации, определяемыми социально и в большей степени не зависящими от физического состояния индивидов, которые эти позиции занимают».[94]

---

[92] *Бурдье П. Социология политики. – Москва, 1993, с.15.*
[93] *там же, с.16.*
[94] *там же, с.18.*

Таким образам, существование различных позиций, дает нам основание утверждать о существовании многообразия полей в социальном пространстве. Где, в свою очередь, социальное пространство уже вписывается в определенные пространственно-временные структуры.

Данный подход позволяет нам описать более подробно сущностные характеристики всех форм пространства и времени такие как: объективность, устойчивость, изменчивость, равно как и проявление в них таких характеристик как длительность, последовательность и протяженность. Но это, к сожалению, одна сторона проблемы, так как данные свойства носят всеобщий характер и могут быть рассмотрены только на фоне сопоставления их специфичности в качественно различных материальных структурах.

Другой вопрос о наличии сугубо специфических для социального пространства и времени свойств, которую дают точку отсчета, как политического, так и электорального пространства и времени. Так как существование этих свойств определяется тем, что социальное пространство и время выступают формами осознанного общественного бытия. Это не означает, конечно, того, что пространство и время зависят от воли и сознания человека. Пространственно-временные связи и отношения складываются объективно, но на базе той действительности, которая осуществляется людьми. Поэтому осознание содержания общественного бытия – человеческой действительности, приводит к осознанию форм этого бытия – социального пространства и времени.[95]

Т.е. человеческая деятельность осуществляется не только в социальном, политическом, электоральном времени и пространстве. Необходимыми формами для нее являются физическое пространство и время, но если последние выступают лишь в качестве основы, фундамента, либо как определяет П.Бурдье: физическое пространство по взаимным внешним сторонам, образующих его частей[96], в то время как социальное пространство и время оказывают серьезное воздействие на характер самой деятельности. Оно как бы незримо присутствует в каждом акте этой деятельности, требуя к себе внимания, заставляя учитывать себя, предвидеть возможные последствия поведения, соответствующего принимаемому в расчет фактору времени и пространства, социальное время и пространство – это не пассивные формы общественной жизни, а сво-

[95] *Зборовский Г.Е. Пространство и время как формы социального бытия. – Свердловск, 1974, с.14.*
[96] *Бурдье П. Социология политики. – Москва, 1993, с.35.*

еобразные активные «регуляторы» отношений, характеризующие любые сколько-нибудь серьезные действия.[97]

В связи с этим, когда речь заходит о человеке как субъекте и объекте социально-политических преобразований, марксисты показывали нам общественного человека. Как отмечает Ю.Плетников: «Носителем социальной формы движения становится не просто человек, а общественный человек, материальную организацию которого нельзя свести к организации его живого органического тела».[98]

Вследствие всего вышесказанного, следует отметить, что формой и условием функционирования общественно-политического человека является не только физическое, но и социальное, политическое, электоральное пространство и время.

Так как социальное пространство и время не являются основополагающими категориями нашего анализа, дадим самые общие их определения.[99] Так Г.Зборовский пишет: «Социальное пространство - это форма общественного бытия, в которой локализуется деятельность человека по определенным сферам с точки зрения места их проявления».[100]

Являясь социальной формой движения, общественные отношения составляют содержание социального пространства. В этом главное выражение специфики социального пространства, оно - определенная форма и вместе с тем необходимое условие функционирования общественных отношений. Вне социального пространства говорить о проявлении общественных отношений не имеет смысла. Последние сами формируют свое социальное пространство, определяют его основные свойства.[101]

Обращаясь к социальному времени, В.Артемов отмечает: «Социальное время – это время существования, функционирования и развития общества как совокупности социальных систем от человека до общест-

---

[97] *Зборовский Г.Е. Пространство и время как формы социального бытия. – Свердловск, 1974, с.14.*

[98] *Плетников Ю.К. О природе социальной формы движения. – Москва, 1971, с.26.*

[99] *Более подробный анализ категорий социального пространства и времени: Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. – Москва, 1982; Бурдье П. Социология политики. – Москва, 1993; Лой А.Н. Социально-историческое содержание категорий время и пространство. – Киев, 1978.*

[100] *Зборовский Г.Е. Пространство и время как формы социального бытия. – Свердловск, 1974, с.14.*

[101] *там же, с.68.*

венно-экономической формации и человеческого общества в целом; это – время общественного бытия людей, то есть их материальной деятельности и отношений, в которые они вступают в процессе такой деятельности. Социальное время есть единство длительности, последовательности, сосуществования, единство объема деятельности и ее результатов, выступающих в виде событий, процессов, предметов. Социальное время есть время, связанное с человеческой деятельностью».[102]

Интересный подход к пониманию времени общества мы встречаем у Г.Орлова. Он выделяет четыре момента, составляющих, по его мнению, содержание социологического аспекта: хронологический, раскрывающий последовательность исторических событий; функциональный, раскрывающий роль времени в общественном развитии (главным образом свободное время); аксиологический (ценностный); структурный. Кроме того, автор предлагает рассматривать время в горизонтальной и вертикальной плоскости: вертикальный срез – хронология исторического развития, горизонтальный срез – структура времени.

Однако Г.Орлов рассматривает только горизонтальный срез времени, его структурные элементы (и прежде всего свободное время). И как отмечает автор: «Нам представляется, что не меньшее значение (особенно для понимания процессов общественного развития) имеет анализ вертикального среза времени, в котором можно выделить такие структурные элементы, как прошлое, настоящее, будущее, т. е. раскрыть содержание течения времени».[103]

Исходя из сказанного, можно дать более точное определение времени общества: «Социальное время как форма существования общества, характеризует длительность событий, процессов, чередование, последовательность фаз общественного развития; процессы становления, как в материальной, так и духовной сферах социальной жизни. Время общества характеризует как деятельность отдельных людей, так и классов, народов, отдельных социально-экономических формаций».[104]

Вступление человечества в социально-дифференцированное общество привело к выделению внутри социального пространства и времени – политического пространства и времени. Данные обстоятельства указывают нам на неразрывную связь социального пространства и времени

---

[102] *Артемов В. Социальное время. // Общественные науки и современность, 1988, №2, с.149.*

[103] *Листвина Н.И. К постановке проблемы социального времени. Методологические вопросы науки. Выпуск 2. – Саратов, 1974, с.113.*

[104] *Листвина Н.И. Время и общественное развитие. // Принцип развития. – Саратов, 1972, с.113.*

с деятельностью человека, которое в свою очередь приводит нас к утверждению, что человеческая деятельность может быть включена как в рамках политического, так и электорального пространства и времени.

И действительно, пределы воздействия субъекта политики на людей всегда связаны с определенной территорией, на которую распространяется власть. Она может быть большой или малой, соседствовать с другими государствами, перемещаться относительно их и даже включать в себя или самой быть включенной в некоторые из них то ли путем соглашения, то ли захвата. Все это означает, что политические отношения существуют в конкретном, постоянно совершенствующемуся пространстве. Именно пространственная протяженность политических отношений и политических процессов предполагает в свою очередь территориальное и физическое измерение.

В этом контексте Энциклопедический словарь трактует политическое пространство с точки зрения системного подхода к пониманию поливариантности политического пространства: «Определение политического пространства, его границ и расположения позволяет создавать более полное и динамичное представление о реальной, а не нормативной политической системе страны. В ней каждое политическое пространство будет взаимодействовать не только с функциональными пространствами иной природы, но и с различными другими политическими пространствами»[105]. Насыщенность политических пространств (пространство власти, конфликтов и др.), в свою очередь, подразумевает динамику и исход политического процесса.

Сами пространственные отношения не происходят как единовременный акт, а всегда разделены временными промежутками, отражающими последовательность развития политических процессов, дифференцированных по стадиям, каждая из которых обладает своей длительностью. Тем самым политические отношения существуют не только в пространстве, но и во времени. Именно политическое время является фундаментом протекания политических процессов, это время измерения конкуренции политической деятельности лидера в границах политического пространства. Согласно энциклопедическому словарю: «Время – важнейший ресурс политики и власти. Погоня за этим ресурсом („выигрыш времени”) составляет одну из главных целей политики. В политической борьбе это задача „опередить” действия противника, „упредить” события».[106]

---

[105] *Политология. Энциклопедический словарь. – Москва, 1993, с.301.*
[106] *там же, с.299.*

Таким образом, пространство и время выступают сущностными формами политического бытия, ибо не один материальный (значит – и социальный) объект не может проявлять себя только во времени и не быть в пространстве или находиться в пространстве и не быть во времени.[107]

Существенный интерес к осмыслению политического пространства и времени представляет концепция С.Андреева. Он утверждает, что политическое время характеризует длительность существования политических отношений, характеризует последовательность утверждения одного типа после другого. Таким образом, утверждает автор, что политическое время указывает на степень и ступень политического развития, и политическую зрелость субъекта и объекта политики. Основными атрибутами политического времени автор указывает на длительность и последовательность. Проявляясь как длительность, время выражает устойчивость политических отношений, как последовательность – направление изменчивости через связь моментов длительности. Без развития (изменчивости) политические отношения были бы вне длительности и вообще вне времени.[108]

Исходя из особенностей своей структуры, утверждает С.Андреев: «Политическое время – это не просто длительность и последовательность процессов, ею вызванных, а длительность, отведенная Историей (временной отрезок) тем или иным политическим отношениям для обеспечения социального прогресса».[109] В этой связи структура политического времени, как отмечалась выше, является главным механизмом поступательного развития прогресса, акторов политического процесса на определенном временном отрезке.

В то же время С.Семенов считает, что: «Политическое время неразрывно связано с политической жизнью. Политическая жизнь – это продукт сложно организованного, гражданского общества. Оно предполагает разделение общества на разные социальные группы. Потребность в согласовании противоречивых интересов граждан рождает политическую жизнь, политическое пространство и время».[110]

Данное суждение дает нам определение политическому времени как атрибуту согласованного группового политического действия. Поэ-

---

[107] *Андреев С.С. Политическое время и политическое пространство. // Социально-политический журнал, 1993, №3, с.27.*

[108] *там же, с.28.*

[109] *там же, с.31.*

[110] *Семенов С. Хронополитические аспекты кризисов культуры. // Общественные науки и современность, 1993, №4, с.153.*

тому оно не только событийно, но и проективно, не столько устремлено в прошлое, сколько сосредоточено на настоящем и обращено в будущее. Оно относится к измерению количественных характеристик политической деятельности в прошлом, настоящем и будущем.[111]

Это определение доказывает правоту С.Андреева, который пишет: «Последовательно сменяющие друг друга ведущие силы общества, достигающих поставленных целей. Определяют тенденцию социального развития. Однако смена политического времени не происходит одновременно у всех стран и народов. Политическая жизнь человечества всегда отличалась единством многообразия. Время, давно исчерпавшее себя в передовых странах, может только утверждаться в отсталых. Но для них именно оно обеспечивает социальный прогресс».[112]

Данное обстоятельство заставляет нас признать однонаправленность и необратимость, как политического, так и электорального времени в политической жизни социально дифференцированного общества. Конечно же, мы можем, как утверждает С.Семенов, обратить вспять или представить в виде разнонаправленного лишь перцептуальное время в мысленной модели, проиграть задним числом возможные варианты совершившегося политического события, перебрать вероятные политические ситуации настоящего и ближайшего будущего. Общепризнанная слабость политического моделирования, особенно в том, что касается общих и специальных моделей политического поведения и вероятностных политических ситуаций, дает еще один аргумент в подкрепление этой мысли.[113]

Соглашаясь с приведенными суждениями, мы должны отметить, что в политической действительности как бы ни протекало политическое и вместе с тем электоральное время, образовываясь в содержание политической действительности, время вместе с тем становится политическим пространством, которое в свою очередь на определенном электоральном промежутке времени, становится электоральным пространством.

Политическое пространство, как утверждает С.Андреев, это протяженность и глубина освоенных пределов политической деятельности. Обнаружение общих свойств политического пространства позволяет видеть единство и неразрывность пространства и политической деятельно-

---

[111] *там же, с.154.*

[112] *Андреев С.С. Политическое время и политическое пространство. // Социально-политический журнал, 1993, №3, с.31.*

[113] *См. Семенов С. Хронополитические аспекты кризисов культуры. // Общественные науки и современность, 1993, №4, с.154.*

сти. Специфика политических пространств, является формой и порядком взаимопроникновения и координации деятельности включенных в эти политические пространства субъектов и объектов политики.[114]

Нужно отметить, на сегодняшний день, термин политическое, как и электоральное пространство избегается научными теоретиками. Но политическое пространство, как и электоральное – это есть самые широкие понятия и содержания, где взаимодействуют субъекты и объекты политики на определенном отрезке времени.

Данное обстоятельство указывает нам на то, что политическое пространство не сводится к пространству географическому. Ведь не освоенное человеком географическое пространство вообще не является пространством социальным, а значит и политическим. Но и вне географического невозможно никакое политичное, ибо оно развертывается обязательно на определенной территории, на которой взаимодействуют классы и социальные группы. Тем самым географическое пространство выступает внешним проявлением политического, его «поверхностью». Именно на ней развертывается внутренняя форма политического бытия.

Политическое пространство объективно очерчивает те границы, в которых социальные возможности превращаются в действительность и люди осуществляют выбор наиболее актуальных из них (чем больше выбор и его возможность, тем демократичнее общество). Обладая своей «поверхностью», политическое пространство обретает протяженность – распространение по территории. Но поскольку эта протяженность есть выражение устойчивого сосуществования элементов политического целого, она не сводится к протяженности по площади, а получает глубинное измерение, благодаря политическому общению на ней, связанному с деятельностью субъекта и объекта политики.[115]

Как мы отметили выше, политические отношения являются основным проявлением и содержанием политического пространства и в силу электоральной динамики, проявлением электорального пространства. Так как данные политические отношения несут в себе проявление взаимодействия всех социальных групп, которые придают глубину, как политическому пространству, так и электоральному пространству в электоральной ритмике политической действительности.

Учитывая, что политическое пространство несет в себе весь круг интересов и общения классов и социальных групп, оно выступает не только формой, но и необходимым условием функционирования поли-

---

[114] *Андреев С.С. Политическое время и политическое пространство. // Социально-политический журнал, 1993, №3, с.34.*
[115] *там же, с.34.*

тических отношений. Отсюда и основная его функция – быть формой устойчивости политических структур и отношений.[116]

Таким образом, электоральное пространство и время есть концепты, которые так или иначе представляют собой основополагающими элементами политического пространства и времени. То есть описание, как субъекта, так и объекта в терминах электорального пространства и времени подразумевает форму и содержание данного объекта в системе координат, в определенном электоральном цикле.

Весьма важная проблема состоит из теоретического описания электорального пространства и времени. На сегодняшний день данные словосочетания используются для интерпретации политических реалий. Но, однако, есть все основания расценивать данные термины в качестве понятийной конструкции, обладающими всеми необходимыми признаками концептуального отображения какого-то фрагмента политической жизни, политических изменений (выборам – в смысле удовлетворения «победителей» «проигравших», сменам правительств т.д.).

Как отмечает А.Соловьев по поводу электорального пространства: «Немаловажно, что использование данного понятия полностью соответствует структуралистской традиции сопряжения в аналитических моделях элементов социальности и физико-географической протяженности действительности. В самом общем виде специфика этого понятия состоит в отображении определенного и качественно специфицированного состояния (фрагмента) политического процесса, характеризующего локализованные в пространстве состязательные взаимоотношения элитарных и неэлитарных групп в период легального формирования органов власти».[117] В этой связи автор дает определение электоральному пространству, которое раскрывает особенности функционально взаимосвязанных интеракций элиты и электората с учетом их топологической протяженности, пространственно-временной локализации и складывающегося в формате реального времени позиционирования.[118]

Е.Мелешкина считает, что для определения понятия «электоральное пространство» полезно рассмотреть соревнование за голоса избирателей как концентрированное выражение *политического рынка* (по природе своей цикличного, дискретного, с ограниченной свободой конку-

---

[116] *Андреев С.С. Политическое время и политическое пространство. // Социально-политический журнал, 1993, №3, с.35.*

[117] *Соловьев А.И. Концепт и коммуникативный метод. // Политические исследования, 2000, №2, с.84.*

[118] *там же, с.84.*

ренции).[119] Именно выборы на сегодняшний день представляют собой *политический рынок* с отработанными правилами игры, но в то же время с различными статусными и функциональными ролями его основных участников. *„Продавцы”* и *„покупатели”* как бы временно меняются своими ролями, что придает разнонаправленность электоральному времени. Электорат – *„продавцы”* располагают на политическом рынке избирательными голосами, а лидеры принимают форму *„покупателей”*, которые являются соискателями этих голосов.

Функционирование данного рынка, помимо прочего, проявляется в том, что в процессе соревнования происходит своеобразная встреча предложения (в виде набора политических диспозиций и идентичностей) и спроса (в виде политических установок и предпочтений). В этой ситуации можно представить, что лидирующие партии, либо кандидаты ориентируются на спрос и претендуют на некие позиции в электоральном пространстве. В ходе предвыборного состязания, как утверждает Е.Мелешкина, и особенно голосования происходит «тестирование» носителями спроса (избирателями) успешности указанных претензий акторов (т.е. идет процесс легитимации политической позиции).[120]

В данной связи является убедительной для нас концепция „полей” Бурдье, который рассматривает поле политики как рынок, в котором существует производство, спрос и предложение продукта особого сорта – политических партий, программ, мнений, позиций. И применяя общую концепцию строения и функционирования социального поля, П.Бурдье последовательно рассматривает специфические принципы распределения в поле политики доминирующих и доминируемых позиций, власти, а также механизмов легитимного насилия и навязывания определенного видения распределения политических сил и – более широко – деления социального пространства.

Таким образом, специфика понятии электорального пространства состоит в определенном фрагменте политического процесса, характеризующего локализованные в электоральном пространстве состязательные взаимоотношения элиты и неэлитарных групп в период легального формирования органов власти. В результате, на базе соответствующей теоретической модели проявляется возможность анализа рассредоточения в электоральном пространстве властных ресурсов, выявления характера измерения и интенсивности взаимоотношений акторов на политическом поле. В то же время анализ электорального пространства демонстрирует

---

[119] *Мелешкина Е.Ю. Факторы структурирования. // Политические исследования, 2000, №2, с.89-90.*
[120] *там же, с.90.*

нам разнонаправленности и столкновения различных интересов и действий, исходящих из стратегий политических акторов в тех или иных точках политического пространства в целом.

Таким образом, данная понятийная конструкция дает возможность отобразить специфическое содержание пространственно-ограниченных во времени электоральных процессов, где качественно и количественно преобразуется содержание ролей политических акторов, где видоизменяются нормы и стандарты поведения различных этнических групп, где обновляется электоральная ритмика функционирования политической власти.[121]

Итак, электоральное пространство в целом можно представить как место встречи спроса и предложения на политическом рынке, а его структуру – как упорядоченную совокупность политических позиций и идентичностей акторов электорального соревнования.[122] Вместе с тем структура электорального пространства позволяет нам выявить специфических закономерностях, проявляющихся на выборах.

Непосредственно электоральное пространство мы связываем как с *электоральными процессами*, которые в свою очередь непосредственно включают такие основополагающие категории электоральной динамики как *метафоры пространства*, которая указывает нам на процесс развертывания электорального пространства; *метафора политического рынка*, которая указывает нам на противопоставления *спроса* и *предложения*; *метафора соревнования*, где появляются непосредственно игроки или политические акторы электоральной динамики; *метафорика политической и вместе с тем электоральной игры*, которая дает возможность интегрально показать электоральные процессы как своего рода драму, театральное представление.[123]

Концептуализация и анализ данных метафор позволяет нам глубже представить целостную картину выборов и непосредственно связанных вместе с ними электоральных процессов в электоральном пространственно-временном континууме.

Где в свою очередь, следует из концепции М.Ильина: «*Электоральные процессы* – эта та политическая действительность, которая связана с выборами и обретает смысл благодаря им (политическая кон-

---

[121] *Булова М. Анализ количественного описания трансформации электорального пространства Молдовы в электоральном цикле 1998-2001. // Republica Moldova la începutul mileniului III: realităţi şi perspective”. – Chişinău, 2001, p.44*

[122] *Мелешкина Е.Ю. Факторы структурирования. // Политические исследования, 2000, №2, с.90.*

[123] *Ильин М.В. Моделирование. // Политические исследования, 2000, №2, с.88.*

куренция, её институты и нормы, избирательные кампании, отражение результатов выборов в политическом процессе)».[124]

Нужно отметить, на наш взгляд, что характер динамики и концептуализации политических выборов и электоральных процессов, зависит не только функционирование, но и понимание электорального пространственно-временного континуума. Конечно, очень важно не обойти стороной тот факт, если мы говорим о пространстве, непосредственно мы затрагиваем пространственное измерение политики.

В научной литературе - это представляется как геополитика, но в силу того, что мы не изучаем территориальное расположение государств, а непосредственно глубинное развитие взаимосвязанных элементов на территории определенного государства. Но когда мы говорим о структуре электорального пространства мы имеем в виду *электоральный ландшафт* как важной составной части пространственной организации общества и об электоральном поведении как одном из главных инструментов изучения этой пространственной организации.

Сам термин «электоральный ландшафт», подобно «политическому», допускает двоякое толкование. Первое – привязанное к определенной территории, как один из видов социально-культурного ландшафта, и когда слово «ландшафт» используется в значении «расклад», «структура». Более строго, как выражается Н.Петров: «*Электоральный ландшафт* можно определить как *целостную, устойчивую во времени и в пространстве систему закономерно взаимосвязанных элементов (типов) электорального поведения*»[125].

Изучение электорального ландшафта позволит нам говорить о важных составляющих элементов электорального поведения (участие в голосования, позиционирование избирателей на электоральном пространстве, доля эффективного участия, количественная и качественная конкурентность электоральный абсентеизм, характер политических симпатий), как одном из главных инструментов изучения пространственной организации. Все эти параметры электорального поведения в комплексе и являются цельностью изучения электорального ландшафта.

Говоря об электоральном времени, конечно же, мы имеем в виду хронополитику как науку о временном измерении политической деятельности и свойствах политического времени как составной части ис-

[124] *там же, с.87.*

[125] *Петров Н., Титков А. Электоральный ландшафт. // Россия в избирательном цикле 1999-2000 годов.– Москва: Московский центр Карнеги, 2000, с.48.*

торического развития.[126] Но так как политическое время дало основание для электорального времени, то мы можем дать определение электоральному времени как единство, соприкосновение и взаимодействие политических акторов и электората в определенных местах и в известные электоральные временные отрезки.

Учет динамики необходим при определении системы координат электорального пространства.[127]

На сегодняшний день, без введения учета динамической переменной, без учета вариантных векторов динамики электорального пространства нельзя сконструировать его работающие модели. Анализ учета на определенном промежутке электорального времени соприкосновения позиций и деятельности, политических акторов с установками и потребностями электората, призвано, на наш взгляд, объяснить и в какой-то мере прогнозировать результат электорального процесса. В этой связи важной характеристикой самого электорального процесса является динамика политического рынка.

Наиболее значимой в данном контексте является изучение ритмической организации временного потока, в частности, циклов разной периодичности, длинных и коротких волн темпорального движения. Разрешение проблемы ритмичной организации политического рынка неизбежно требует рассмотрения на протяжении всего длительного электорального процесса как и почему происходит чередование циклов и стадий развития политической деятельности. В свою очередь многомерность политики позволяет изучение ритмов электорального времени.

И основополагающей особенностью и специфичностью электорального времени является электоральная ритмика, которая и составляет как характеристику, так и структуру движения электорального времени. В данном контексте можно определить термин *электорального ритма* - как специфический тип пространственно-временной структуры электората. Электоральный ритм имеет непосредственное отношение к реальному электоральному времени как длительности, который в свою очередь связан с чередованием электоральных циклов, фаз различной продолжительности существования.

Вместе с тем, становится ясно, что без учета структуры и динамики электорального пространственно-временного континуума невозможен анализ позиций, задаваемый структурой и динамикой политической

---

[126] *Семёнов С. Хронополитические аспекты кризисов культуры. // Общественные науки и современность, 1993, №4, с.146.*

[127] *Новинская М.И. Реплика о структуре. // Политические исследования, 2000, №2, с.92.*

системы в целом. Данный континуум позволяет обнаружить факторы, электоральные константы, структурирующие пространство электоральной конкуренции на протяжении целой серии циклов выборов.

Подобные модели геохронополитических исследований способствуют достижению качественно нового уровня политической практики, в поиске и использовании современных способов и ресурсов в целом, политического развития, в частности, электорального процесса. Данное новое геохронополитическое научное направление является практическим основанием выявления возможных элементных структур электорального пространства, а также способов их использования в данное электоральное время.

ORGANIZAȚIILE INTERNAȚIONALE ŞI PROTECȚIA DREPTURILOR MINORITĂȚILOR NAȚIONALE DIN REPUBLICA MOLDOVA[128]

Alina MOROZAN
Republica Moldova, Chişinău
Universitatea de Stat din Moldova,
Facultatea relații internaționale,
ştiințe politice şi administrative
Catedra Politologie
lector

Concepția statului național, compus dintr-o singură națiune, este departe de realitatea multiformă din punct de vedere etnic, mai ales atunci, cînd avem o multitudine de diferite naționalități şi minorități naționale. În lumea contemporană se numără aproximativ trei mii de popoare – națiuni deja formate şi comunități de oameni unde procesul de formare a națiunii încă continuă. Numărul tuturor grupurilor etnice, atinge cifra de zece mii, pe cînd numărul statelor recunoscute la momentul dat este aproximativ de două sute.

Deci, marea majoritate a popoarelor nu dispun de statalitate şi intră în componența altor state, iar ele fiind numeric mai puține decît națiunea majoritară fac parte din categoria minorităților naționale ale statului dat. În comunitatea statelor naționale, după cum am mai menționat, grupurile minoritare sunt lipsite de propria statalitate, sunt vulnerabile, iar interesele şi drepturile

[128] *Recenzent – doctor în ştiințe politice Cezar Mînăscurtă*

lor de cele mai dese ori sunt lezate, astfel minoritățile naționale sunt nevoite să se opună asimilării şi tind spre crearea şi dezvoltarea propriei națiuni.

Această stare de lucruri a determinat comunitatea internațională, în conformitate cu principiile de dezvoltare democratică de respectare a drepturilor fundamentale ale omului, de a întreprinde careva paşi spre îmbunătățirea situației minorităților naționale. Începînd cu anul 1948, în sfera dreptului internațional a fost elaborat un sistem ramificat de acorduri şi delegații de protejare a drepturilor omului, sub egida ONU, a Uniunii Europene şi a altor organisme internaționale.

A fost abordat în prim plan necesitatea lucrului continuu în domeniile drepturilor omului şi în special în domeniul minorităților naționale. În fața acestor tendințe şi evoluții, şi ținînd seama de caracterul obiectiv al fenomenului minoritar, la începutul noului mileniu, se pun întrebări şi se caută soluții. Statele trebuie să-şi asume responsabilitatea pentru respectarea drepturilor cetățenilor săi, deaceea apare întrtebarea dacă este posibil de a îmbunătăți situația minorităților naționale şi de a le da posibilitatea nu numai de a supraviețui, dar şi de a se dezvolta. Este necesară elaborarea şi promovarea unei politici constructive şi tolerante față de minoritățile naționale, care va constitui un element substanțial în asigurarea democrației. Protecția drepturilor minorităților naționale este parte componentă a protecției internaționale a drepturilor omului.

Constituția Republicii Moldova, în articolul 4, declară, că Dispozițiile constituționale privind drepturile şi libertățile omului se interpretează şi se aplică în concordanță cu Declarația Universală a Drepturilor Omului, cu pactele şi cu celelalte tratate la care Republica Moldova este parte.[129]

Republica Moldova a aderat pînă în prezent la mai multe documente internaționale, care se referă în majoritate la drepturile omului în cadrul ONU, Consiliului Europei, OSCE, etc. Actele normative europene şi internaționale, care se atribuite direct la protecția drepturilor minorităților naționale şi la care Republica Moldova este parte, sunt următoarele:

- Declarația Universală a Drepturilor Omului, adoptată la 10 decembrie 1948.
- Pactul Internațional cu privire la drepturile economice, sociale şi culturale, adoptat la 16 decembrie 1966 la New York. La care Republica Moldova este parte prin hotărîrea Parlamentului nr.217-X-II, din 28 iulie 1990. În vigoare pentru Republica Moldova din 26 aprilie 1993.
- Pactul Internațional cu privire la drepturile civile şi politice, adoptat la 16 decembrie 1966 la New York. La care Republica Moldova este parte prin

[129] *Constitutia Republicii Moldova. – Chisinau: Moldpres, 1994.*

hotărîrea Parlamentului nr.217-X-II din 28 iulie 1990. În vigoare pentru Republica Moldova din 26 aprilie 1993.

- Convenția Internațională privind eliminarea tuturor formelor de discriminare rasială, adoptată la 21 decembrie 1965 la New York. La care Republica Moldova este parte prin hotărîrea Parlamentului nr.707-X-II din 10 septembrie 1991. În vigoare pentru Republica Moldova din 25 februarie 1993.
- Convenția asupra imprescriptibilității crimelor de război şi a crimelor contra umanității, adoptată la 26 niembrie 1968 la New York. La care Republica Moldova este parte prin hotărîrea Parlamentului nr.707-X-II din 10 septembrie 1991. În vigoare pentru Republica Moldova din 26 aprilie 1993.
- Convenția pentru prevenirea şi reprimarea crimei de genocid, adoptată la 9 decembrie 1948 la New York. La care Republica Moldova este parte prin hotărîrea Parlamentului nr.707-X-II din 10 septembrie 1991. În vigoare pentru Republica Moldova din 26 aprilie 1993.
- Convenția europeană pentru protecția drepturilor omului şi libertăților fundamentale, deschisă pentru seminare la 4 noiembrie 1950 la Roma, cu protocoale adiționale nr.1-8. La care Republica Moldova este parte prin hotărîrea Parlamentului nr.1298-XIII din 24 iulie 1997. În vigoare pentru Republica Moldova din 12 septembrie 1997.
- Protocolul nr.II adițional la Convenția europeană pentru protecția drepturilor omului şi libertăților fundamentale, deschisă pentru seminare la 11 martie 1994. La care Republica Moldova este parte prin hotărîrea Parlamentului nr.1298-XII din 24 septembrie 1997. (nu este intrat în vigoare).
- Convenția Cadru pentru protecția minorităților naționale, ratificată de Republica Moldova la 22 octombrie 1996.

În afară de cele nominalizate mai sus putem menționa şi Actul final al Conferinței pentru Securitate şi Cooperare în Europa, Documentele finale ale reuniunilor de la Madrid şi Viena pentru securitate şi cooperare în Europa, Documentul reuniunii de la Copenhaga a Conferinței pentru dimensiunea umană a OSCE, Carta de la Paris pentru o nouă Europă.

Drepturile persoanelor care fac parte din minoritățile naționale încep cu dreptul la existență, egalitatea în drepturi şi nediscriminarea. Dreptul persoanelor la existență este unul din principalele obiective ale ansamblului drepturilor şi libertăților omului, sub forma drepturilor la viață, la libertate şi securitate personală, ca şi a drepturilor economice, sociale şi culturale, a căror exercitare cît mai deplină este în măsură să dea un sens existenței umane.

Problematica protecției grupurilor şi a membrilor acestora împotriva distrugerii fizice şi-a găsit expresia cea mai notabilă în Convenția din 1948 privind prevenirea şi pedepsirea crimei de genocid şi ulterior într-o serie de do-

cumente privind dreptul umanitar.[130] După cum s-a văzut mai sus Republica Moldova a aderat la Convenția pentru prevenirea şi reprimarea crimei de genocid. Acest document nu prevede în mod direct dreptul grupurilor naționale, etnice, rasiale sau religioase la existență; el incriminează actele care vizează distrugerea acestor grupuri. El se bazează pe faptul, că aceste grupuri au dreptul la existență, că actele care încalcă un drept fundamental al omului sunt pedepsite drept crime.

Pentru asigurarea drepturilor omului un element esențial îl prezintă principiul nediscriminării. Declarația Universală a Drepturilor Omului din 1948, la care după cum s-a mai menționat, Republica Moldova este parte, se postulează în art.1 că „Toți oamenii se nasc liberi şi egali în demnitate şi în drepturi", prevede în art.2 că „Orice persoană este îndreptățită la toate drepturile şi libertățile prevăzute în prezenta Declarație, fără nici o deosebire, în special de rasă, culoare, sex, limbă, religie,opinie politică sau altă opinie, origine națională sau socială, avere, naştere sau alt statut".[131]

Pactul Internațional cu privire la drepturile civile şi politice prevede că „Toate persoanele sunt egale în fața legii şi sunt îndreptățite fără nici o discriminare la protecția egală a legii. În această privință legea trebuie să interzică orice discriminare şi să garanteze împotriva discriminării pe orice bază, în special de rasă, culoare, sex, limbă, religie, opinie politică sau altă opinie, origine națională sau socială, avere sau alt statut".[132]

Prevederi similare au fost incluse în Pactul internațional privind drepturile economice, sociale şi culturale, în Convenția europeană pentru protecția drepturilor omului şi libertăților fundamentale, adoptată la Roma în anul 1950. Aceste documente urmăresc eliminarea şi interzicerea discriminării. Nediscriminarea şi egalitatea care rezultă din ea, conțin principiile de bază ale respectării drepturilor omului, acceptate de toate statele democratice.

De normele privind nediscriminarea beneficiază nu numai persoanele care fac parte din minorități. Formularea domeniilor a vieții sociale în care este interzisă discriminarea, se deosebesc de la o legislație la alta, însă dacă am totaliza tot ce se menționează în aceste documente (rasa, culoarea, limba, religia, originea națională şi socială, etc.) vom observa, că ele includ în sine toate problemele minorităților naționale.

Statele contemporane respectă principiul nediscriminării, ceea ce a permis membrilor minorităților să se situieze pe poziții egale cu reprezentanții altor națiuni în cadrul unui stat. Datorită respectării principiului nediscrimină-

---

[130] *Diaconu I. Minoritatile. Statut. Perspective. – Bucuresti: Institutul Roman pentru drepturile omului, 1996, p.63*

[131] *ibidem, p.91*

[132] *ibidem, p.92*

rii pot fi preîntîmpinate orice acțiuni, orientate spre lezarea drepturilor unor grupuri sau persoane şi de a se opune oricăror încercări de acest gen.

În strînsă legătură cu dreptul la existență şi protecția minorităților se pune problema recunoaşterii oficiale de către state, inclusiv de către Republica Moldova, a minorităților ce trăiesc pe teritoriul ei. Este evident că refuzul de a recunoaşte existența uneia sau alteia din minorități poate însemna negarea aplicării ansamblului normelor privind drepturile persoanelor care fac parte din minoritățile respective.

Cea mai bună cale pentru protecția identității minorităților naționale este respectarea *drepturilor specifice* ale lor şi anume: dreptul la cultura proprie; dreptul de a folosi limba maternă; dreptul de a practica şi profesa religia proprie, dreptul la participarea persoanelor care fac parte din minorități la viața publică. Drepturile specifice ale minorităților sunt orientate spre păstrarea demnității, specificului, deosebirilor şi tradițiilor lor, şi pot garanta minorităților direct respectarea drepturilor sau obligă statele să ia măsuri speciale pentru asigurarea realizării acestor drepturi.[133]

Declarația Universală a Drepturilor Omului şi Pactul internațional privind drepturile economice, sociale şi culturale prevăd dreptul fiecărei persoane „de a lua parte la viața culturală”. Pactul adaugă obligația statelor părți „de a lua măsurile necesare pentru păstrarea, dezvoltarea şi difuzarea ştiinței şi culturii”.[134]

Aici, este vorba despre cultura, în sensul larg al noțiunii, respectarea valorilor culturale, istorice, religioase, legate de existența unei persoane şi de modul de viață în comun cu alte persoane, care formează identitatea ei personală. Din documentele internaționale putem desprinde următoarele categorii de drepturi culturale: dreptul la creativitate culturală; dreptul de acces la cultură; dreptul de participare la viața culturală; dreptul de a participa la progresul ştiințific; dreptul la informație; dreptul la educație. Identitatea culturală a minorităților naționale va fi protejată prin respectarea şi promovarea drepturilor culturale ale persoanelor care fac parte din componența grupului minoritar.

Realitățile arată că numeroase populații, din toate statele, rămîn ataşate limbii lor, diferită de cea a majorității sau de alte limbi. Prezicerea unor specialişti, acum cîteva decenii, că se va ajunge la stabilirea unei limbi universale, cea mai bine adaptată unei colaborări armonioase cu ordinatoarele, care s-

[133] *Альфредсон Г. Права меньшинств: равенство и недискриминация. // Ленинградская конференция по правам меньшинств (2-4 июня 1991). – Ленинград, 1991, с.17*

[134] *Diaconu I. Minoritatile. Statut. Perspective. – Bucuresti: Institutul Roman pentru drepturile omului, 1996, p.107*

ar impune ansamblului umanității, s-a dovedit o utopie. Limbile materne continuă să aibă o funcție socială, persoanele şi grupurile se recunosc în ele, regăsesc în ele mijloacele de creație şi de exprimare.[135] Documentele recente la care ne-am referit conțin prevederi detaliate, prevăzînd dreptul minorităților de a studia, de a se instrui şi de a folosi în mod liber limba lor maternă, în particular şi în public.

Într-o formulare mai puțin directă, Convenția-cadru adoptată de Consiliul Europei prevede angajamentul statelor părți de a promova condițiile necesare pentru ca persoanele care fac parte din minorități să păstreze elementele esențiale ale identității lor, între care şi limba lor maternă. În alte articole ale Convenției, statele părți se angajează să încurajeze spiritul de toleranță şi dialogul intercultural şi să ia măsuri pentru a promova respectul, înțelegerea şi cooperarea între toate persoanele de pe teritoriul lor, indiferent de identitatea lingvistică a acestor persoane; de asemenea, ele se angajează să protejeze persoanele care pot face obiectul actelor de discriminare, ostilitate sau violență, ca rezultat al identității lor lingvistice.[136]

Din examinarea documentelor şi a practicii internaționale, rezultă că putem desprinde, în contextul identității lingvistice, o serie de drepturi şi libertăți ale persoanelor care fac parte din minorități şi obligații ale statelor, care în esență privesc:

- păstrarea şi dezvoltarea limbii materne, ca element esențial al identității lor;
- folosirea liberă a limbii minoritare, în particular şi în public, oral şi în scris;
- folosirea numelui şi prenumelui în limba minoritară şi recunoaştertea lor ca atare;
- studierea limbii materne şi primirea unei educații în limba minoritară;
- afişarea denumirilor geografice şi topografice în limba minoritară;
- libertatea de expresie, difuzarea de informație şi accesul la informație în limba maternă;
- folosirea limbii minoritare în relațiile cu autoritățile administrative;
- promovarea cunoaşterii limbii minorităților, alături de cea a majorității, formarea educatorilor şi accesul la manuale;
- contactele cu persoanele situate în alte țări, care au în comun limba, originea etnică ori moştenirea culturală.[137]

---

[135] *ibidem, p.113*

[136] *Diaconu I. Minoritatile. Identitate. Egalitate. – Bucuresti: Institutul Roman pentru drepturile omului, 1998, p.70*

[137] *ibidem, p.84*

Aceste prevederi ale documentelor internaționale, presupun un nivel înalt de obligativitate, avînd intenția de a menține respectarea drepturilor persoanelor care fac parte din grupurile minoritare şi a angajamentelor asumate de state. Deasemenea una din obligațiunile principale ale statelor este nediscriminarea persoanelor pe motivul religiei sau convingerii şi să contribuie la menținerea şi dezvoltarea religiei, inclusiv să permită practicarea şi profesarea ei.

Persoanelor care fac parte din minoritățile naționale ale unui stat le-ar fi greu să-şi mențină identitatea națională, lingvistică, culturală, fără participarea la viața publică. Acest drept decurge din principiile egalității în drepturi şi nediscriminării şi este legat de exercitarea drepturilor la cultura proprie, la folosirea limbii materne.

Activitatea internațională privind crearea cadrului politico-normativ al protecției minorităților etnice, începută încă în deceniile trecute, capătă astăzi un caracter sistematic, se amplifică şi se aprofundează, este orientată spre noi obiective şi noi parametri. Această activitate este parte organică a procesului democratizării societății contemporane, ea se desfăşoară în corespundere cu necesitatea elaborării şi afirmării unui sistem de principii şi valori general umane, adecvate noului context istoric. În condițiile actualei realități este esențial de a favoriza tendințele obiective spre integrarea regională şi globală, însă nu prin ignorarea statelor naționale, etniilor şi minorităților naționale, ci dimpotrivă – prin luarea în cont a valorilor şi intereselor lor specifice care le determină identitatea şi existența de-a lungul timpurilor, contribuind la dezvoltarea generală şi la menținerea diversității culturale a omenirii.[138]

Republica Moldova este predispusă să contribuie la dezvoltarea principiilor democratice, respectarea şi garantarea drepturilor persoanelor ce fac parte din minoritățile. O dovadă elocventă a acestui fapt este semnarea de către Parlamentul Republicii Moldova, la 22 octombrie 1996 a Convenției-cadru pentru protecția minorităților naționale. Scopul principal al Convenției este asigurarea „în statele membre şi celelalte state care pot deveni părți la prezentul instrument, protecția efectivă a minorităților naționale şi a drepturilor persoanelor aparținînd acestora, cu respectarea regulilor statului de drept, a integrității teritoriale şi a suveranității naționale”[139], acest fapt este stipulat în

---

[138] Rosca A. Aplicarea Conventiei-cadru în procesul de ajustare a legislației naționale la normele internaționale. // Convenția-cadru pentru protecția minoritatilor naționale: mecanismul de implementare. Din materialele seminarului international, Chişinău, Comrat, Balți, 9-11 noiembrie 1999. – Chişinău, 2000, p.53

[139] Convenția-cadru pentru protecția minoritatilor naționale. // Convenția-cadru pentru protecția minoritatilor naționale: mecanismul de implementare. Din materialele

conținutul Convenției, spre exemplu Titlul II, art.4 specifică, că „Părțile se angajează să garanteze fiecărei persoane aparținînd unei minorități naționale dreptul la egalitate în fața legii şi la egala protecție a legii. În acestă privință, orice discriminare bazată pe apartenență la minoritate națională este interzisă”.

În titlul Convenției sunt două cuvinte-cheie: convenția, care înseamnă că aceasta conform dreptului internațional este un instrument juridic cu obligațiuni, iar cuvîntul cadru înseamnă că dispozițiile Convenției în sistemul juridic din statele-participante acționează indirect, ele trebuie să fie îndeplinite prin intermediul legislației naționale şi a politicii corespunzătoare a guvernelor.[140] Prevederile de bază ale Convenției-cadru concretizează legislația națională, care la rîndul său, prin Constituție recunoaşte supremația şi prioritatea reglementărilor internaționale.

Republica Moldova a căpătat o experiență proprie în domeniul politicii multiculturale, asigurării drepturilor şi obligațiunilor minorităților naționale, care alcătuiesc 35,5% din populația republicii. Majoritatea articolelor Convenției, la momentul intrării în vigoare a acesteia, erau deja aplicate în practică, minorităților naționale garantîndu-se toate drepturile stipulate în Convenție.

Reeşind din dezideratele Convenției de a încheia multiple acorduri bilaterale şi multilaterale cu alte state, în scopul protecției minorităților naționale Republica Moldova a încheiat numeroase tratate bilaterale cu statele vecine. În acest context Republica Moldova a încheiat cu Ucraina 13 tratate bilaterale. Dintre acestea se evidențiază Tratatul de bună vecinătate, prietenie şi colaborare între Republica Moldova şi Ucraina, ratificat prin Hotărîrea Parlamentului din 3 decembrie 1996. Conform acestui tratat, părțile garantează drepturile persoanelor care aparțin minorităților naționale în deplină corespundere cu normele consfințite în documentele ONU şi CSCE. Părțile asigură, drepturile persoanelor care aparțin minorităților naționale şi care locuiesc pe teritoriul respectivei părți atît individual, cît şi cu alți membri ai grupului său, libera exprimare şi dreptul de a-şi păstra şi dezvolta originalitatea etnică, cul-

---

seminarului international, Chişinău, Comrat, Balți, 9-11 noiembrie 1999. – Chişinău, 2000, p.161

[140] *Coedgikov I. Drepturile omului şi protecția drepturilor minorităților. Prezentarea Convenției-cadru pentru protecția minorităților naționale şi a altor standarde ale Consiliului Europei pe marginea acestor probleme. // Reglementarea folosirii limbilor în societatea polietnică (materialele conferinței internaționale: Chişinău, 14-15 decembrie, 1995). – Chişinău, 1996, p.8*

turală, lingvistică şi religioasă, protejarea împotriva oricărei tentative de asimilare contra voinței lor. [141]

În afară de aceasta, Republica Moldova a încheiat 12 tratate bilaterale cu România, 2 tratate cu Rusia, 25 cu Turcia, 32 cu Belarusi. Dintre acestea, Acordul de Colaborare între Guvernul Republicii Moldova şi Guvernul Republicii Belarusi, ratificat prin Hotărîrea Parlamentului din 28 ianuarie 1998, a vizat anume domeniul asigurării drepturilor persoanelor aparținînd minorităților naționale.[142]

După proclamarea suveranității şi independenței statale, Parlamentul Republicii Moldova a creat premisele funcționării statului de drept pe întreg teritoriul național, susținînd prin Constituție şi un şir de legi, drepturile şi libertățile fundamentale ale cetățenilor. Alinierea legislației naționale la standardele europene şi internaționale în materie, asigurînduțse minorităților etnice, lingvistice şi religioase dreptul de a exprima, păstra şi dezvolta în deplină libertate identitatea lor etnică, culturală, lingvistică şi religioasă, de a menține şi dezvolta cultura lor sub toate formele, la adăpost de orice tentativă de asimilare contra voinței lor, constituie o trăsătură definitorie a tuturor actelor juridice referitoare la minoritățile naționale din Republica Moldova.

Prin Declarația de Independență a Republicii Moldova, din 27 august 1991, forul suprem „garantează exercitarea drepturilor sociale, economice, culturale şi a libertăților politice ale tuturor cetățenilor Republicii Moldova, inclusiv ale persoanelor aparținînd grupurilor naționale, etnice, lingvistice şi religioase, în conformitate cu prevederile Actului Final de la Helsinki şi ale documentelor adoptate ulterior, ale Cartei de la Paris pentru o nouă Europă”.[143]

Declarația Parlamentului din 26 mai 1992 menționează că „alinierea legislației interne la standardele internaționale în materia drepturilor omului este singura cale aptă să consolideze democrația şi să asigure persoanelor care aparțin minorităților etnice, lingvistice şi religioase drepturile legitime de a-şi apăra şi dezvolta identitatea”.[144]

În pofida multiplelor dificultăți economice, social-politice şi culturale inerente procesului tranziției de la societatea comunist-totalitară spre valorile civilizației europene, problemele minorităților naționale din Republica Moldova au constituit obiectul unei preocupări constante a organelor puterii de

---

[141] *Țimbaliuc V. Minoritățile naționale într-un stat de drept. // Revista națională de drept, 2002, nr.2, p.8*

[142] *ibidem, p.8*

[143] *Patraş E. Minoritățile naționale din Ucraina şi Republica Moldova. Statutul juridic. – Cernauti: Editura Alexandru cel Bun, 1998, p.150*

[144] *Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1992, nr.7, p.21*

stat. În cei aproape 12 ani care s-au scurs după proclamarea independenței Republicii Moldova s-a creat o bază juridică corespunzătoare pentru protecția minorităților naționale din țară şi pentru accelerarea proceselor integraționiste.

LEGITIMITATEA, AUTORITATEA ŞI CHARISMA – ELEMENTE INERENTE ALE IMAGINII LIDERULUI POLITIC (CAZUL REPUBLICII MOLDOVA)[145]

Aurelia PERU
Republica Moldova, Chişinău
Universitatea de Stat din Moldova
Facultatea Jurnalism şi Ştiințe ale Comunicării
Catedra de Comunicare
Lector

Analizând complexitatea conceptului de lider politic, vom constata, că un detaliu principial al acestuia îl constituie legitimitatea şi autoritatea ca factori de valorificare a puterii liderului politic, dar şi ca elemente inerente ale imaginii politice a acestuia. Conform dicționarului de sociologie, legitimitatea este nimic altceva decât caracterul de conformitate a puterii cu ceea ce se crede preferabil sau corespunzător unor norme juridice, morale sau unor tradiții consacrate. Legitimitatea nu implică neapărat o judecată morală. Este posibil ca ceea ce este considerat legitim la un moment dat într-o societate să fie împotriva unor norme morale universale. Legitimitatea este o stare la care se ajunge printr-un proces de legitimare care intervine atunci când creatorii unei anumite reguli instituționale au cedat locul la urmaşi care nu mai au în minte rațiunile care i-au ghidat pe creatori. Legitimitatea are un loc esențial în asigurarea ordinii şi coeziunii sociale[146].

Istoricul Guglielmo Ferrero tratează legitimitatea liderului politic ca fiind *"un geniu invizibil al cetății"*[147]. Această abordare implică dreptul unora de a se face ascultați, precum şi capacitatea celorlalți de a se supune efectiv. Grație acestui model de legitimitate, consideră autorul, este asigurată coerența şi continuitatea unei societăți politice. Altfel spus, legitimitatea nu este alt-

---

[145] *Recenzent – doctor în ştiințe politice Ruslan Tanasă.*
[146] *Cătălin Z., Vlăsescu L. Dicționar de sociologie. – Bucureşti: Editura Babel, 1998, p.325*
[147] *Ferrero G. Pouvoir. Les genies invisibles de la Cite. - Paris, 1953, p.112*

ceva decât recunoaşterea spontană a ordinii stabilite, acceptarea firească nu atât a deciziilor celor care guvernează, cât a principiilor în virtutea cărora ei guvernează, grație unui consens. Iar consensul, remarcă M.Duverger, nu este nimic altceva decât „acordul care există în masa de cetățeni cu privire la structurile, instituțiile şi autoritatea socială."[148]. După acelaşi Ferrero, „un guvern este legitim atunci când puterea este atribuită şi exercitată după principii şi reguli acceptate fără discuție de către cei care trebuie să asculte."[149]

Celebra definiție dată legitimității de M.Weber cu constatările empirice despre credințele oamenilor, specifice sociologiei politice, a descoperit noi surse în elucidarea problematicii legitimității liderului politic. Legitimitatea, însă, nu se alimentează dintr-o singură sursă. Adevăr pe care l-a argumentat în studiile sale şi M.Weber, referindu-se la cele trei tipuri de legitimitate, care s-ar găsi la baza a trei forme de regim politic**:** *legal-rațională*, bazată pe convingerea că procedurile prin care sunt fixate regulile sunt legate de credința în dreptul celor care au autoritatea să modifice procedurile sau să urmeze o procedură clar stabilită şi care corespunde regimurilor democratice moderne (astfel, o lege este legitimă dacă a fost votată în condiții corecte de către reprezentanții corect aleşi); *istorică sau tradițională* – bazată pe credința că ceea ce este stabilit prin tradiție, din vremuri imemoriale, este sacru în sine şi suficient pentru a se justifica şi care corespunde formelor monarhice de guvernământ; *charismatică sau personală* – întemeiată pe credința în calitățile excepționale ale unui individ şi care corespunde regimurilor autoritare, dictatoriale sau totalitare[150].

Astfel, apare tendința de definire a liderului politic charismatic prin prezența unor calități excepționale, cum ar fi:

- prestigiul personal;
- intuiția;
- inspirația – conştientizarea extrem de rapidă a unei decizii necesare;

Arătând că legitimitatea presupune "credință cuiva în ceva", Weber face o distincție între legitimitate, adică "credința într-o calitate justificatoare" şi autoritate, adică puterea îndreptățită de a domina. În această ordine de idei, sociologul german prezintă sintetic cele trei fundamente de legitimitate a autorității:

1. autoritatea bazată pe obiceiuri ancestrale (moştenit, strămoşesc);

---

[148] *Duverger M. Institutions politiques et droit constitutionnel. – Paris: PUF, 1962, p.15*

[149] *Ferrero G. Pouvoir. Les genies invisibles de la Cite. - Paris, 1953, p.112*

[150] *Вебер М. Политика как призвание и профессия. Избранные произведения. – Москва, 1990, с.39*

2. autoritatea fondată pe legalitate, pe reguli stabilite raţional, iar cel ce exercită această autoritate este un "servitor de stat". De regulă, autoritatea legal-raţională este încarnată de birocraţie[151];
3. autoritatea fondată pe un har personal şi extraordinar al unui individ; ea se caracterizează prin devotament şi încrederea membrilor unei colectivităţi faţă de cauza susţinută de un singur om, care se distinge prin calităţi excepţionale, prin eroism şi alte semne care-l remarcă în calitate de şef.

Racordarea abordărilor makiavellice la realitatea politică moldovenească ne permite să-l tratăm pe primul preşedinte al Republicii Moldova, Mircea Snegur, ca fiind „şeful care s-a distins prin calităţi excepţionale, „har personal" şi încredere din partea poporului său. Evenimentele istorice din 27-31 august 1989 şi 27 august 1991 sunt argumentul cel mai elocvent de afirmare şi valorificare a autorităţii unui lider politic în contextul unei legitimităţi „fragile".

În dimineaţa zilei de 27 august 1989 patru coloane de ţărani au intrat în Chişinău pentru a susţine iniţiativa unui grup de deputaţi din Sovietul Suprem al Republicii Sovietice Socialiste Moldoveneşti, în frunte cu Mircea Snegur, de revenire la grafia latină şi de acordare a statutului de limbă de stat limbii moldoveneşti. Autoritatea pe care şi-a obţinut-o Mircea Snegur în faţa poporului moldovean după aprobarea deciziilor istorice în cadrul sesiunii a XIII-a a Sovietului Suprem al RSSM (27, 30 august), l-a convertit într-un lider charismatic, consecvent în acţiuni şi cu voinţă politică, conturându-i deja imaginea liderului democratic, a post-comunistului reformator. Imaginea politică pe care şi-a creat-o Snegur în primii ani de democratizare a societăţii i-a fortificat poziţia liderului de la Chişinău în timpul evenimentelor din august 1991 – putciul de la Moscova, când PCUS, păstrându-şi destulă influenţă în structurile de stat, deşi îşi pierduse rolul de conducător în societate şi în stat, a recurs la acţiuni anticonstituţionale pentru acapararea puterii.

Chemaţi de Mircea Snegur, în noaptea de 19-20 august, la Chişinău, au sosit ţărani din diferite localităţi ale republicii, pentru a apăra suveranitatea Moldovei. Ei au stat în faţa coloanelor de tancuri care trebuiau să intre în Chişinău prin Coloniţa şi pe la răscrucea Orheiului, au încercuit cu ziduri de netrecut Televiziunea Naţională şi organele de stat ale republicii. În astfel de circumstanţe istorice pe câmpul politicii moldoveneşti ia naştere şi se confirmă efectiv autoritatea charismatică a unui lider politic, care îşi va menţine pentru încă câţiva ani poziţia de favorit al electoratului autohton. După alegerile

[151] *Вебер М. Политика как призвание и профессия. Избранные произведения. – Москва, 1990, с.79.*

prezidențiale din 1991, la care a luat parte un singur candidat – formațiunile politice se aflau abia în curs de apariție - Snegur devine primul preşedinte al RSSM[152].

La 15 ianuarie 1992 primul preşedinte va jura credință în fața electoratului moldovean. Perioada dintre 1989-1992 fiind marcată de legitimarea puterii politice bazată pe charisma alimentată de promovarea valorilor naționale şi implicit o sensibilizare a caracterului etnic - limbă, grafie latină, tricolor, stemă, imn, suveranitate. În consecință, imaginea utilizată de M.Snegur în timpul prezidențialelor de la 1991 şi 1996 va fi construită vădit prin exploatarea simbolisticii Pieței Marii Adunări Naționale, prin opoziția crâncenă în fața comunismului, a revenirii la sistemul totalitar.

Abordarea dinamicii fenomenului legitimității liderului politic după J.L.Chabot, descoperă noi modele de legitimitate[153], caracteristice societății politice contemporane şi anume:

- democratică;
- tehnocratică;
- ideologică.

Temelia legitimității democratice a fost pusă de revoluția burgheză din Anglia sec. XVII şi de revoluția franceză (1789). Ea mizează pe drepturile şi libertățile dobândite în contextul unei mişcări sociale. Principiul de bază al legitimității democratice îl reprezintă principiul majorității. Legitimitatea liderului democratic are, însă, un caracter relativ, întrucât există suficiente exemple când deciziile bazate pe principiul majorității au generat, în anumite circumstanțe istorice, cele mai teribile dictaturi, totalitarisme şi autoritarisme politice. Bunăoară, Hitler a venit la putere în Germania (1933) pe baza votului popular; loviturile de stat din America Latină au fost date în numele voinței poporului. La fel, alegerile prezidențiale din Irac până la căderea regimului Hussein, purtând un caracter pseudo-democratic, legalizau menținerea la putere a unui tiran dictator.

În câmpul politic moldovenesc principiile legitimității democratice câştigă teren de confirmare începând cu anii 1990, când Sovietul Suprem al Moldovei (mai 1990) introduce schimbări în Constituția RSSM, lichidând, astfel, rolul conducător al PCUS (PCM) în RSSM[154]. Astfel, sunt puse bazele unui sistem politic democratic şi ale consolidării pluripartidismului în Moldova. În

---

[152] *Moşneaga V. Partidele politice şi parlamentul Moldovei: aspecte juridice ale interacțiunii. // Aspecte ale practicii parlamentare, relațiile dintre parlament şi guvern (Republica Moldova). - Chişinău, 1997.*

[153] *Chabot G. Introduction en politique. – Paris: PUF, 1991, p.57-71*

[154] *Legi, hotărâri şi alte acte, adoptate la sesiunea întâi a Sovietului Suprem al RSSM de legislatura a doisprezecea. – Chişinău: Sovietul Suprem, 1990, p.15.*

17 septembrie 1991, după eliminarea din legalitate a partidului comunist şi adoptarea Declaraţiei de Independenţă, este promulgată Legea „Despre partidele politice şi alte organizaţii social-politice”.

Fenomenul democratizării societăţii politice moldoveneşti s-a remarcat prin apariţia unei noi clase politice, fără de vreun efort meticulos. Specific realităţii politice la acea etapă istorică este partajarea câmpului politic de factură democratică între:

- naţionalişti;
- neo-comunişti supravieţuitori;
- elitişti.

Aceste trei grupe cu alură democratică şi reformatoare s-au constituit ca un clivaj pe axa ruptură – continuitate, reformă – anti-reformă, valorificând noua arhitectură a pieţei politice moldoveneşti. Evoluţia acestor partide drept o consecinţă a confruntării anterioare cu partidul-stat (comunist), poate fi identificată ca o logică autonomă a efortului de democratizare şi distanţare de sistemul totalitar, monopartidic.

În acest context, discursul politic al naţionaliştilor, promovat de FPM (FPCD) se baza pe revigorarea valorilor naţionale, renaşterea naţională, pe înfăptuirea idealului unităţii naţionale, ideea Marii Uniri a Moldovei şi României cu genericul binecunoscut în Europa „Chestiunea Basarabiei”, mitul „românizării” culturii naţionale, a „românilor basarabeni”, a spiritului românesc, consolidarea spaţiului spiritual şi economic etc. Mesajul naţionalist reclamă, de asemenea, cu insistenţă condamnarea pactului Molotov-Ribbentrop şi a consecinţelor lui pentru Basarabia, renunţarea Moldovei la Acordul de constituire a CSI.

În rezumat, însă, mesajul naţionaliştilor nu conţinea acţiuni politice concrete sau obiective bine definite. Lozincile unioniste sau de abandonare a spaţiului CSI purtând astfel mai mult un caracter populist decât unul realist. Tabăra politică a neo-comuniştilor reformatori în primii ani de democratizare se constituie, în principal, după alegerile parlamentare din februarie 1994 şi anularea deciziei Prezidiului parlamentului despre interzicerea Partidului Comunist din Moldova (octombrie 1993).

Astfel, principalii supravieţuitori ai sistemului monopartidic în timpul confruntărilor în alegerilie parlamentare pe baza multipartidismului se dovedesc a fi reprezentanţii Partidului Democrat Agrar din Moldova, care acumulează 43,18% din sufragii sau 56 de mandate în forul legislativ al Moldovei. Principala legitimitate revendicată de agrarieni sau neo-comuniştii supravieţuitori (reformatori) era aceea de a reprezenta interesele majorităţii populaţiei băştinaşe, adică a agrarienilor, după cum agrară e şi Republica Moldova. Fondator şi primul preşedinte al PDAM a fost Dumitru Moţpan, conducătorul

clubului de deputați „Viața satului” din Parlamentul de la 1990, din a cărui componență făceau parte 117 deputați, vicepreşedinte (februarie 1994), apoi Preşedinte al Parlamentului Republicii Moldova[155].

Deşi imaginea partidului agrarian a fost consolidată din start grație adeziunii politice a Preşedintelui Republicii, M.Snegur, până la constituirea Partidului Renaşterii şi Concilierii din Moldova, al cărui preşedinte a fost ales în august 1995. Strategia de legitimitate a PDAM era următoarea: în plan socio-economic – nici un ajutor din afară nu va scoate țara din impas, atât timp cât este stopată producția, declanşarea reformelor în domeniul privatizării în sfera socială şi industrie, în agricultură este promovată o politică de centru, care permitea existența alături de formele tradiționale de gospodărire (colhoz, sovhoz), a cooperativelor, întovărăşirilor bazate pe proprietate privată. Astfel, perioade de legitimitate a neo-comuniştilor reformatori decurge sub semnul tranziției cu respectivele controverse şi dificultăți. În plan politic – prosperarea Republicii Moldova ca țară independentă şi suverană.

Spre deosebire de opțiunea unor formațiuni politice de reînviere a Uniunii Sovietice, a altora – de schimbare a denumirii republicii în Republica Română Moldova şi unirea ei cu România (Congresul II al Frontului Popular (1990), neo-comuniştii – reformatori pun miză pe mitul politic al autohtonismului: Moldova, moldoveni, limbă moldovenească, Moldova lui Ştefan cel Mare. O materializare a respectivei strategii este şi desfăşurarea în 1994 a sondajului republican „La sfat cu poporul”. Din tabăra neo-comuniştilor supraviețuitori face parte, indubitabil, şi Petru Lucinschi, Preşedinte al Parlamentului Moldovei (1994-1996), Preşedinte al Republicii Moldova (1997-2001).

Lucinschi poate fi considerat, pe bună dreptate, „cardinalul” centrismului politic în Moldova. Legitimitatea discursului său politic a fost inspirată şi adaptată la schimbările produse odată cu declanşarea reformelor în țară, atrăgându-şi anumite avantaje în opoziție cu elitele politice ce susțineau poziții mai radicale – extremele politice de stânga şi dreapta (comuniştii şi frontiştii). Astfel, discursul lucinschiştilor se bazează pe un amestec de promisiuni privind îmbunătățirea nivelului de trai, de asigurare a tranziției, a continuității politice, a compromisului şi loialității în numele democrației. Aşteptările electoratului erai încurajate de lozinca politică:” Pentru o Moldovă Democratică şi Prosperă”.

Legitimitatea elitiştilor presupune revendicările intelectualității de creație, consecvente în opțiuni şi acțiuni politice. În acest sens animatorul elitiştilor rămâne a fi până în prezent Uniunea Scriitorilor din Moldova în frunte cu academicianul M.Cimpoi. Printre elitişti fac parte, de asemenea, Ion Hadârcă,

---

[155] *Portrete în mişcare. - Chişinău, 1996, p.17-18*

scriitor, unul dintre conducătorii Frontului în primii ani de mişcare națională, V.Vasilache, scriitor, I.Borşevici, academician.

Fenomenul democratizări societății politice în Moldova încurajează şi al treilea model de legitimitate a liderului politic, sensibilizat de J.L.Chabot – *legitimitatea tehnocratică.* Legitimitatea tehnocratică este proprie celor care fac din politică o meserie şi o artă de a lua decizii în baza competențelor proprii. În cazul unui astfel de model de legitimitate veritabila puterea aparține specialiştilor din sfera economico-tehnologică, celor care se impun, în primul rând, prin competență.

Omniprezența tehnocrației poate fi remarcată prin capacitatea de influență a puterii economice asupra multiplelor arene in cadrul cărora se desfăşoară dinamica socio–politică: guvernativă, parlamentară, partidică, electorală, cea a comunicării de masă. D.Fisichella, referindu-se la subiectul „dilemei democratice”, remarcă oportunitatea escaladării liderismului tehnocratic în condițiile crizelor de ideologii, acesta bazându-se pe atitudinea de „refuz în fața politicității”[156].

Astfel, pentru administrarea unei comunități ar fi suficiente competența şi logica demonstrativă, fără a se recurge la nici un fel de politică. Făcând din tehnocrat un fel de semizeu ascuns al modernității, putem vorbi despre o nouă formă de legitimitate a elitelor conducătoare ca elite „savante”, - afirmă W.Pareto[157]. După Pareto, acțiunile guvernamentale ale liderului politic combină, deopotrivă, economicul cu socialul şi politicul. În circumstanțele în care nici unul dintre acestea nu poate satisface integral necesitățile societății, are loc alternanța elitelor la guvernare. În cele din urmă, putem argumenta oportunitatea diferitor tipuri de legitimitate ca bază fundamentală pentru consolidarea puterii liderului politic.

Ca produs al perfecționării câmpului politic autohton, tehnocrații „bulversează” spectrul politicii moldoveneşti începând cu lansarea competiției politice în Electorala 1998. Primii tehnocrați promovați pe listele electorale ale „Rândunicii” lucinschiniste sunt Ion Sturza şi Anatol Arapu. Pentru prima dată în discursul Preşedintelui Lucinschi se conține sintagma „politicieni tineri, tehnocrați, reformatori”. În 1999 prim-ministru devine tehnocratul Ion Sturza, ceea ce simboliza (în raport cu situația anterioară) amplificarea ritmului reformelor economice şi administrative în Moldova, precum şi reformularea imaginii tehnocratului ca fiind unul dintre cei mai buni giranți ai unei politici eficace.

---

[156] *Fisichella D. Ştiința politică. - Chişinău: USM, 2000, p.147.*

[157] *Pareto W. Traité de sociologie generale. – Geneva - Paris: Droz, 1968*

„Apogeul” legitimității tehnocratice în Moldova, însă, se produce în Electorala 2001, când ex-prim-ministrul Ion Sturza devine candidatul numărul unu pe lista electorală a Partidului Democrat din Moldova, chiar dacă funcția de preşedinte al partidului îi revine în continuare ex-preşedintelui legislativului moldovenesc D.Diacov. Sloganul electoral al partidului va răsuna astfel: „O guvernare responsabilă pentru o viață mai bună. Alege echipa Sturza!” Partidul Democrat stipulează 7 priorități de legitimitate a unei guvernări bazate pe principii tehnocrate:

1. relansarea economică;
2. protecția socială;
3. agricultură eficientă;
4. întărirea autorității statului;
5. combaterea corupției şi criminalității;
6. sănătatea, educația, cultura şi ecologia;
7. integrarea în comunitatea internațională

Vom constata, că de regulă, legitimitatea tehnocrată se bazează pe lansarea unor promisiuni / acțiuni reparatorii, a căror miză este să pună realitatea critică pe seama politicienilor, de care tehnocratul se detaşează prin competența sa, chiar dacă niciodată nu a participat direct la actul guvernării. În această ordine de idei, am putea sublinia importanța materializării unei relații de cauzalitate, ce evocă, de fapt, un bilanț nesatisfăcător, dar care poate fi redresat: situații de criză din vina liderilor politici aflați la guvernare. Deosebit de relevantă în acest context devine simptomatica remarcă a fostului prim-ministru român democratului Petre Roman: „Suntem în criză nu din cauza neputinței noastre, ci din cauza neputinței lor.”[158] În acelaşi clişeu strategic se încadrează şi campania electorală a candidatului independent în alegerile locale din mai 2003, tehnocratul, Viorel Țopa, care a decurs sub genericul „Primar modern – oraş modern”.

„Aceiaşi oameni – aceleaşi probleme” – stipulează una din lozincile candidatului independent Viorel Țopa. Drept motto al programului său electoral servind celebra frază a lui Albert Einştein: „Problemele nu pot fi rezolvate cu oamenii, care au participat la crearea lor.” 12 ani nomenclaturişti de partid încearcă să rezolve probleme economice, pe când aceste probleme necesită economişti, finanțişti, manageri, tehnocrați, - încearcă să-şi convingă potențialii săi votanți V.Țopa[159]. În cazul evocat iminența legitimității unui lider tehnocrat rezultă din strategia de lansare în concurența electorală, care in-

---

[158] *Turneul candidaților. // Antena I, 1996, 25 septembrie.*
[159] *HYPERLINK "http://www.topa.md"*

tegrează, între altele, şi 12 motive grație cărora Primarul Chişinăului trebuie să fie V.Ţopa:

1. primar economist (nu un nomenclaturist);
2. primar unificator (numai o persoană tânără şi nonconformistă ar putea unifica forțele sănătoase ale societății);
3. primar necomunist (comuniştii – oameni compromişi şi rotați la putere);
4. primar onest;
5. primar tânăr (născut în 1966);
6. primar principial (primar nou, care nu va mai căuta să se „înțeleagă”);
7. primar patriot;
8. primar modern;
9. primar european;
10. primar aşteptat (până acum am fost nevoiți să alegem între rău şi foarte rău – este timpul să alegem varianta bună);
11. primar necorupt (persoană nouă, neimplicată);
12. primar nou.

Prin urmare, tabloul legitimității politice în Moldova post-comunistă, exprimându-ne în termeni geometrici, capătă un aspect pentagonal:

1. egitimitatea *neo-comuniştilor supraviețuitori*;
2. legitimitatea *naționaliştilor;*
3. legitimitatea *elitiştilor;*
4. legitimitatea *tehnocraților;*
5. legitimitatea *comuniştilor reformatori*.

În cadrul unui sistem politic, de regulă, în perioadele de criză (economică, politică, religioasă sau morală), de dezechilibru sau de tranziție un factor decisiv de exprimare a legitimității puterii / liderului politic îl constituie charisma personală – *legitimitatea charismatică.* Din aceste considerente credibilitatea şi prestigiul liderului charismatic se datorează poate mai puțin talentului său personal, calităților sale obiective, ea fiind, mai curând, rodul adeziunii maselor, iar charisma -o calitate atribuită de ele.

În dicționarul practic de ştiințe sociale găsim, că viziunea originară a conceptului este oferită de religie[160]. Charisma fiind apreciată ca un dar supranatural, temporar acordat unui credincios sau unui grup în vederea edificării sau utilității religioase a comunității. Persoane înzestrate cu har divin erau

[160] *Birou A. Vocabulaire pratique des sciences sociales. – Paris: Editions Economie et Hummanism, 1966, p.48-49*

considerate inițial apostolii şi prorocii. Anume acest har asigură şi aşa-numitul succes charismatic.

În această ordine de ideii psihologii M.Relea şi T.Hariton menționează că, succesul charismatic a aparținut la începuturile sale magicienilor, apoi preoților şi, în sfârşit, conducătorilor politici. Fiind inițial de natură magico-religioasă, pentru ca ulterior să împânzească toate domeniile de activitate – inclusiv cel politic şi militar[161].

Charisma exprimă la origine ideea de "grație", de "har", este un "dar" cu aspect providențial, de care beneficiază doar personalitățile politice excepționale.[162] Comportamentul liderului charismatic este mai degrabă unul mesianic decât mobilizator. El este urmat cu entuziasm şi încredere de către popor. Grație susținerii populare de care se bucură, acesta poate elabora deseori unele decizii nepopulare, dar care corespund unor necesități obiective ale momentului. În această ordine de idei am putea afirma, că liderul charismatic reuşeşte să transforme o idee politică într-un ideal absolut al comunității.

Charisma fiind, astfel, percepută ca o sinteză moral-volitivă şi intelectuală a personalității sale, care îi conferă o asemenea forță de atracție, încât masele / electoratul îl urmează fără şovăire. Pentru a-şi realiza dezideratele politice de charisma personală au beneficiat aşa personalități istorice ca Cezar, Napoleon, Bismark, Ch. de Gaulle, W.Chirchille, J.F.Kennnedy, M.Gorbaciov etc.

Studiind fenomenul charismei sub aspect social, sociologul francez S.Moscovici, prezintă în eseul său ştiințific, întitulat "Psihologii sociale sau maşina de fabricat zei"[163], o relevantă explicație a charismei, stăruind asupra circumstanțelor, care stimulează apariția liderului charismatic. Autorul remarcă că există două condiții principiale pentru afirmarea unei conduite charismatice:

1. contextul social (situațional), adică situațiile de criză;
2. recunoaşterea autorității conducătorului de către adepți /admiratori, adică contextul interacțiunii „lider-adept".

---

[161] *Relea M., Hariton T. Sociologia succesului. - Bucureşti, 1962, p.203-204.*

[162] *Charisma este, de asemenea, un atribut al papei Ioan-Paul al II-lea. Ziarul "Le Figaro" comenta vizita papei în Polonia: "Marea forță a lui Ioan Paul al II-lea rezidă într-adevăr în egală măsură în claritatea discursurilor şi în charisma sa", iar săptămânalul englez "The Economist", accentuează: "Such magnetism is power" (Un asemenea magnetism este o putere) Vezi: Moscovici S. Psihologia socială sau maşina de fabricat zei. – Iaşi: Polirom, 1997, p.100.*

[163] *Moscovici S. Psihologia socială sau maşina de fabricat zei. – Iaşi: Polirom, 1997, p.95*

Problema liderului charismatic este amplu tratată îndeosebi de M.Weber, care remarca, la rândul sau, că legitimitatea / autoritatea charismatică “este specific străină de economie, ea apare acolo, unde apare “o vocație”[164]. Prin urmare, puterea de influență a liderului charismatic asupra maselor nu depinde nici de bogăție, nici din excesul puterii fizice.[165]

Ideea liderismului charismatic este dezvoltată în pagini dense şi de către Hegel, care explică în felul următor geneza liderului charismatic: „Circumstanțele în care ia naştere o asemenea personalitate sunt excepționale. De regulă, acestea sunt crizele sociale sau politice, când masele caută fără să conştientizeze acest lucru personalitatea capabilă să forțeze mersul lucrurilor, să reunească idealul cu realul, imposibilul cu posibilul, finalmente, să răstoarne ordinea existentă, instaurând alta - mai perfectă.[166]

Un aspect original şi determinant poate în tratarea fenomenului liderului charismatic îl constituie corelația dintre calitățile excepționale ale unui lider politic şi trecutului istorico-politic al respectivei comunități. Este ceea ce Weber numea “seducția nostalgiei”. Astfel, în lucrarea sa “Economie et Societe”, autorul tratează charisma ca fiind „marea putere revoluționară a epocilor legate de tradiție”[167]. Întrucât trecutul, mai mult sau mai puțin fantastic, acționează asupra viitorului cu o putere comparabilă cu cea a prezentului însuşi.

În aceeaşi ordine de idei, Freud, stăruia asupra faptului că impresiile trecutului se păstrează în viața mintală a maselor sub forma unor amprente amnezice, care în anumite circumstanțe pot fi restabilite şi reînviate. Ființele şi situațiile din trecut iau în cadrul psihicului nostru forma de „imago”, de re-

---

[164] *Вебер М. Политика как призвание и профессия. Избранные произведения. – Москва, 1990, с.251*

[165] *Despre asemenea lideri mulțimea afirmă: “L-am văzut”, “L-am atins”, “Mi-a vorbit”. De exemplu, aşa povesteau veteranii Imperiului despre Napoleon Bonaparte: “Am fost la Piramide sau la Austerlit cu El”. Liderul charismatic manipulează acțiunile şi deciziile mulțimii. Aceştia, pur şi simplu, îi încredințează soarta, viitorul.*

[166] *Hegel scria despre liderii charismatici: “Putem să-i numim pe toți eroi datorită faptului că scopurile şi vocațiile lor au provenit nu din cursul obişnuit al lucrurilor, sancționate de către ordinea existentă, ci dintr-o altă sursă, din acel spirit intensiv, fără să apară vreo dată la suprafață, care loveşte lumea exterioară şi o face să se spargă în bucăți, precum puiul care iese din coajă”. (Moscovici S, Psiholigia socială sau maşina de fabricat zei. – Iaşi: Polirom, 1997, p.103-104). Acelaşi punct de vedere este împărtăşit şi de Le Bon: “Tipul eroului iubit de mulțime va avea întotdeauna structura unui Cezar. Panaşul le seduce, autoritatea le impune şi sabia le sperie. (LeBon G. La psihologie des foules. - Paris, 1968, p.28).*

[167] *Вебер М. Политика как призвание и профессия. Избранные произведения. – Москва, 1990, с.252.*

prezentări figurate. Iar imagoul, afirmau Laplanche şi Pontalis, poate la fel de bine să se obiectiveze în sentimente şi conduite ca şi în imagini."[168]

Astfel, graţie contrastului dintre prezent şi trecut, memoria ne face să opunem liderilor contemporani imagoul echivalenţelor din trecut. În acest sens memoria parcă ar fi înzestrată cu nişte filtre care imortalizează doar aspectele pozitive, chiar dacă este vorba de cei mai sângeroşi tirani ai istoriei sau dacă sunt evocate perioade lamentabile din viaţa unui lider politic. Bunăoară, în memoria popoarelor caucaziene, Stalin rămâne a fi conducătorul ideal, ferm, disciplinat şi cu „braţul de fier."

În Moldova, imagoul „bodiulist" inspiră legitimitatea guvernării comuniste. Cu ocazia octagenarului (decembrie, 2002) preşedintele Republicii Moldova V.Voronin, semnează decretul privind decorarea cu înalta distincţie de stat Ordinul Republicii a fostului prim-secretar al CC al PCM Ivan Bodiul (mai 1961 – decembrie 1980). În pofida faptului că epoca lui Bodiul a fost plină de contraste. Comuniştii şi simpatizanţii acestora l-ai imortalizat în memorie ca fiind un politician şi un conducător iscusit. În „epoca bodiulismului" a fost construit noul aeroport din Chişinău, Palatul „Octombrie" (Naţional), Teatrul de operă şi balet, Sala prieteniei (Palatul Republicii), podul ce leagă Botanica cu centrul oraşului, Sala cu orgă etc.

Pe de altă parte, fostul demnitar este cunoscut ca un violator al culturii şi limbii naţionale. A luptat cu unii reprezentanţi ai ei. Au avut de pătimit în consecinţa politicii bodiuliste scriitorii I.Druţă, D.Matcovchi; N.Testimiţanu, ministrul ocrotirii sănătăţii, C.Ciobanu, preşedintele Uniunii scriitorilor, au fost destituiţi din posturi. Această faţetă a guvernării bodiuliste este „uitată" de comunişti sau, pur şi simplu, din considerente ideologice, neglijată de putere, care revigorează doar ceea ce se omogenizează cu dezideratele politice ale partidului comuniştilor.

Studiind aprofundat fenomenul charismei, am constatat faptul că fenomenul imagoului îşi trage rădăcinile încă din perioada antică. Romanii, astfel, resuscitau în fiecare împărat persoana Întemeietorului. Acesta purtând titlul de „redivivus". Acest mecanism a fost perpetuat şi în epoca contemporană.. Bunăoară, sovieticii scandau: "Stalin este Lenin al zilelor noastre!". Explicaţia ar fi următoarea: personajele şi evenimentele se conservă imateriale în memoria generaţiilor, după o perioadă de latenţă, să revină reîncarnate într-o nouă fiinţă fizică şi socială. Acest mecanism le permite unor actori politici contemporani să provoace emotivitatea, afecţiunea maselor electorale. Concludentă în această ordine de idei, ar fi declaraţia pe care a făcut-o, la Slănic,

[168] *Laplanche G., Pontalis G. Vocabulaire de la psihanalyse. – Paris: PUF, 1967, p.196*

în ajunul startului prezidențialelor din 1996 M.Snegur. În timpul unei întrevederi neoficiale cu omologul său român Ion Iliescu, Snegur, preşedintele entitre al Republicii Moldova, a lăsat să se înțeleagă că el ar putea deveni „Mircea Viteazul, care va săvârşi actul unificării românilor" Printr-o scurgere de informație „incitanta" declarație a apărut şi în presa de la Chişinău. Fiind plauzibilă pentru micul segment electoral de orientare unionistă, adversarii politici ai preşedintelui (staff-ul lucinschist) au difuzat-o ca fiind un atu al ipotezei, că Snegur, în cazul în care devine favoritul campaniei electorale, va lichida statalitatea Republicii Moldova, ea fiind anexată la România.

Primii ani de independență a Republicii Moldova, valul de emoții cu care populația băştinaşă a devenit martorul „revoluției de catifea" ce s-a soldat cu substituirea regimului totalitar de guvernare cu unul democratic, a determinat electoratul autohton să descopere charisma în comportamentul primilor conducători, vorbitori de limbă română, aboliți de obligativitatea de a executa ordonanțele CC al PC al URSS. În acel context istoric imaginea liderului charismatic şi-a adjudecat-o primul şef de guvern al Moldovei suverane, M.Druc. De asemenea, semnarea Declarației de Independență în 27 august 1991, legalizarea scrisului latin i-au creditat aura liderismului charismatic primului Preşedinte al republicii Mircea Snegur. Mai târziu, dificultățile prin care tranzitează tânăra democrație a şters de pe palmaresul eşichierului politicii moldoveneşti omniprezența liderilor charismatici.

Harul liderului politic într-o societate modernă, în care actul comunicării politice a devenit unul perfect şi transparent, se datorează, inclusiv, acțiunii de mediatizare. Conform opiniei unor teoreticieni, politica e total dizolvată în mediatic. Canalele media, în special audiovizualul, modelează şi regizează atât evenimentul, cât şi eficacitatea imaginii omului politic. Discursul radiofonic sau televizat, interviurile şi declarațiile de presă, preluarea conferințelor de presă, dezbaterile politice etc., - reprezintă materia din care se plăsmuieşte chipul omului politic de succes.

Astfel, creditând excesiv elementul mediatic, omul politic se transformă din simplu cetățean în candidat de succes, el devine deja o imagine, un simbol, un mit, un ideal de personalitate pentru societate. Încadrată în peisajul electoral, media devine un mecanism ce generează influență şi putere în favoarea celor ce o controlează. Din această perspectivă, mediile de informare sunt plasate în timpul campaniilor electorale în centrul dezbaterilor şi a luptei concurențeale. Fenomen facil de sesizat în toate campaniile electoralele desfăşurate în spațiul politic autohton, când limitele vieții private a subiecților electorali sunt adesea încălcate, iar granițele decenței sunt transgresate. În virtutea celor menționate, putem vorbi despre elementul mediatic ca factor de legitimitate a liderului politic, adică, *legitimitatea mediatică.*

La baza argumentării ştiinţifice a legitimităţii mediatice poate fi acreditată, actualmente controversata, teorie a „acului hipodermic”, lansată de H.D.Lasswell. Potrivit acesteia, impactul mijloacelor de comunicare în masă asupra receptorilor / corpului electoral au efectul “acului”, care injectează informaţii în mintea publicului receptor într-un raport direct şi liniar: un emiţător – un mesaj – un rezultat informaţional. Astfel încât rezultatul informaţional echivalează cu imaginea „cosmetizată”, idolatrizată a liderului politic promovat de mass media. Fluxul interminabil de ştiri, reportaje, comentarii, care are în prim – plan un lider politic îi asigură incontestabil prezenţa şi, nu în ultimul rând, influenţa acestuia în sistemul politic existent, fapt ce-i confirmă legitimitatea , autoritatea şi eficacitatea lui.

E → **M** → **R**

Fig.1. Legitimitatea mediatică a liderului politic

În teoria actuală a puterii liderului politic, tema referitoare la autoritate şi legitimitate are o importanţă crucială. Aceşti doi factori, intercalându-se reciproc, constituie un comlement necesar, dar şi un suport al puterii politice. Sub acest din urmă aspect, am putea afirma că autoritatea exprimă legitimitatea, care, de fapt, nu poate fi recunoscută în absenţa autorităţii. Această dualitate a principiului de funcţionare a liderismului politic poartă implicit un caracter de apreciere a comportamentului liderului politic şi are la bază un anumit sistem de valori şi norme adoptat de societate. În funcţie de acestea distingem între legitimitate / autoritate tradiţională, raţională, charismatică, democratică, tehnocratică etc.

În mod normal, vom remarca, în încheiere, că nu poate exista o societate stabilă din punct de vedere politic, social sau economic în absenţa autorităţii recunoscute ca putere legitimă a liderului politic, a unei echipe de guvernare. După cum s-a demonstrat, forţa şi manipularea sunt insuficiente pentru menţinerea legitimităţii unui lider / regim politic, dacă acesta este lipsit de autoritate – o rezultantă a faptelor puterii.

BIBLIOGRAFIA:

1. Birou A. Vocabulaire pratique des sciences sociales. – Paris: Editions Economie et Hummanism, 1966.
2. Chabot G. Introduction en politique. – Paris: PUF, 1991.
3. Duverger M. Institutions politiques et droit constitutionnel. – Paris: PUF, 1962.
4. Ferrero G. Pouvoir. Les genies invisibles de la Cite. - Paris, 1953
5. Fisichella D. Ştiinţa politică. - Chişinău: USM, 2000.

6. Laplanche G., Pontalis G. Vocabulaire de la psihanalyse. – Paris: PUF, 1967.
7. Moscovici S. Psihologia socială sau maşina de fabricat zei. – Iaşi: Polirom, 1997.
8. Moşneaga V. Partidele politice şi parlamentul Moldovei: aspecte juridice ale interacțiunii. // Aspecte ale practicii parlamentare, relațiile dintre parlament şi guvern (Republica Moldova). - Chişinău, 1997
9. Pareto V. Traité de sociologie generale. – Geneva - Paris: Droz, 1968
10. Portrete în mişcare. - Chişinău, 1996.
11. Relea M., Hariton T. Sociologia succesului. - Bucureşti, 1962
12. Stoiciu A. Comunicarea politică. Cum se vând idei şi oameni. – Bucureşti: Humanitas, 2000.
13. Вебер М. Политика как призвание и профессия. Избранные произведения. – Москва, 1990.
14. Cătălin Z., Vlăsescu L. Dicționar de sociologie. – Bucureşti: Editura Babel, 1998.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РИСК И ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ (на примере выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 4-го созыва)[169]

Татьяна ТУРКО
Республика Молдова, Кишинев
Молдавский госуниверситет
факультет международных отношений, политических и административных наук
кафедра политологии
доктор, доцент

Александр М. БОЛОТОВ
Россия, Москва
соискатель кафедры политологии, факультет международных отношений, политических и административных наук
Молдавский госуниверситет, Республика Молдова, Кишинев

Переход к демократическим процедурам формирования органов власти в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого столетия показал, что в результате выборов побеждают те общественно-политические формирования, которым в данный момент в наибольшей степени доверяет общество. Выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, состоявшиеся 7 декабря 2003 года, выявили те политические силы, которые возьмут на себя ответственность за будущее развитие страны. Выступая как основной субъект политической жизни, политическая элита играет решающую роль в формировании и практической реализации стоящих перед Россией задач.

В этой связи особое значение в общественной жизни России приобретает проблема политического риска, связанная с изменением политической обстановки, которая может привести к неблагоприятной или плохо контролируемой ситуации, политической и экономической нестабильности.[170]

---

[169] *Рецензент – доктор, доцент Пантелимон Варзару.*

[170] *См. Мобиус М. Руководство для инвестора по развивающимся рынкам. – Москва: Атон: АОЗТ «Гривна+», 1995, с.153*

Возникает вопрос: кто и чем рискует? Чем рискует политическая элита, осуществляя власть в стране? Чем рискует электорат, приводя на выборах к власти те или иные политические силы? Чем рискуют инвесторы, вкладывая свои капиталы в российскую экономику?

Состоявшиеся в стране выборы привели к определенным изменениям политической ситуации в стране. Следовательно, изменился и уровень политического риска. Для того, чтобы оценить изменение данного показателя, необходимо, в первую очередь, проанализировать существующую политическую обстановку и оценить возможные варианты ее развития. В стабильно развивающихся странах такой анализ делать сравнительно легко, поскольку в них практически отсутствуют факторы (или их влияние крайне незначительно), которые могли бы привести к резкому обострению внутриполитической обстановки, которое, в свою очередь, способствовало бы изменению «правил игры» со стороны официальных властей по отношению к инвесторам.

Российская Федерация относится к странам с так называемой «переходной экономикой». Отсутствие стабильности во внутриполитической ситуации приводит к резкому повышению политических рисков. Особенно заметно это проявляется накануне и в период проведения избирательных кампаний, когда инвестиционные проекты с участием иностранного капитала «свертываются» или «замораживаются», а реализация новых откладывается «до лучших времен». Причем эта особенность наблюдается уже на протяжении, как минимум, двух-трех избирательных кампаний, что позволяет говорить о некоторой тенденции.

Необходимо отметить, что не только избирательная кампания по выборам высших органов власти влияет на уровень политического риска в стране, но и политический риск, в свою очередь, оказывает влияние на ход и результаты избирательной кампании. Причем в этом случае речь идет как о краткосрочных (портфельных) инвестициях, так о долгосрочных инвестиционных проектах в реальном секторе экономики.

Примечательным является факт, что 22 ноября 2003 года, за две недели до выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации международное рейтинговое агентство Moody’s Investors Service повысило прогноз валютного рейтинга России со «стабильного» до «позитивного». На такое решение не повлияли ни действия российских официальных властей против руководителей одной из самых крупных нефтяных компаний России «ЮКОС», ни то обстоятельство, что в данном скандале были затронуты интересы иностранных инвесторов, имеющих свои вложения в «ЮКОСе».

Казалось бы, что такое решение всемирно известного рейтингового агентства должно было оживить фондовый рынок России, вызвать приток новых инвестиций. Однако этого не произошло, более того, отток капитала из России увеличился. Предполагается, что за 2003 год утечка составляет 9-12 млрд. долларов. Примерно столько российский бюджет тратит на содержание армии. Иностранные инвесторы по-прежнему заняли выжидательные позиции и не изменили своему первоначальному намерению дождаться итогов выборов сначала нового состава Государственной Думы, а затем и президента России.

По мнению многих экспертов, политические риски в России попрежнему являются самым серьезным препятствием на пути реализации инвестиционных проектов. При этом в качестве основных факторов возникновения политических рисков они называют неопределенность политического и экономического курса федеральной власти, несовершенство законодательной базы, недостаточную эффективность судебной системы, неустойчивость власти субъектов Федерации.[171]

Для оценки уровня политического риска необходимо проанализировать факторы, оказывающие как прямое, так и опосредованное влияние на итоговый уровень риска: оценка политической и социальной стабильности, состояние экономической сферы, отношение властей к иностранным инвестициям, вероятность вооруженных конфликтов.[172]

Для того чтобы оценить влияние результатов избирательной кампании на изменение уровня политического риска, целесообразно проанализировать итоги выборов и новый расклад политических сил в стране.

Для участия в выборах Центральная избирательная комиссия зарегистрировала двадцать три политические партии и избирательных блока (приложение 1). Как полагали специалисты, реальные шансы преодолеть установленный законом пятипроцентный барьер имели пять политических формирований: «Единая Россия», Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ), Либерально-демократическая партия России (ЛДПР), Союз правых сил (СПС) и ЯБЛОКО. Отдельные эксперты полагали, что пятипроцентный барьер может преодолеть также

---

[171] *См. Расчет и минимизация политических рисков в России. Тезисы выступления А.П.Ситникова на научно-практической конференции «Паблик рилейшнз как зеркало социально-экономических процессов в Восточной Европе» 10 октября 2002 года. (http://image-contact.ru/122_1034617913.shtml)*

[172] *См. подробнее: Турбина К.Е. Инвестиционный процесс и страхование инвестиций от политических рисков. - Москва, 1995, с.51*

сформированный буквально накануне выборов народно-патриотический союз «Родина».

Результаты выборов стали несколько неожиданными для абсолютного большинства специалистов. Ни одна из правых партий (СПС и ЯБЛОКО) не смогла набрать более пяти процентов голосов избирателей и, таким образом, «правые» в состав новой Государственной Думы не вошли.

Бесспорным лидером, как и ожидалось, стала политическая партия «Единая Россия», которую поддержал накануне выборов президент Российской Федерации В.Путин, и которая в итоге набрала 37,4% голосов избирателей. Второе место заняла КПРФ, которая, хотя и потеряла часть своего традиционного электората, тем не менее, смогла набрать 12,65% голосов избирателей. На третьем месте оказалась ЛДПР с 11,49% голосов. И, наконец, четвертое место занял избирательный блок «Родина» (народно-патриотический союз), набравший 9,04% голосов избирателей.

Как и предполагалось, пропрезидентские силы получили в Государственной Думе четвертого созыва большинство, и практически ничто уже не мешает главе государства проводить в дальнейшем ту политику, которая отвечала бы интересам большинства населения и страны в целом.

Возвращаясь к рассмотрению факторов риска, проанализируем состояние социальной, политической и экономической стабильности в стране. Если говорить о социальной стабильности, то необходимо отметить, что нынешняя избирательная кампания проходила на более «спокойном» социальном фоне, чем, например, кампания 1999 года. Финансовый кризис 1998 года уходит все дальше в прошлое. Но несмотря на это, социальные характеристики российского общества довольно низки. Увеличивается число бездомных детей и детей, не посещающих школу, растут наркомания и алкоголизм, с огромной скоростью распространяются туберкулез, госучреждения погрязли в коррупции. Ухудшается демографическая ситуация. За последние 10 лет рождаемость сократилась с 14,4 до 8,3 (на 1000 человек), а смертность за этот же период увеличилась с 11,2 до 14,7 (на 1000 человек). По состоянию здравоохранения Россия занимает 130-е место в мире. Увеличивается безработица, сегодня 8,7% экономически активного населения страны не имеет работы. Значительная часть населения России проживает за чертой бедности (по разным оценкам от 30 до 50%), что создает определенную социальную напряженность в обществе, негативное отношение к богатым, стремление к пересмотру итогов приватизации. Такие настроения в немалой степени повлияли на результаты выборов, показанные правыми партия-

ми. Тот факт, что СПС и «ЯБЛОКО» не смогли преодолеть пятипроцентного барьера, является не только следствием тактических просчетов руководства этих партий, но и отражает общественное мнение большинства общества относительно их идей.

Одним из важных слагаемых стабильности общества является развитие и поддержка среднего класса. По мере увеличения в обществе обеспеченных людей усиливается поддержка гражданами мероприятий правительства, направленных на обеспечение стабильности. Поэтому органы законодательной и исполнительной власти должны проводить политику содействия развитию малого и среднего бизнеса и увеличения числа лиц, являющихся собственниками недвижимости.

Вместе с тем растут доходы определенных категорий граждан, причем этот рост опережает темпы инфляции. Правительство регулярно индексирует пенсии, зарплаты бюджетников. Растет спрос населения на жилье, в том числе элитное, дорогостоящие товары. Так как на мировом рынке сохраняются высокие цены на нефть, следует ожидать, что в ближайшей перспективе правительство может удержать социальную ситуацию под контролем за счет направления части получаемой от продажи нефти валюты на социальные нужды, и возможно, оценка социальной стабильности будет развиваться в позитивном направлении.

Оценивая политическую стабильность, необходимо обратить внимание на такой фактор, как стабильность правительства. В отличие от «ельцинской» эпохи, когда правительство в России менялось довольно часто, и угроза его отставки была столь же велика, сколь и непредсказуема, за четыре года президентства В.В.Путина не было ни одной отставки исполнительного органа власти в полном составе. При этом, естественно, периодически осуществлялась ротация кадров в кабинете министров, но она не была болезненной и не оказывала заметного влияния на оценку данного фактора. Можно предположить, что после президентских выборов 2004 года в соответствии с законодательством будет сформирован новый кабинет министров, который будет исполнять свои обязанности достаточно продолжительное время.

Одним из показателей политической стабильности является деятельность оппозиции, как официальной, так и нелегальной. Официальная оппозиция в Российской Федерации в настоящее время представлена, прежде всего, Коммунистической партией, которая в ходе выборов не смогла сохранить своих позиций, и располагает 52 депутатскими мандатами. Какого-либо определяющего влияния на принятие стратегически важных решений в Государственной Думе фракция КПРФ не имеет. Более того, в силу целого ряда обстоятельств авторитет руководства

КПРФ в ходе избирательной кампании был в значительной степени подорван как среди рядовых коммунистов, так и среди поддерживающих партию избирателей. Этому способствовали и скандалы, связанные с финансовыми нарушениями в деятельности структур, обеспечивающих финансирование партии, и обвинения руководства КПРФ в принятии финансовой помощи от «опальных олигархов» (в частности, были преданы широкой огласке переговоры руководства компартии с Б.Березовским по вопросам финансирования КПРФ), и включение в федеральный список компартии целого ряда крупных бизнесменов, т.е. тех самых «олигархов», с которыми «по определению» должны бороться коммунисты.

Все это привело к снижению авторитета КПРФ в обществе в целом, а также серьезным проблемам внутри самой компартии, связанным с обоснованными обвинениями рядовыми коммунистами своих высших руководителей в «предательстве интересов партии». Поэтому вряд ли в перспективе КПРФ сможет серьезно влиять на развитие внутриполитической обстановки в стране.

Две другие парламентские фракции – ЛДПР и блок «Родина» - также, вероятнее всего, не будут занимать деструктивную позицию по отношению к правящему большинству. Достаточно заметить, что на протяжении последних четырех лет фракция ЛДПР всегда голосовала так, как «предписывалось» администрацией президента. Что же касается блока «Родина», то ни у кого нет сомнений в том, что он был создан «по согласованию» с кремлевской администрацией, за неделю до выборов лидер блока С.Глазьев был принят лично президентом России, поэтому вряд ли руководство блока захочет нарушать достигнутые договоренности. Характер этих договоренностей, вероятнее всего, проявится уже в ближайшем будущем.

«Правая» оппозиция, потерпевшая на выборах сокрушительное поражение, занята в настоящее время процессом консолидации всех своих сторонников «под одними знаменами» и какой-либо серьезной конкуренции официальным властям составить не может.

Что касается нелегальной оппозиции, очевидно, что каких-либо деструктивных сил, которые могли бы оказывать серьезное влияние на развитие внутриполитической ситуации в стране, на сегодняшний день не отмечено. Избирательная кампания практически никак не повлияла на изменение оценки этого фактора. Последствия небольшого скандала, связанного с тем фактом, что в списках кандидатов в депутаты Государственной Думы, поданных избирательным блоком «Родина», фигурировали представители «Русского национального единства» (общественно-

политической организации, исповедующей крайне выраженный национализм), были вовремя локализованы. Поэтому в целом оценка данного фактора в настоящее время имеет конструктивную динамику.

Оценивая экономические факторы риска, необходимо обратить внимание на такой показатель, как отношение властей к зарубежным инвестициям. Можно предположить, что в результате выборов нового состава Государственной Думы этот показатель существенных изменений претерпеть не должен, и официальные власти продолжат курс на создание условий для привлечения в экономику иностранных инвестиций. Основанием для такого вывода служит хотя бы тот факт, что ни одна из политических партий в ходе избирательной кампании не выдвигала лозунгов свертывания экономических проектов с участием иностранного капитала или создания таких условий, которые явились бы дополнительным препятствием для поступления в Россию иностранных инвестиций.

Одним из наиболее значимых факторов для иностранных инвесторов является риск национализации без полной компенсации. Вкладывая деньги в экономику другого государства, инвестор хотел бы быть уверенным, что ему не угрожает национализация или какая-либо другая опасность, и что прибыль, которую он будет извлекать, может быть вывезена за пределы этой страны. По этим позициям практически все политические партии, принявшие участие в выборах, были практически единодушны, выступая за гарантии прав собственности. Более того, в связи со скандалом вокруг «ЮКОСа» и заявлениями ряда иностранных представителей, пытавшихся придать этому делу политическую окраску, и таким образом «сыграть» на повышение уровня политического риска в России, президент России В.В.Путин однозначно заявил, что пересмотра итогов приватизации в Российской Федерации не будет. Тем самым он стремился успокоить иностранных инвесторов и сгладить негативные последствия действий прокуратуры против М.Ходорковского.

Однако в то же время российский президент отмечал, что не исключает привлечения к ответственности отдельных предпринимателей, которые грубо нарушали существовавшие законы и именно благодаря этим нарушениям смогли «сколотить» свои состояния. Поэтому, если вслед за «ЮКОСом» преследованию подвергнется какая-либо другая крупная компания, избежать роста уровня политического риска вряд ли удастся.

Еще одним очень значимым фактором для иностранных инвесторов является отношение местной бюрократии. В переходный период, когда отсутствует законодательная база, призванная регулировать эко-

номические отношения на новой основе, роль чиновников значительно возрастает, и они нередко пытаются подменить законы своими волюнтаристскими решениями. На фоне предвыборной кампании параллельно с борьбой за депутатские мандаты ведется борьба и за будущие «правила игры» на экономическом «поле» страны. В ходе этой борьбы чиновники различного уровня пытаются сохранить и упрочить свои позиции, в то время как инвесторы и лица, заинтересованные в привлечении инвестиций, стремятся изменить правила в сторону цивилизованных отношений, поддерживая те силы, которые, по их мнению, способны реально повлиять на улучшение общего инвестиционного климата в государстве. Ситуация осложняется тем, что до сих пор не приняты законы, которые гарантировали бы неприкосновенность и защиту вложенных инвесторами средств, а попытки инициировать принятие таких законов неминуемо наталкивается на серьезное сопротивление бюрократии, которая видит в этих попытках угрозу своему благополучию, полностью основанному на использовании административного потенциала.

Подобное положение наблюдается не только на федеральном уровне, но и на уровне регионов. Отсутствие необходимой законодательной базы нередко приводит к тому, что при смене региональной власти новое руководство отказывается от договоренностей и обязательств в отношении инвесторов, которые были приняты на себя предыдущей администрацией региона. Все это ведет к подрыву доверия инвесторов к региональным элитам и, как следствие, к невысокому уровню инвестиций в регионы Российской Федерации. Изменить положение могли бы законодательные инициативы нового состава Государственной Думы в области инвестиционной политики.

Оценка такого фактора, как вмешательство правительства в экономику находится на достаточно высоком уровне. Это обусловлено как несовершенством законодательной базы, так и стремлением бюрократии и сложившихся «кланов», которые находятся вокруг федеральных органов власти, контролировать основные финансовые потоки. Положительным моментом при этом является то, что, по мнению экспертов, в настоящее время не наблюдается отрицательной динамики в развитии этого фактора. Однако в результате выборов ситуация может измениться. Прошедшие в Государственную Думу политические формирования могут попытаться вынудить правительство изменить сложившуюся систему в свою пользу. Кроме того, после президентских выборов (март 2004 года) в соответствии с законом правительство уйдет в отставку и пока трудно прогнозировать, каким будет его новый состав и как правитель-

ство поведет себя по отношению к инвесторам и реальному сектору экономики в целом.

С предыдущим тесно связан фактор присутствия государственной собственности в экономике. Не является секретом, что в течение предшествующих выборам полутора-двух лет процесс приватизации в Российской Федерации значительно замедлился. С одной стороны, это было обусловлено тем, что основные наиболее ликвидные предприятия были приватизированы ранее, с другой – усилилось противодействие попыткам властей начать приватизацию основных монополий – в энергетике, на железнодорожном транспорте, в жилищно-коммунальном секторе. В настоящее время большинство экономистов признают, что без создания рынка энергетических ресурсов, основанного на здоровой конкуренции, не произойдет серьезных позитивных изменений в других отраслях экономики, которые тесно связаны с энергетикой. Следовательно, энергетический сектор как никакой другой нуждается в реорганизации на основе требований сегодняшнего дня. От того, насколько энергично будет решать эту задачу новый состав Государственной Думы, во многом будет зависеть рост экономики России в целом и притока в страну инвестиций, а значит и оценка данного фактора в общей структуре политического риска.

Оценка фактора «вероятность вооруженных конфликтов» является актуальной для Российской Федерации, так как в Чечне продолжается контртеррористическая операция против незаконных вооруженных формирований. И хотя за прошедший год были достигнуты определенные успехи как в уничтожении бандформирований, так и в налаживании мирной жизни в этом регионе России, обстановка продолжает оставаться достаточно сложной. По официальным данным, только в 2003 году на территории Чеченской республики было совершено 543 террористических акта – нападения на федеральные войска, диверсии на железной дороге, взрывы административных зданий, убийства граждан, сотрудничающих с федеральными властями. Все это значительно повышает уровень политического риска в республике и прилегающих регионах, делает их непривлекательными для инвесторов. Улучшение оценки этого фактора будет во многом зависеть от намерений нового состава высшего законодательного органа России и исполнительной власти продолжать курс на нормализацию обстановки в Чечне. Только в этом случае можно будет вести речь о повышении привлекательности южных регионов России для потенциальных инвесторов.

Как следует из вышеизложенного, избирательная кампания влияет на оценку целого ряда внутриполитических факторов риска, повышая

или понижая ее как в ходе избирательной кампании, так и после ее завершения и прихода к власти новых политических сил. Анализ предвыборной обстановки позволяет с определенной степенью достоверности предсказать исход борьбы за депутатские мандаты между различными политическими силами. А изучение программных документов этих политических формирований дает основания предположить, как они намерены решать актуальные проблемы в будущем.

Вместе с тем существует и обратная связь между оценкой отдельных внутриполитических факторов риска и ходом избирательной кампании, успехом тех или иных политических сил в процессе выборов в высшие законодательные органы власти. Действительно, при высокой оценке определенных факторов возрастает вероятность прихода к власти оппозиционных сил, которые широко используют в своей пропагандистской деятельности популистские лозунги, основанные не на точных расчетах и учете реальных возможностей экономики страны, а на стремлении заполучить голоса тех избирателей, которые не могут или не хотят подвергать анализу существующие реальности и надеются лишь на «чудо» в лице «хорошего руководителя». Во многом именно этим объясняется так называемый «феномен Жириновского», который стабильно на протяжении четырех избирательных кампаний набирает «свой» процент голосов избирателей. Причем голосуют за него не только малообразованные слои населения, которым близок и понятен его «образ», но и люди, имеющие высшее образование, но в силу сложившихся обстоятельств не нашедшие себя в новых экономических условиях и уповающие лишь на то, что популистские лозунги каким-то чудесным образом вдруг станут реальностью.

Таким образом, избирательная кампания в высшие органы государственной власти, особенно если речь идет при этом о стране с «переходной экономикой», оказывает серьезное влияние на формирование уровня политического риска. Независимо от предварительных прогнозов инвестиционная деятельность в этот период затухает и вновь оживает лишь после объявления официальных результатов и формирования новой конфигурации политического поля государства. Такая «цикличность», вероятнее всего, будет существовать до тех пор, пока не будет сформирована прочная законодательная база, регулирующая инвестиционную деятельность, и инвесторы не получат достаточные подтверждения тому, что независимо от итогов голосования «правила игры» государства в отношении инвесторов будут оставаться неизменными и определяться только буквой закона.

Приложение. Итоги выборов в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации по федеральным спискам 7 декабря 2003 года

наименование политической партии или избирательного блока	***количество голосов*** **(%)**
«Единение»	1,19
«Союз правых сил»	3,97
«Российская партия пенсионеров и партия социальной справедливости»	3,14
«Российская демократическая партия «ЯБЛОКО»	4,32
«За Русь святую»	0,5
«Объединенная Российская партия «Русь»	0,25
«Новый курс – Автомобильная Россия»	0,85
«Народно-республиканская партия России»	0,13
«Российская экологическая партия «Зеленые»	0,42
«Аграрная партия России»	3,7
«Истинные патриоты России»	0,21
«Народная партия Российской Федерации»	1,18
«Демократическая партия России»	0,23
«Великая Россия – Евразийский Союз»	0,28
«Партия СЛОН»	0,18
«Родина» (народно-патриотический союз)»	9,04
«Партия Мира и Единства»	0,25
«Либерально-демократическая партия России»	11,49
«Партия Возрождения России – Российская партия Жизни»	1,91
«Политическая партия «Единая Россия»	37,4
«Российская Конституционно-демократическая партия»	0,19
«Развитие предпринимательства»	0,36
«Коммунистическая партия Российской Федерации»	12,65
Против всех	4,72

COMPARTIMENTUL IV.
RELAȚIILE INTERNAȚIONALE.

EVOLUȚIA RELAȚIILOR REPUBLICII MOLDOVA CU UNIUNEA EUROPEANĂ PRIN PRISMA INTERESULUI NAȚIONAL[173]

Svetlana CEBOTARI
Republica Moldova, Chişinău
Universitatea de Stat din Moldova
Facultatea relații internaționale,
ştiințe politice şi administative
Catedra Limbi moderne aplicate,
lector, MA

Victor SACA
Republica Moldova, Chişinău
Universitatea de Stat din Moldova
Facultatea relații internaționale,
ştiințe politice şi administative
Catedra politologie
doctor-habilitat, conferențiar

Odată cu dispariția barierelor care au existat în perioada războiului rece în Europa, cît şi în rezultatul prăbuşiriii sistemului socialist şi a apariției unor metamorfoze politice şi economice, extinderea Uniunii Europene (UE) spre Est este un factor important pentru noua ordine în Europa. În rezultatul desființării Tratatului de la Varşovia şi a Consiliului de Ajutor Economic Reciproc (CAER), în statele Europei de Est au loc transformări interne radicale şi sunt formulate noi orientări în politica lor externă, fapt ce duce la o schimbare bruscă a mapamondului. De la demararea acestor procese Uniunea Europeană semnează primele acorduri cu Polonia, Ungaria, Cehoslovacia, iar anul 1993 este caracterizat prin semnarea convențiilor cu România, Bulgaria, Cehia şi Slovacia, precum şi cu cele trei state Baltice (1995) şi Slovenia (1996). Uniunea Europeană cîştigă teren nu numai prin numărul ascendent de state (pe parcursul a jumătate de secol de existență a Uniunii Europene, numărul de state participante creşte de la 6 la 15 state şi încă 13 state s-au pronunțat

[173] *Recenzent – doctor, conferențiar Pantelimon Varzaru*

pentru aderarea la această organizație)[174], ci şi prin dimensiunile conceptuale ale politicii ei spre Est. Consiliul Europei a subliniat faptul că țările candidate ar trebui să accepte valorile şi scopurile UE preconizate în convenții şi că problemele cu privire la frontiere şi la alte chestiuni adiacente, urmează a fi soluționate pînă la aderare, iar premisa fundamentală a aderării la UE este realizarea criteriilor Conventiei de la Kopenhagen. Condițiile de admitere în organizație sunt clasificate în trei categorii distinctive: în primul rînd, țările candidate trebuie să garanteze protecția minoritîților şi să dispună de o structură instituțională stabilă, altfel zis, care să corespundă unui stat de drept cu orînduire democratică; în al doilea rind, aceste state trebuie să dispună de o piață economică liberă, viabilă şi să poată face față concurenței din interiorul Uniunii; în al treilea rînd, statele candidate trebuie să preia angajamentele care derivă din statutul de membru al UE, în forma unor contracte complete şi a unor acte juridice valabile, adică să implementeze Acquis Communantaire. Criteriile aderării au devenit în acelaşi timp principii directoare ale transformărilor din interiorul statului[2].

Trecerea de la sistemul în care domină un singur partid la democrația parlamentară, de la economia planificată la economia de piață, precum şi consolidarea societății civile sunt schimbările ce vorbesc de o avansare în direcția aderării la UE. Calitatea atractivă de membru al UE contribuie la prevenirea şi soluționarea unor conflicte interne, în special cu minoritățile naționale, la stabilitatea şi securitatea Europei[3].

În ce priveşte aderarea la UE a altor state, cum ar fi fostele republici ale URSS-ului, perspectivele de aderare imediată nu se preconizează, cu toate că statele- membre ale UE nu exclud aderarea acestora (Ucraina, Moldova) într-un viitor îndepărtat şi doar dacă în interiorul acestora se vor crea condiții cu adevărat democratice, se vor împlementa reforme noi în economie[4].

---

[174] *A se vedea: Kempe I. Consecințele extinderii Uniunii Europene asupra Republicii Moldova. // Moldova între Est şi Vest (identitatea națională şi orientarea europeană). Al II-lea simpozion ştiinşific moldo-german. – Chişinău: „CAPTES”, 2001, p.96-97.*

[2] *A se vedea: Разумнова Л., Балтенкова О. Расширение Европейского Союза: ”Северное измерение”. // Мировая Экономика и Международные Отношения N12, 2000, с.84.*

[3] *A se vedea: Moldova între Est şi Vest, p.97-98*

[4] *A se vedea: Уайт С., Лайт М., Лоуэнхар Дж. Белорусия, Молдавия, Украина: к востоку или западу. // Мировая Экономика и Международные Отношения, N7, 2001, с.59; Зуева К. Новые концепцыи европейской интеграции. // Мировая Экономика и Международные Отношения, N11, 1995, с.95.*

Perspectiva integrării europene a devenit ademenitoare pentru multe state noi, independente, care s-au format pe teritoriul european a fostei URSS. Unul din aceste state este şi Republica Moldova. În rezultatul obţinerii independenţii (august 1991), Republica Moldova a trebuit să ia decizii şi hotărîri importante şi stategice atît în domeniul politicii interne, cât şi a celei externe.

Condiţiile istorice din a doua jumătate a anilor '90 au condiţionat noi necesităţi şi interese în domeniul relaţiilor politice naţionale. Interesul naţional al statului se află într-un proces anevoios de devenire, în căutarea propriei identităţi fiind măcinat de consecinţele grave ale raporturilor conflictuale dintre actorii de diferite orientări social-politice[5].

Orientările Moldovei independente deseori se schimbă în funcţie de perindarea liderilor şi guvernelor, care pe parcursul ultimului deceniu al sec. XX au inclus în programele lor de activitate, la capitolul politică externă anumite obiective de cooperare şi apropiere europeană. Implicarea în activitatea integraţională a partidelor politice, considerate purtătoare de valori, a căror opoziţie, identitate ori convergenţă determină succesul ori insuccesul ideologiei transnaţionale, va fi un factor nou în politica naţională. Astfel forţele de dreapta militează prioritar pentru eficientizarea relaţiilor cu ţările Europei Centrale şi de Vest şi respectiv, pentru integrarea Republicii Moldova în structurile europene.

În şirul partidelor proieuropene se include aşa formaţiuni ca Partidul Popular Creştin Democrat (PPCD), Partidul Liberal (PL), Partidul Social-Liberal (PSL), Alianţa Independenţilor. Invers, forţele de stînga concep interesul naţional al ţării prin intensificarea legăturilor cu CSI, prin aderarea Moldovei la Comunitatea Economică şi Euro-Asiatică, şi chiar la comunitatea Rusia-Belorusi, din cauza dependenţei ţării de pieţile şi reţelele energetice ruse, cât şi din cauza manifestării micului interes din partea occidentului faţă de noul stat aflat la periferiile Europei. În această ordine de idei este interesantă poziţia adoptată de Partidul Comuniştilor, formaţiunea de guvernămînt la moment.

În septembrie 2002 a fost lansată iniţiativa de creare a unei structuri menită să coordoneze activităţile în domeniul integrării europene, să creeze o comisie naţională de integrare europeană şi un grup de lucru interministerial pentru elaborarea conceptului naţional al Strategiei aderării Republicii Moldova la UE. Forţele politice moderate, care împărtăşesc valorile centrismului, se orientează atît spre Vest, cât şi spre Est, pronunţîndu-se corespunzător pen-

[5] *A se vedea: Saca V. Interese politice şi relaţii politice: dimensiuni tranzitorii. – Chişinău: USM, 2001, p.43; Saca V. Interesul naţional în condiţiile transformaţiei democratice: semnificaţii şi paradoxuri. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XIX. – Chişinău: USM, 2002, p.90.*

tru relații pragmatice cu toate țările. Din grupul partidelor "indecise" face parte Alianța Social-Democrată din Moldova[6].

În linii mari interesul partidului din societatea postcomunistă nu corespunde corelativului "interes-ideie", cînd interesul se "reazămă neapărat pe ideie" pe o ideie nouă şi puternică, care pînă la sfîrşit se realizează, vine să creeze noi forme de viată, stăpîneşte toate spiritele şi pune în mişcare toate voințele.

Aceasta o dovedesc construcțiile ideologico-partinice, programele de diferite orientări. Chemate a fi în fapt ideologii coerente, majoritatea programmelor politice, după conținut nu conferă individualitate partidelor existente (multe din ele sînt asemănătoare), nu se conformează exigențelor criterial-ontologice, epistemice, axiologice, praxiologice ale doctrinei de partid. Ele se construiesc şi se formează în baza multiformității doctrinare, a subiestimării factorului obiectiv, ştiințific, valoric opțional, ceea ce conduce la situații confuze în practica relațional-politică de putere. De exemplu, politicile de stînga promovate de către cei de dreapta şi invers, politicile de dreapta în arsenalul celor de stînga sau vibrațiile permanente ale centriştilor sau spre dreapta sau spre stînga[7].

Analiza programelor de activitate ale tuturor guvernelor, care sau perindat la guvernarea statului pe parcursul a mai bine de un deceniu, ne permite o mai bună comprenhensiune a evoluției interesului național, racordat la problema integrării europene. În lumea contemporană integrarea reprezintă unul din factorii primordiali a relațiilor internaționale. La inceputul secolului XXI lumea trece printr-o multitudine de procese integraționiste care au loc atît în interiorul statelor, cît şi în exteriorul acestora. Are loc apariția noilor grupări integraționiste, diversificarea formelor lor organizaționale, evoluția de la modelele simpliste spre altele mai complexe. Drept rezultat, procesele integraționiste au cuprins practic toate regiunile şi statele, contribuind astfel la formarea noilor "matrice" internaționale. Diversitatea paradigmelor integraționiste, permite practic tuturor statelor, indiferent de poziția lor pe arena interna-

---

[6] *A se vedea: Cojocaru Gh. Politica externă a Republicii Moldova. - Chişinău: „Civitas", 2001, p.199; Saca V. Interesul național în condițiile transformației democratice: semnificații şi paradoxuri. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XIX. – Chişinău: USM, 2002, p.90; Bucătaru I. Retorica proieuropeană în contextul activității partidelor politice din Republica Moldova. // Unificarea Europeană. Filosofie. Politică. Mentalitate. (Materialele conferinței Internaționale) – Chişinău, 2003, p.20-21.*

[7] *A se vedea: Saca V. Interese politice şi relații politice: dimensiuni tranzitorii. – Chişinău: USM, 2001, p.245*

țională, de potențialul şi nivelul de dezvoltare,să-şi găsească locul în contextul acestor procese.

Astfel, noțiunea "a integra" semnifică a se include, a se îngloba, a se încorpora, a se armoniza într-un tot. Din punct de vedere etimologic (lat – integratio), prin integrare înțelegem deci, acțiunea de formare a unui întreg, prin unirea părților componente. În acelaşi context, K.Deutsch defineşte integrarea drept existența unor aşteptări stabilite dintre state în sensul că disputele mutuale vor fi rezolvate paşnic. În acest sens, integrarea este atît condiția, cît şi procesul atingerii acestui țel pentru elaborarea şi implementarea unor decizii comune. La nivel internațional acest termen poate fi racordat oricărui grup de state care au interese comune[8].

În cazul Moldovei primul program de guvernare, disponibil pentru analiză, este cel al Guvernului Sangheli (în programele guvernelor anterioare Druc şi Muravschi practic nu este abordată tematica integrării europene). Programul de activitate pentru anii 1994-1997 din 23 iunie 1994 acorda tematicii integrării europene doar o singură propoziție, Uniunea Europeană fiind plasată în ordinea priorităților politicii externe a Republicii Moldova alături de CSI. De asemenea se simte o echivalare a acestei instituții cu alte organisme internaționale cum ar fi Organizația Națiunilor Unite (ONU) şi organismele ei specializate cu CSCE, Consiliul de Cooperare Nord-Atlantic. În viziunea guvernaților de atunci, UE nu prezintă importanță pentru asigurarea intereselor naționale[9].

Situația devine tot mai genantă pentru Republica Moldova, în condițiile în care majoritatea statelor din Europa Centrală şi de Est, îşi redefinesc către începutul anului 1993 noul cadru politico-juridic al relațiilor contractuale cu UE. Diametral opus programului de activitate al Guvernului Republicii Moldova, este mesajul din 1 noiembrie 1993 al d-lui M.Snegur, preşedintele Republicii Moldova adresat d-lui Jacques Delors, preşedinte a Comisiei Europene. În această scrisoare, preşedintele țării constată cu regret că Republica Moldova a rămas unica țară din spațiul central european ale cărei relații cu UE n-au depăşit măcar faza incipientă a creării cadrului politico-juridic.

În acest context, preşedintele Republicii Moldova solicită concursul lui Delors în vederea demarării neîntîrziate a negocierilor privind semnarea unui accord de Parteneriat şi Cooperare cu Uniunea Europeană. În viziunea Domniei sale, semnarea acestui acord, ar însemna un pas real în direcția integrării europene. Interesul manifestat de către conducerea de la Chişinău pentru Uni-

---

[8] *A se vedea: Jack C., Plano R.E., Riggs S.R. Dicționar de analiză politică. – Bucureşti: ECCE HOMO, 1993, p.87; 39;*

[9] *A se vedea: Moldova şi Integrarea Europeană. Institutul de Politici Publice. – Chişinău."Prut Internațional", 2001, p.11-12.*

unea Europeană este manifestat prin scrisoarea din 28 ianuarie 1994 a d-lui M.Snegur, adresată concomitent domnilor Teodoros Pangalos, Preşedintele în exerciţiu al Consiliului MAE şi Jacques Santer, Preşedintele Comisiei Europene. De asemenea problematica relaţiilor contractuale a fost abordată şi de către A.Sangheli, prim-ministru al Republicii Moldova în timpul discuţiilor sale cu comisarii europeni Leon Brittan şi Hans Van den Broek, în cadrul vizitei de la Bruxelles din noiembrie 1993. Atunci s-au examinat perspectivele acordării de asistenţă Republicii Moldova în realizarea reformelor şi încheierii acordurilor de cooperare în diverse domenii. Fiind printre cele mai tinere state din lume, Moldova este cointeresată în intensificarea legăturilor externe.

Începutul anului 1994 este marcat de activizarea relaţiilor şi a interesului naţional manifestat de către Republica Moldova faţă de Uniune. Dialogul politic este impulsionat vizibil, ca urmare a acreditării la 28 ianuarie 1994, a d-lui M.Popov, în calitate de Ambasador Extraordinar şi Plenipotenţiar în Regatul Belgiei, şi de Şef al Misiunii Republicii Moldova pe lîngă Uniunea Europeană. În acelaşi timp se observă şi interesul manifestat din partea UE pentru Moldova. Vizita delegaţiei Comisiei Europene, în frunte cu Fokion Fotiadis la Chişinău în vederea unor negocieiri,care aveau drept scop determinarea disponibilităţii autorităţilor moldoveneşti de a promova reformele politice şi economice în vederea edificării statului de drept şi instaurării principiilor de piaţă, înviorează relaţiile dintre Republica Moldova şi Uniunea Europeană[10].

Într-o formă confuză, problema interesului naţional cu privire la integrarea europeană figurează în documentul central "Concepţia politicii externe a Republicii Moldova" (direcţii principale de activitate) adoptat prin Hotărîrea Parlamentului Republicii Moldova din 8 februarie 1995. Elaborat în baza principiilor şi standardelor europene, "documentul" abordă cursul de politică externă din perspectiva locului Republicii Moldova în cadrul comunităţii internaţionale.

Ţinînd cont de ponderea statelor occidentale dezvoltate în economia mondială, în special de cea a ţărilor din grupul celor şapte, şi de rolul pe care îl joacă aceste ţări în relaţiile internaţionale în menţinerea păcii şi securităţii în lume, Republica Moldova acordă o atenţie sporită dezvoltării relaţiilor de parteneriat şi cooperare pe multiple planuri cu Franţa, Germania, Marea Britanie. De asemenea, datorită poziţiei sale geografice, Moldova intenţiona să-şi extindă şi să-şi aprofundeze relaţiile cu ţările Europei Centrale şi de Vest, în scopul consolidării păcii, stabilităţii şi securităţii pe continent. Graţie sprijinului acordat şi al interesului manifestat din partea acestor state pentru Re-

---

[10] *Ibidem, p.39-40.*

publica Moldova, aceasta intenționa să promoveze reforme social-economice, să consolideze independența sa şi să se integreze în structurile europene[11].

Desfăşurarea primelor alegeri generale pe bază de pluripartidism, în conformitate cu principiile democratice, precum şi a angajamentului luat de guvern de a continua cursul reformelor economice, al democratizării şi de a soluționa pe cale paşnică conflictul transnistrean, au determinat UE să demareze la 21 aprilie1994 negocierile oficiale asupra Acordului de Parteneriat şi Cooperare (APC). Deoarece acordul urma să parcurgă o lungă perioadă de ratificare de către statele membre, delegațiile au convenit asupra semnării simulante a unui Acord Interimar (21 decembrie 1995, dar a intrat în vigoare la 1 mai 1996) privind comerțul, care ar permite ambelor părți să aplice prevederile Acordului de Parteneriat şi Cooperare, şi să se evite crearea unui eventual vid legislativ în reglementarea relațiilor economico-comerciale dintre Republica Moldova şi Uniunea Europeană. De asemenea, un pas important al Moldovei a fost aderarea la 13 iulie 1995 la Consiliul Europei, fiind acceptată cu succesele şi neîmplinirile ei, pentru încurajarea şi facilitarea în direcțiile esențiale ale edificării statului democratic şi a modelului socio-economic european. Republicii Moldova îi revinea sarcina de a nu-şi slăbi efortul de înfăptuire a reformelor democratice şi alinierea reală la țările familiei democrațiilor autentice Consiliului Europei[12].

Spre deosebire de Guvernul precedent şi spre deosebire de documentul cu privire la concepția politicii externe, Guvernul Ciubuc I, în programul său pentru perioada ianuarie 1997 - martie 1998, nu face nici o referință la Uniunea Europeană, doar unele pasaje ne permit să presupunem că e vorba de UE.

Paralel cu interesul național al Republicii Moldova manifestat pentru extinderea relațiilor economice în cadrul Comunității Statelor Independente, se preconiza menținerea relațiilor cu Uniunea Economică a Bazinului Mării Negre, Inițiativa Central-Europeană, Inițiativa de Cooperare şi Dezvoltare Economică, Organizația Mondială de Comerț, agențiile şi instituțiile specializate ale ONU, cooperare în bazinul Dunării. De asemenea programul prevedea dinamizarea prezenței Republicii Moldova în viața spirituală a Comunității Internaționale, intensificarea contactelor cu UNESCO, Uniunea Latină şi Mişcarea Francofonă[13].

---

[11] *A se vedea: Concepția politicii externe a Republiciii Moldova (direcții principale de activitate) din 8 februarie 1995. N368-III. // Monitorul Oficial, N4, martie 1995.*

[12] *A se vedea: Garaz M. Integrarea Republicii Moldova în familia democrațiilor europene. // Moldova şi Lumea, N4, 2001, p.5.*

[13] *A se vedea: Moldova şi integrarea Europeană, p.14; Hotărîrea cu privire la programul de activitate a Guvernului Republicii Moldova pentru perioada ianuarie*

Venind în contradicție cu programul de activitate, autoritățile de la Chişinău adresează Uniunii mesaje care exprimă dorința statului de a obține statutul de membru asociat către anul 2002 şi solicită semnarea Acordului de Asociere la UE. Derularea dialogului politic a scos în evidență nuanțarea discursului proeuropean al autorităților chişinăuene în vederea integrării graduale a Moldovei în UE. În acest sens merită atenție mesajul din 13 decembrie 1996 al d-lui P.Lucinschi, preşedintele Republicii Moldova, adresat d-lui Jacques Santer, preşedintele Comisiei Europene, în care, pentru prima dată a fost exprimată oficial ideia asocierii Republicii Moldova la Uniunea Europeană către anul 2000.

În condiții absolut noi, ca rezultat al alegerilor din martie 1998, guvernul Ciubuc II, pentru prima dată în programul său de activitate pentru anii 1998-2001 manifestă interes pentru UE. Integrarea țării în Uniunea Europeană devine unul din obiectivele strategice ale politicii externe a Republicii Moldova. Această orientare era determinată de factorii obiectivi ai edificării unui stat democratic şi prosper, bazat pe economia de piață şi angajarea în Spațiul European de Securitate şi Stabilitate[14].

Se observă o turnură radicală a interesului național vis-à-vis de politica externă a Republicii Moldova, se schimbă accentele, inclusiv în cadrul relațiilor Moldova-CSI, acordîndu-se prioritate relațiilor bilaterale între țările membre a CSI.

Intrarea în vigoare la 1 iulie 1998 a Acordului de Parteneriat şi Cooperare (APC) a permis Republicii Moldova să-şi extindă aria relațiilor cu UE. APC vine să consacre Republica Moldova în calitate de partener direct al Uniunii Europene. Obiectivele acestui parteneriat sunt:

- asigurarea unui cadru corespunzător dialogului politic între părți, care ar permite dezvoltarea unor relații politice mai eficiente;
- promovarea comerțului şi investițiilor, precum şi a relațiilor economice armonioase între părți pentru a încuraja astfel dezvoltarea lor economică durabilă;
- asigurarea bazei pentru colaborarea în domeniul legislativ, economic, social, financiar şi cultural;

1997 - martie 1998. N.30 din 5 februarie 1997. // Monitorul Oficial, N13-14 din 27 februarie 1997.

[14] *A se vedea: Hotărîrea cu privire la programul de activitate a Guvernului Republicii Moldova pentru anii 1998-2001. N523 din 4 iunie 1998. // Monitorul Oficial, N54-55 din 18 iunie 1998.*

[15] *A se vedea: Tratate internaționale la care Republica Moldova este parte. – Chişinău: Moldpres, 1999, V.10, art.1, p.130.*

➢ susținerea eforturilor Republicii Moldova de consolidare a democrației, de dezvoltare a economiei şi de finalizare a tranziției sale la economia de piață[15].

Însă examinînd cu atenție acest document, se poate afirma că el nu conține o finalitate clară a acestor raporturi, accentul fiind pus doar pe dimensiunea de cooperare, şi nu pe cea de integrare progresivă a Republicii Moldova în Uniunea Europeană. Însă cu toate acestea, intrarea în vigoare a APC, a permis extinderea pe teritoriul Moldovei a programului Asistență Tehnică Noilor State Independente (TACIS), şi PHARE, care sunt unele din principalele instrumente create de către UE în vederea dezvoltării unor relații strînse economice şi politice cu Noile State Independente. Aceste programe vor contribui la armonizarea legislației, standardelor, transportului, la dezvoltarea sectorului privat, a micilor întreprinderi, a resurselor umane.

De asemenea vor promova cooperarea industrială, vamală, socială, în domeniile educației şi instruirii profesionale. Implementarea acestor programe în viața social-politică a țării a dus la aderarea Republicii Moldova la Organizația Mondială a Comerțului. La 8 mai 2001 ea devine cel de-al 142-lea membru. În acest context Moldova a avansat mult la liberalizarea comerțului, investițiilor străine. Totuşi, racordarea legislației moldave la standardele europene se află încă în faza incipientă[16].

Un pas important în sensul statornicirii relațiilor Republicii Moldova cu structurile europene, a fost crearea, în ianuarie 1998 a Direcției „Integrare Europeană" în cadrul Ministerului Afacerilor Externe, prin ordinul ex-ministrului N.Tăbăcaru[17].

Un alt eveniment realizat în scopul ameliorării relațiilor dintre Uniune şi Republica Moldova a fost acceptarea acesteia din urmă la 28 iunie 2001 în calitate de membru cu drepturi depline la Pactul de Stabilitate pentru Europa de Sud-Est. Interesul Republicii Moldova față de Pactul de Stabilitate este determinat, în primul rînd, de avantajele pe care acesta le oferă în scopul soluționării problemelor stringente cu care se confruntă Moldova, dar mai cu seamă, de perspectiva clară de integrare în Uniunea Europeană, pe care el o deschide țărilor din Europa de Sud-Est.

Evoluția politicii externe, în special a interesului politic național a culminat odată cu formarea Guvernului Sturza, constituind baza unui nou „algoritm

---

[15] *A se vedea: Tratate internaționale la care Republica Moldova este parte. – Chişinău: Moldpres, 1999, V.10, art.1, p.130.*

[16] *A se vedea: Moldova şi Integrarea Europeană, p.57; Бутучану Б. Молдова вступила в ВТО. // Moldova şi Lumea, 2000, N3, p.4.*

[17] *A se vedea: Poloz V., Buga O. Particularitățile regionale de dezvoltare economică a Republicii Moldova. – Chişinău: Universitatea de Stat din Tiraspol, 1999, p.50.*

politic” proeuropean. Programul de activitate pentru anii 1999-2002 este canalizat spre o singură direcţie - integrarea europeană. Integrarea ţării în UE devine obiectivul strategic al politicii externe a Republicii Moldova. În scopul realizării acestui obiectiv, Guvernul îşi propunea să elaboreze şi să realizeze strategia naţională de integrare în UE, să implementeze cu stricteţe prevederile Acordului de Parteneriat şi Cooperare. Un alt obiectiv major era intensificarea demersurilor politico-diplomatice în favoarea demarării negocierilor privind asocierea Republicii Moldova la UE, încheierea unui Acord de Liber Schimb între Republica Moldova şi Uniunea Europeană şi obţinerea din partea UE a unui regim de vize, favorabil pentru cetăţenii Republicii Moldova. În scopul promovării unei politici guvernamentale coerente de integrare în UE, Republica Moldova îşi propunea să urmeze cu stricteţe ca angajamentele asumate pe plan extern să nu contravină exigenţelor UE pentru ţările aspirante la integrare[18].

Programul instituţiei executive trasa o serie de repere şi în domeniul cooperării multilaterale. Republica Moldova intenţiona să imprime un conţinut concret participării sale la activităţile ONU, OSCE şi ale Consiliului Europei, tinzînd să devină prin participarea la operaţiunile de menţinere a păcii, desfăşurate sub egida ONU, şi prin cooperare la programul „Parteneriatul pentru Pace” patronat de Alianţa Nord-Atlantică nu un „consumator”, ci un „furnizor de securitate”. În acelaşi timp guvernul Sturza îşi propunea să diversifice relaţiile economico-comerciale în cadrul CSI, punînd accentul pe aspectul bilateral al acestor raporturi. Relaţiile cu CSI rămîneau un domeniu important de activitate, dar nu mai erau o prioritate absolută a politicii externe. Cursul politicii externe care tindea să rupă cu schemele anchilozate ale „concepţiei” din 1995, urma să fie validat prin acţiuni şi realizări concrete, pentru a nu rămîne doar o simplă declaraţie de intenţii[19].

Demiterea cabinetului Sturza (noiembrie 1999), care s-a dovedit a fi cel mai proeuropean, şi venirea Guvernului Braghiş, din nou schimbă, în mod radical, orientarea politicii externe a statului. Problema integrării europene este neglijată. Spre deosebire de predecesorul său, noul Guvern consideră că UE nu prezintă un cadru de stabilitate şi securitate, interesul naţional al Moldovei este din nou reorientat spre CSI. În scopul asigurării intereselor economice ale ţării, Guvernul în cauză intenţiona să susţină eforturile orientate spre aprofundarea şi diversificarea relaţiilor derulate în cadrul Comunităţii Statelor

---

[18] A se vedea: Hotărîrea cu privire la programul de activitate a Guvernului Republicii Moldova pentru anii 1999-2002 ”Supremaţia legii, Revitalizare economică, integrare europeană”. N270 din 8 aprilie 1999. // Monitorul Oficial, N39-41 din 22 aprilie 1999, p.52-53.

[19] A se vedea: Cojocaru Gh. E. Op. cit., p.119-121.

Independente în domeniul economico-comercial, în special pe plan bilateral[20].

Pe de o parte, orientarea spre CSI, iar pe de altă parte tendința de a se integra în UE, fac ca politica ambiguă dusă de Guvernul Braghiş să trezească suspiciuni din partea UE. Desigur, schimbările atît de radicale în perioade mici nu pot crea o atmosferă de credibilitate atît față de politica externă, în general, cît şi față de doleanța noastră de a ne integra în Uniunea Europeană, în particular.

Noua orientare politică a actualului Guvern Tarlev merită atenție. Deşi „programul de guvernare" n-a fost aprobat de către Parlamentul Republicii, el poate fi considerat mai „revoluționar" şi mai coerent decît programul Guvernului Braghiş. Astfel, proiectul programului de activitate a Guvernului Republicii Moldova, care nu a fost aprobat, „stabilitate, redresare economică, securitate socială" la capitolul „Integrarea Europeană a Republicii Moldova" se stipulează că în scopul realizării obiectivului de integrare, Guvernul va elabora strategii naționale care ar facilita integrarea sa în UE.

De asemenea executivul Republicii Moldova va depune toate eforturile pentru eficientizarea activității Comitetului Interministerial pentru Integrare Europeană, racordarea actelor normative naționale la exigențele comunitare; crearea Departamentului Integrare Europeană; implementarea cu strictețe a prevederilor Acordului de Parteneriat şi Cooperare. De asemenea Republica Moldova va intensifica demersurile politico-diplomatice pentru demararea negocierilor privind asocierea Republicii Moldova la Uniunea Europeană[21].

Actualul Preşedinte, V.Voronin în alocuțiunea sa rostită la Conferința Europeană de la Atena din 16-17 aprilie 2003 menționa că integrarea europeană a devenit o politică de stat prioritară atît pe plan intern, cît şi pe plan extern, iar orientarea externă este pentru noi nu doar un proces de revenire la cultura şi civilizația europeană, dar şi un proces de racordare la standardele şi normele politico-economice europene[22].

În opinia sa promovarea şi menținerea vectorului integrării europene în politica externă a Republicii Moldova constituie prioritatea absolută a cursului ireversibil al actualei guvernări. Timpul lozincilor democratice şi proeuropene a trecut. A sosit timpul relizării efective a democrației şi a opiniei europene. Anul 2004 urmează să devină pentru țara noastră anul stabilirii temeliei

---

[20] *A se vedea: Hotărîrea cu privire la programul de activitate a Guvernului Republicii Moldova „Legalitate, Consolidare şi Reforme - întru Bunăstarea Națiunii". N20 din 11 ianuarie 2000. // Monitorul Oficial. N5-7, 13 ianuarie 2000.*

[21] *A se vedea: Moldova şi integrarea Europeană, p.26.*

[22] *A se vedea: Discursul D-lui Voronin, preşedintele Republicii Moldova la Conferința Europeană de la Atena. // „Moldova Suverană", 2003, 18 aprilie.*

instituționale şi legislative a reformelor şi transformărilor structurale în sferele politică, economică, socială şi umanitară al conectării la politice europene şi a armonizării legislative la standardele europene. Şeful statului a accentuat că integrarea în UE nu este un scop în sine, ea urmăreşte avansarea spre valorile şi standardele europene, economice, democratice şi sociale[23].

Nu mai puțin importantă pentru statul nostru este decizia cu privire la adoptarea unui Plan Individual de Acțiuni dintre Moldova şi Uniunea Europeană care a fost adoptată la finele anului 2003, în timpul vizitei comisarului european pentru extindere Gunter Verheugen. Începutul anului 2004 este promițător. Negocierile purtate asupra Planului de Acțiuni dintre Andrei Stratan, prim-vice ministru al Afacerilor Externe al Republicii Moldova şi Mingarelli Hugues, şeful Direcției Generale pentru Relații Externe a Comisiei Europene sunt destul de fructuoase. Republica Moldova insistă asupra încheierii în contextul Planului a unui Acord cu UE privind comerțul asimetric şi libertatea de circulație a mărfurilor şi persoanelor în spațiul european.

O mare importanță în raționalizarea integtării europene este proiectul documentului „Concepția politicii externe a Republicii Moldova” (redacția nouă nu a fost deocamdată aprobată) prezintă integrarea europeană drept un obiectiv strategic al interesului național. În condițiile în care noua ordine mondială se configurează în jurul marilor poli de putere, este evident că, Republica Moldova nu poate rămîne în afara lor, devenind vitală necesitatea orientării şi integrării sale într-unul din aceşti poli pentru a-şi asigura perspectivele dezvoltării şi securitatea națională. Pentru Republica Moldova acest pol îl constituie Uniunea Europeană, a cărei pondere politică şi economică este incontestabilă.

Conform criteriilor geografice şi istorice, Republica Moldova este o țară de tradiție şi cultură europeană şi, prin urmare, integrarea într-un spațiu european este un obiectiv natural, iar Moldova nu poate să rămînă izolată şi nici să se opună acestui proces. Prin aderarea sa la UE, Republica Moldova îşi va consolida stabilitatea sa inclusiv independența şi suveranitatea, integritatea teritorială şi securitatea națională, tradițiile, limba şi identitatea culturală. Avînd o orientare clară europeană, Republica Moldova va atrage investițiile străine, care rămîn o componentă decisivă în creşterea economică a țării[24].

---

[23] *A se vedea: Vectorul politicii externe moldoveneşti este integrarea europeană. // „Moldova Suverană”, 2004, 28 ianuarie; Voronin V. A venit timpul relizării efective a democrației şi obțiunii europene. // „Moldova Suverană”, 2003, 30 decembrie.*

[24] *A se vedea: Proiectul cu privire la Concepția Politicii Externe a Republicii Moldova (redacție nouă). // „Moldova Suverană”, 2002, 1 mai.*

Datoria principală a fiecărui guvern este considerată a fi păstrarea interesului național, a interesului poporului pe care îl conduce şi pe care îl reprezintă. Interesul național în viziunea lui Hans Morgenthau este un „sîmbure tare” prezent în orice împrejurare şi un înveliş format din elemente variabile ce se modifică în funcție de împrejurările istorice concrete. „Sîmburile tare” al interesului național constă în păstrarea identității politice şi culturale ale unei națiuni şi se racordă la asigurarea independenței naționale, la conservarea integrității teritoriale şi la păstrarea ordinii şi echilibrului intern.

Reinterpretarea interesului național în fiecare etapă a dezvoltării unui stat este inevitabilă datorită mobilității relațiilor internaționale şi modificării balanței raporturilor de forță. Doar situarea pe pozițiile realismului politic este cea mai eficace cale spre comprenhensiunea interesului unui stat[25].

Interesul național al Republicii Moldova, ca şi cel al statelor fost socialiste, cunoaşte o dinamică deosebită. Lipsa unei baze economice, sociale, politice, culturale adecvată, condițiile de criză socială îndelungată, transformările cvasidemocratice şi situațiile de “democratizare falsă” şi de “regres autoritar”, nu pot asigura necesarul de integritate al interesului național.

Indiscutabil, alegerea viitorului nu este un lucru uşor. Este adevărat că Republica Moldova nu poate fi considerată drept candidat la integrarea în Uniunea Europeană. Nu rareori analiştii din Occident au afirmat că, chiar dacă UE s-ar extinde spre Est, şi România ar fi admisă în această organizație, Republica Moldova şi-n acest caz n-ar atinge nivelul de dezvoltare pentru includerea acesteia în lista statelor candidate.

Transferul hotarelor Uniunii Europene spre Prut, i-ar aduce în vecinătate un stat amenințat de insecuritate în regiune. Drept amenințare a securității care vine din partea Republicii Moldova pot fi enumerate în primul rînd, problema transnistreană, care pînă în prezent rămîne a fi nesoluționată, instabilitatea politică (schimbările poziției politice a majorității parlamentare şi a conducerii de la Chişinău), criza economică, nivelul înalt de corupție al societății şi statului, controlul neadecvat al hotarelor, instabilitatea relațiilor cu vecinii, cît şi lipsa unor acorduri de bază cu Ucraina şi România. Obstacol în calea integrării Republicii Moldova în Uniune este şi situația tensionată din Găgăuzia, intensificarea problemelor cum ar fi înrăutățirea asistenței medicale şi calitatea alimentării, creşterea decalajului dintre venituri şi cheltuieli, micşorarea numărului populației.

Nici într-un stat din fostele republici unionale în locul sistemului monopartidist nu s-a creat un sistem pluripartidist bine închegat. Dominant este

---

[25] *A se vedea: Wight M. Politica de putere.– Chişinău: APC, 1998, p.103: Tămaş S. Geopolitica. – Bucureşti: Noua Alternativă, 1995, p.169.*

modelul în care poziția cheie o ocupă preşedintele, iar sistemul legislativ e încă slab. Regulile electorale reprezintă doar o posibilitate formală a alegerilor, organizarea cărora este în aşa mod, încît regimul tot timpul deține o uşoară victorie, grație controlului asupra mass-media şi sistemului administrativ.

Vizitele oficiale, declarațiile sau inițiativele politicienilor noştri referitoare la UE, în mod paradoxal pot fi diametral opuse ca mesaj. Ex-preşedinții Moldovei Mircea Snegur şi Petru Lucinschi, deputații parlamentului şi Prim-minişrii nu odată afirmă că interesul național al țării este de-a se integra în Uniunea Europeană, şi că acesta este unul din punctele strategice ale politicii externe, dar în acelaşi timp se consideră că Moldova nu poate ignora relațiile cu CSI, de care depinde în mare măsură. Este adevărat că Republica Moldova nu poate părăsi CSI-ul, dar nu din cauza dependenței economice față de CSI, dar din cauza dependenței economice, şi implicit politice față de Federația Rusă.

Republica Moldova tinde să se integreze în Uniunea Europeană fără a exclude din discursul politic şi ideia de colaborare în cadrul CSI. În realitate, însă, interesul național oscilează între CSI şi UE, cu preponderență către spațiul Euro-Asiatic, al aşa numitei Comunități de State Independente[26]. La fel este adevărat şi faptul că, standartele economice ale Moldovei nu pot fi comparate cu cele ale UE, dar este greşit să motivăm inefeciența încercărilor noastre de integrare în UE prin probleme de ordin economic.

Alături de celelalte state din Europa de Sud-Est, Republica Moldova depune eforturi tot mai mari şi consecvente în vederea formării unui spațiu politic, economic şi de securitate comun şi a avansării împreună pe calea integrării europene. Uniunea Europeană ar trebui să sprijine statul nostru în eforturile sale de a se conecta la toate programele, inițiativele şi strategiile sale, şi să nu o discrimineze la momentul în care va corespunde criteriilor de asociere, iar apoi şi celor de aderare la Uniune.

---

[26] *vezi: Serebrean O. Politosfera. – Chişinău:"Cartier, 2001, p.186; Chirică S.I. Basarabia. Lupta continuă. – Chişinău: ARC, 1997, p.81.*

"РАСШИРЕННАЯ ЕВРОПА – СОСЕДСТВО: РАЗНЫЕ СТРАНЫ, ОБЩИЕ ИНТЕРЕСЫ" (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЕВРОПЕЙСКОГО ВЕКТОРА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА)"[175]

Андрей ЕРМОЛОВИЧ
Республика Беларусь, Минск
Посольство Республики Беларусь
в Республике Молдова,
Советник

Евгений БУРДЕЛЬНЫЙ
Республика Молдова, Кишинев
Молдавский государственный университет,
Кафедра международных отношений,
преподаватель, докторант,
магистр политических наук

Стремительный процесс расширения Европы прямо или косвенно затронул практически каждого индивида, проживающего в рамках географического пространства, именуемого «Европа». Однако, как бы парадоксально это не звучало, географические рамки этого понятия на сегодняшний день не совпадают с политическим пониманием этого явления. Процессы расширения выдвигают новые вопросы, ответы на которые способны дать адекватный ответ на вызовы и провокации текущего европейского развития: «Что такое "Новая Европа"?», «Как "далеко" та или иная страна от Страсбурга или Брюсселя?», «Что же является реальной движущей силой европейской интеграции?», «Какая должна быть формула диалога между этими странами и ЕС?».

Оказалось, что рядовые жители, например, Молдовы или Беларуси, воспринимают по-иному понятие «Европы», нежели граждане Франции или Нидерландов[176]. Все это предопределило понимание того, что Европейский Союз нуждается в особенных подходах к своим непосредственным «соседям» - Беларуси, Украине, Молдове и России в зависимости от национальной специфики каждого из этих государств.

---

[175] *Рецензент – доктор политических наук Чезар Мынэскуртэ.*

[176] *Anderson P.J., Wiessala G., Williams C. New Europe in Transition. – London – New-York, 2000, p.230*

Сравнительный анализ опыта и перспектив европейской интеграции Республики Молдова и Республики Беларусь представляет особенный интерес, принимая во внимание единое историческое прошлое, относительную географическую близость, общность внешнеполитических приоритетов, схожесть проблем переходного периода этих стран. Вместе с тем, в силу объективных условий, существует достаточно очевидная различность акцентов и плоскостей европейского измерения внешней политики этих постсоветских государств.

Политические шаги Республики Молдова в сторону Европейского сообщества действительно впечатляют: в 1991 году уже в первый год своей независимости Республика Молдова устанавливает контакты с Европейским Союзом, получая техническую помощь в 1,1 млн. долл. США; в 1992 году Молдова становится членом Европейского Банка Реконструкции и развития; в 1993 – миссия ОБСЕ начинает свою работу в республике; в 1994 году между Республикой Молдова и ЕС подписано Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (PCA), который вступает в силу в 1998 году; в 1995 году Республику Молдову практически первой из стран СНГ принимают в состав Совета Европы; в 1999 году МИД Молдовы разрабатывает «Стратегию Республики Молдова для вступления в Европейский Союз»[177]. Кроме того, взаимоотношения с Европейским Союзом следует рассматривать в контексте активного участия Республики Молдова в региональных инициативах Пакта Стабильности для Юго-Восточной Европы и Процесса Сотрудничества в Юго-Восточной Европе.

В январе 2002 года Правительство Молдовы утвердило Программу социально-экономического развития республики до 2005 года, в которой участие страны в процессах европейской интеграции отнесено к разряду первоочередных.[178] В июне 2002 года после саммита президентов стран Центральной и Восточной Европы (Любляна) Президент Молдовы В.Воронин заявил: «Настало время покончить с декларациями о присоединении к Европейскому Собзу, надо переходить к делу. Только конкретными действиями мы сможем достичь этой цели».[179]

5 июня 2003 года Европейский Парламент принимает резолюцию, согласно которой призывает структурные подразделения Европейского

---

[177] *Гудым А. Как далеко Молдова от Брюсселя? // Moldova între Est şi Vest. Identitatea naţională şi orientarea europeană. - Chişinău, 2001, p.89*

[178] *Гудым А. Республика Молдова и Европейский Союз как партнеры. – Кишинев, 2002, с.20.*

[179] *Президент готов к европейской интеграции. Обращение Президента Республики Молдова В.Воронина. // «Экономическое обозрение», 2002, 7 июня.*

Союза изучить возможность включения Молдовы в Процесс Стабилизации и Ассоциации. В августе 2003 года молдавское государство объективно закрепляет вектор европейской интеграции государства в «Концепции европейской интеграции Республики Молдова», принимая во внимание очевидные выгоды присоединения к единому европейскому пространству, которые могут в сжатые сроки решить все основные проблемы переходного периода страны.

Преимущества «европейского» уровня жизни и «европейские» перспективы государственного развития уже непосредственно ощутили на себе несколько сотен тысяч молдаван, постоянно или временно незаконно (в редких случаях законно) проживающих и работающих в странах Европейского Союза, и ежегодно пересылающих на Родину около 500 млн. долл. США. Объективно очевидна та последовательность и серьезность устремлений, с которыми нынешнее руководство страны идет к достижению поставленных целей. Экзамен по исполнению функций председателя Совета Министров Совета Европы Республикой Молдова в 2003 году прошел без всяких проволочек и был сдан на «отлично», что позволило республике набрать дополнительные очки в процессе европейской интеграции.

По мнению бывшего министра иностранных дел Н.Дудэу, «интеграция в Европейский Союз является уже национальной стратегией… Республика Молдова очень заинтересована, и в тоже самое время, осознает условия присоединения к Европейскому Союзу, и важность Копенгагенских критериев».[180] Нынешний министр иностранных дел Республики Молдова А.Стратан подтвердил, что утверждение, что «Республика Молдова находится на пути в Европейский Союз» становится все большей реальностью.[181] Европейская интеграция составляет приоритетную стратегическую задачу Республики Молдова, выражает главные национальные интересы, воплощение которых будет облегчено и стимулировано принадлежностью Республики Молдова единому Европейскому пространству.[182]

Ведущая роль по координированию и осуществлению действий по евроинтеграции молдавского государства отводится не так давно созданному департаменту европейской интеграции при министерстве иностранных дел. Действия, которые предпримет Республика Молдова для осуществления стратегической цели присоединения к Европейскому Союзу, будут отражены в Национальной Стратегии Европейской Интег-

[180] *Moldova într-o Europă multi-nivelară. – Kiev: FES, 2003, p.5*
[181] *Там же*
[182] *Там же*

рации и Плане Действий «Республика Молдова – Европейский Союз».[183]

Усилия руководства Республики Молдова по интеграции в Европейский Союз имеют прочную социальную базу: согласно результатам недавно проведенного социологического опроса, более 70% опрошенного населения республики высказалось за европейский вектор молдавской внешней политики. Позитивные сдвиги в сторону Европейского Союза ощущаются и в сфере внешнеэкономических связей Республики Молдова. На протяжении 2003 года объемы внешней торговли выросли на 29%, причем рост экспорта в страны Европейского Союза составил примерно 29%, в страны Юго-Восточной Европы – 41%.[184]

Республика Беларусь также в планировании и реализации своей внешней политики в качестве одной из важнейших перспектив видит интеграцию в европейские структуры. В августе 1992 года между республикой и Европейским союзом были установлены дипломатические отношения. В последовавший за этим период взаимодействие двух сторон поступательно развивалось. Начиная с 1991 года в Республике Беларусь было реализовано более 200 проектов ТАСИС совокупным бюджетом более 150 млн. евро.

6 марта 1995 года в ходе визита Президента Республики Беларусь в Брюссель было подписано Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Европейским Союзом (СПС), определившее основные приоритеты взаимоотношений Беларуси и Европейского Союза.

Среди них: создание институциональной основы для политического диалога между сторонами, позволяющей развивать политические отношения; содействие взаимовыгодной торговле и вложению инвестиций, а также гармоничным экономическим отношениям между сторонами, и, таким образом, содействие их стабильному экономическому развитию; обеспечение прочной основы для законодательного, экономического, социального, финансового, научно-технического и культурного сотрудничества; поддержка усилий Республики Беларусь по укреплению демократии и развитию экономики, а также завершению перехода к рыночной экономике.

В результате противоречий между Евросоюзом и руководством Беларуси (возникших в результате непризнания рядом западных государств результатов проведенного в республике всенародного референ-

---

[183] *Там же, с.6*

[184] *Nota informativă privind comerţul exterior al Republicii Moldova cu ţările Uniunii Europene în anul 2003. – Ministerul Economiei, ianuarie 2004*

дума по реформированию политической системы государства) СПС ратифицировали только парламенты восьми государств-членов ЕС (Дания, Испания, Ирландия, Великобритания, Швеция, Греция, Австрия и Италия). 15 сентября 1997 года Совет Европейского Союза принял решение существенно ограничить политический диалог с Беларусью и значительно сократить объемы технической помощи, предоставляемой стране по линии программы ТАСИС.

Однако в связи с открытием в Беларуси Офиса ОБСЕ и восстановлением полномочий Национального собрания Республики Беларусь в Парламентской Ассамблее ОБСЕ в 2003 году наметились реальные предпосылки для размораживания диалога с Евросоюзом. Обеими сторонами изучаются перспективы нормализации отношений и активизации взаимодействия с учетом возможностей, открывающихся в свете предстоящего расширения Европейского Союза.[185]

Таким образом, очевидно, что внешнеполитические доктрины как Республики Молдова, так и Республики Беларусь в качестве важнейшей составляющей внешнеполитической деятельности своих государств включают интеграцию в Европейский Союз. Вместе с тем, реализация на практике этих доктринальных положений встречает, равно как у Молдовы, так и у Беларуси, определенные препятствия, связанные как с несоответствием реального положения дел в этих государствах (будь то в сфере политики, или в сфере экономики) выдвигаемым Евросоюзом требованиям и стандартам, так и стремлением постсоветских государств (это хорошо видно на примере Беларуси) не упустить свои реальные экономические интересы, которые могут быть некоторым образом ущемлены при интеграции в Европейский Союз.

Рассмотрим эти обстоятельства подробнее.

Следует помнить, что присоединение к Европейскому Союзу требует исполнения так называемых Копенгагенских критериев, которые предполагают установление истинной демократии, защиту прав национальных меньшинств, создание правового государства, формирование свободного и конкурентоспособного экономического рынка в рамках единой Европы, а также выполнение обязательств, которые проистекают из статуса члена Европейского Союза.[186]

По мнению многих независимых экспертов, развитие плодотворного диалога со структурами объединенной Европы будет во многом за-

---

[185] *http://www.mfa.gov.by/rus/index.php?d=policy/multicoop&id=6*

[186] *Kempe I. Consecințele extinderii Uniunii Europene asupra Republicii Moldova. // Moldova între Est şi Vest. Identitatea națională şi orientarea europeană. – Chişinău, 2001, p.101*

висеть от эффективности использования внутреннего потенциала страны и осуществления реформ, соответствия европейским стандартам, развития политической воли и возможности ответить на вызовы и, не в последнюю роль, участия и мобилизации гражданского общества в поддержке идеи интеграции в Европейский Союз.[187]

В этом контексте для Республики Молдова становится очевидным, что основным препятствием, значительно затрудняющим движение государства в сторону Европейского Союза является, прежде всего, неразрешенная приднестровская проблема. Если до последнего времени опасность этой проблемы Европа связывала с запасами российского вооружения, складировавшегося на территории Приднестровья, то теперь международная общественность обеспокоена тем, что власти Приднестровья бесконтрольно и тайно производят и перепродают оружие некоторым авторитарным режимам Ближнего Востока и Малой Азии.[188] Разработанный и предложенный российской стороной Меморандум по урегулирования приднестровской проблемы в конце ноября 2003 года оказался неприемлемым для официального Кишинева в силу ряда юридических неточностей и недоработок, что, по мнению руководства Республики Молдова, могло бы привести к неэффективности деятельности Федерального Парламента, создание которого предусматривалось положениям данного Меморандума.

Таким образом, на данный момент официальными лицами разрешение этой проблемы представляется приемлемым в пятистороннем формате (Кишинев, Тирасполь, Россия, Украина, ОБСЕ), а также более активном участии Европейского Союза. С другой стороны, явная асимметрия на сегодняшний день в уровне развития экономик стран Европейского Союза и стран, становящихся полноправными членами Европейского Союза в мае 2004 года, с одной стороны, и Республики Молдова, с другой стороны, не может не вызывать озабоченности молдавских властей. Так, согласно официальному определению европейских экспертов, Республика Молдова пока остается самой бедной страной по уровню ВВП на душу населения в зоне непосредственного соседства с Европейским Союзом, в то время как уровень развития ВВП таких государств,

---

[187] *Moldova într-o Europă multi-nivelară. –Kiev: FES, 2003, p.7*

[188] *Скворцова А. Республика Молдова - ЕС: возможна ли взаимность? // Moldova între Est şi Vest. Identitatea naţională şi orientarea europeană. - Chişinău, 2001, p.189*

как Беларусь, Египт, Марокко или Сирия превышает молдавский показатель примерно в 3-4 раза.[189]

Многие в Молдове полагают, что именно присоединение к Европейскому Союзу имело бы позитивное влияние на экономическое развитие стран кандидатов. Страны кандидаты обязуются и заинтересованы в том, чтобы привести свое законодательство в соответствие с европейскими, что, будучи сопровождаемым поддержкой программами Европейского Союза, благоприятно сказывается на разрешении возможных экономических или социально-политических проблем.

Благодаря своему геополитическому положению, Беларусь уже сегодня реально «включена» и «встроена» в проблематику Евросоюза, не будучи его членом. Беларусь вносит практический вклад в поддержание политической, экономической, межэтнической стабильности в региональном и общеевропейском масштабах, обеспечивает бесперебойное функционирование ключевых транспортных и энергетических магистралей, способствует сдерживанию нелегальных миграционных потоков и трансграничного криминала. И хотя политические ограничения Европейского Союза не позволяют Беларуси в полной мере участвовать в интеграционных процессах, существует ряд направлений “соседства”, в которых страна участвует независимо от формальной стороны вопроса.

Однако в Беларуси (как в стране с немалым промышленным потенциалом) не забывают и о возможных вызовах предстоящего расширения Европейского Союза. Прежде всего, негативные последствия принятия решения о расширении Европейского Союза уже сказываются на двусторонних связях Беларуси со странами Центральной и Восточной Европы. Некоторые расторгают торгово-экономические соглашения, что чревато возникновением “правового вакуума” в этих отношениях. Одновременно они присоединяются к ограничительным мерам Европейского Союза, касающимся некоторых наиболее чувствительных позиций белорусского экспорта.

В частности, из-за количественных ограничений Европейского Союза возникнут проблемы с экспортом в страны Центральной и Восточной Европы и Балтии белорусских текстильных изделий. Введение странами-кандидатами антидемпинговых пошлин приведет к существенному сокращению поставок из Беларуси на европейский рынок хлорида калия, карбамидно-аммиачных смесей, полиэфирных волокон и

---

[189] *Communication from the Commission to the Council and the European Parliament: "Wider Europe - Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbors", Brussels, 11 march 2003, COM(2003) 104 final. http://www.europa.eu.int/comm/external_relations/we/doc/com03_104_en.pdf*

жгута. В общей сложности расширение Европейского Союза, по предварительным оценкам, способно повлечь за собой сокращение внешнеторгового оборота Беларуси более чем на 100 млн. долларов США.

Ужесточение технических стандартов и требований может существенно затруднить экспорт некоторой белорусской машинотехнической продукции, не соответствующей принятым в Европейского Союза параметрам экологической чистоты, энергопотребления и безопасности, а также привести к снижению объемов транспортных услуг, оказываемых белорусскими перевозчиками. Ярким примером тому является введение Евросоюзом с 1 апреля 2002 года ограничений на полеты в страны-члены воздушных судов с шумовыми характеристиками, не соответствующими стандартам главы 3 приложения 16 Чикагской конвенции о международной гражданской авиации. Под данную категорию подпадает около 85% самолетов парка гражданской авиации Беларуси.

Еще одним вызовом расширения являются визовые барьеры, препятствующие трансграничным контактам и дальнейшему развитию деловых, культурных, родственных связей между новыми странами-членами Европейского Союза и их соседями. Несмотря на то, что политика "большой Европы" частично отвечает на вызовы расширения Европейского Союза, белорусская сторона полагает, что Брюссель не до конца проработал условия возмещения ущерба от расширения соседним странам.

Если суммировать позицию белорусской стороны, то Минск «нуждается в прагматичном и инклюзивном "соседстве", которое должно сделать само понятие "разделительные линии в Европе" достоянием истории».[190]

11 марта 2003 года Европейский Союз, посредством Европейской Комиссии, официально озвучивает свою новую политику в отношении соседних государств – «Расширенная Европа – Соседство: новые рамки взаимоотношений с нашими восточными и южными соседями», которая стремится «к избежанию новых разделительных линий в Европе и продвижению стабильности и процветания в рамках и за пределами новых границ Союза». Кроме того, эта концепция подчеркивает, что «расширение послужит укреплению отношений с Россией, …Украиной, Молдовой и Беларусью … на основе долгосрочного подхода, продвигающего реформы, устойчивое развитие и торговлю…. Целью Европейского

[190] *Беларусь за единую и равноправную Европу. Интервью с заместителем Директора Департамента Европы МИД Республики Беларусь Валерием Ромашко. // «Белорусский рынок», №3(587), 2004, 26 января - 2 февраля.*

Союза является развитие зоны процветания и доброжелательного соседства»[191].

Следует отметить, что данная концепция не предвидит прямой возможности присоединения к Европейскому Союзу, а только лишь углубление взаимоотношений посредством разработки «плана действий» между Европейским Союзом и каждой отдельно взятой страной. Не вызывает сомнений то, что для Республики Молдова «Расширенная Европа - Соседство» означает дополнительный импульс и шаг навстречу интеграции в Европейский Союз. Среди наиболее очевидных преимуществ новой политики Европейского Союза в отношении своих восточных соседей можно назвать то, что концепция оговаривает, что существуют долгосрочные возможности для того, чтобы соседи воспользовались так называемыми четырьмя свободами (свобода передвижения товаров, услуг, капиталов и лиц), которые находятся в основе «единого рынка».

Таким образом, концепция «Расширенная Европа - Соседство» акцентирует внимание на том, что «в качестве ответа на конкретный прогресс в области общих ценностей и эффективного осуществления политических, экономических и институциональных реформ … страны, расположенные по соседству с Европейским Союзом имели бы перспективы более тесной экономической интеграции с Европейским Союзом»[192].

С другой стороны, ожидается расширение распространения мандата Европейского Банка Инвестиций на страны – соседи с Европейским Союзом, а также запуск с 2007 года нового финансового «соседского» инструмента. Страны Европейского Союза объявляют также о том, что впредь намереваются проводить более активную политику в отношении регламентирования Приднестровской проблемы, постконфликтной реконструкции и участия в обеспечении внутренней безопасности государства. В этой связи, политическое участие Европейского Союза в разрешении конфликта, а также финансовая помощь в обеспечении действенного функционирования переговорного механизма и системы гарантий, способствовало бы, безусловно, нахождению взаимно приемлемого механизма.

Однако, объективный анализ политики «Расширенная Европа – Соседство» поднимает некоторые вопросы, нахождение адекватных ответов на которые на данный момент достаточно затруднительно. Тот факт,

---

[191] *Communication from the Commission to the Council and the European Parliament: "Wider Europe - Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours", Brussels, 11 march 2003, COM(2003) 104 final. http://www.europa.eu.int/comm/external_relations/we/doc/com03_104_en.pdf*

[192] *Там же*

что термин «Соседство» включает в себя такие разные страны как Украина, Беларусь и Республика Молдова, с одной стороны, Сирия и Марокко, с другой стороны, наводит на мысль о том, что на сегодняшний день все же не было сформулировано четкое и ясное определение термина «Европа», что может создать проблемы в разработке стратегических подходов во взаимоотношениях с новыми «соседями». Маловероятно и то, что фонды, направляемые «соседям» будут очень значительными, принимая во внимание тот факт, что включение новых членов в состав Европейского Союза создает серьезные финансовые ограничения для самого Европейского Союза. К тому же, все дополнительное финансирование начнется только после 2007 года, одновременно с началом нового бюджетного цикла в Европейском Союзе.

Определенные проблемы могут возникнуть и в отношении «четырех свобод» Европейского Союза, так как уже некоторые государства-члены Евросоюза противятся идее свободного передвижения лиц. Например, министр внутренних дел Германии О.Шили мечтает о своего рода крепости под названием "Европа". По его мнению, беженцев следует задерживать прямо на внешних границах и отправлять в так называемые безопасные третьи страны. Эту позицию он в очередной раз подтвердил на неформальной встрече министров юстиции и внутренних дел в Дублине в феврале 2004 года.[193]

Важным аспектом новой Концепции Соседства Европейского Союза является то, что в 2007 году общие границы Европейского Союза достигнут реки Прут. В этой связи возникает вопрос: будет ли это линия разделения пространства, к которому Республика Молдова принадлежит традиционно, или прозрачная линия временного посредничества?[194]

Размышляя по поводу перспектив европейской интеграции Республики Молдова, некоторые аналитики полагают, что они зависят от успехов в продвижении экономических реформ в республике. Как отмечается в Концепции Европейской Комиссии «Молдове не хватает конкурентоспособности и административных способностей выполнять обязательства в рамках единого экономического пространства».[195]

---

[193] *Мигрантам нужна Европа, а Европе – мигранты. // Коммерсант Plus, №4, 2004, 6 февраля*

[194] *Moldova într-o Europă multi-nivelară. – Kiev: FES, 2003, p.8*

[195] *Communication from the Commission to the Council and the European Parliament: "Wider Europe - Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours", Brussels, 11.3.2003, COM(2003) 104 final http://www.europa.eu.int/comm/external_relations/we/doc/com03_104_en.pdf*

В этой связи, именно рост в экономической сфере является одним из ключевых и стратегически важных условий, которые способны реально приблизить Республику Молдова к членству в Европейском Союзе. Девизом европейской интеграции в этом случае станет: "мы выполнили следующие политические и экономические реформы для того, чтобы приблизиться к Европейскому Союзу". Идея, что «Европейский Союз готов разделить со своими соседями все, кроме институтов» не должно рассматриваться только в негативном аспекте. В среднесрочной и долгосрочной перспективе Республика Молдова может попросить представительство (первоначально, без права голоса) в других европейских структурах (например, Европейский Парламент, Социальный и Экономический Комитет Европейского Союза и др.), нежели Европейский Совет или Европейская Комиссия. Эти инициативы, скорее всего, будут восприняты позитивно как со стороны десятки стран-кандидатов, так и со стороны Европейского Парламента.

По мнению некоторых молдавских аналитиков и должностных лиц, позитивную роль на пути Европейской интеграции Республики Молдова могут сыграть следующие преимущества[196]:

- европейский вектор внешней и внутренней политики республики

- Принадлежность Республики Молдова Юго-Восточному европейскому пространству

- Маленькие географические рамки молдавского государства. Даже, если и сейчас она сталкивается с трудностями, в последующие несколько лет они будут разрешены через призму статуса полноправного члена Европейского Союза. Намного легче решить насущные проблемы в стране с населением в 4 млн. человек, чем с населением в 50 млн.

- Республика Молдова представляет собой открытую рыночную экономику

- Около 1/3 молдавского экспорта направлено в страны Европейского Союза и новые страны-кандидаты на вступление

- Фактор граждан Республики Молдова, работающих за границей в эмиграции (около 400 тыс. человек ежегодно работает в европейских странах). Они привозят домой новые видения и современные навыки и способности.

Фактически, Республика Молдова является единственной страной Юго-Восточной Европы, которая входит в Пакт Стабильности, но которой еще не предоставлены четкие европейские перспективы. Таким образом, напрашивается логичный вывод о том, что продвижение Респуб-

---

[196] *Moldova într-o Europă multi-nivelară. – Kiev: FES, 2003, p.8*

лики Молдова по пути европейской интеграции необходимо и возможно, но оно все больше и больше зависит от нескольких доминирующих внутренних факторов - стабильного экономического роста, который частично, в свою очередь, снимет и серьезнейшую для Европы проблему незаконной миграции, окончательного урегулирования приднестровской проблемы и дальнейшей демократизации общества.

Что касается Беларуси, то ее руководство в целом поддерживает концепцию сотрудничества Европейского Союза со странами-соседями как согласующуюся с национальными стратегическими приоритетами в плане сближения с Европейским Союзом и формирования «пояса добрососедства» вдоль своих рубежей (разумеется, при учете национальных интересов Беларуси как промышленного экспортера, о чем подробно упоминалось выше). С точки зрения МИД Республики Беларусь, налаживание качественно новых взаимовыгодных отношений в масштабе всего континента способствовало бы дальнейшей интеграции, экономическому росту и процветанию «Большой Европы». Это также позволило бы в значительной степени компенсировать негативные последствия расширения Европейского Союза, связанные, в частности, с возникновением новых торговых и визовых барьеров вдоль его границ.[197]

Библиография

1. Anderson P.J., Wiessala G., Williams C. New Europe in Transition. – London – New-York, 2000
2. Communication from the Commission to the Council and the European Parliament: "Wider Europe - Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours", Brussels, 11 march 2003, COM(2003) 104 final http://www.europa. eu.int/comm/external_relations/we/doc/com03_104_en.pdf
3. «Concepţia integrării europene a Republicii Moldova». - Chişinău, august, 2003
4. Kempe I. Consecinţele extinderii Uniunii Europene asupra Republicii Moldova. // Moldova între Est şi Vest. Identitatea naţională şi orientarea europeană. - Chişinău, 2001
5. Moldova într-o Europă multi-nivelară. – Kiev: FES, 2003
6. Nota informativă privind comerţul exterior al Republicii Moldova cu ţările Uniunii Europene în anul 2003. – Ministerul Economiei, ianuarie 2004

[197] *http://www.mfa.gov.by/rus/index.php?d=policy/multicoop&id=6*

7. Скворцова А. Республика Молдова - ЕС: возможна ли взаимность? // Moldova între Est şi Vest. Identitatea națională şi orientarea europeană. - Chişinău, 2001
8. Гудым А. Как далеко Молдова от Брюсселя? // Moldova între Est şi Vest. Identitatea națională şi orientarea europeană. - Chişinău, 2001
9. Гудым А. Республика Молдова и Европейский Союз как партнеры. – Кишинев, 2002.
10. Мигрантам нужна Европа, а Европе – мигранты. // Коммерсант Plus, № 4, 2004, 6 февраля.
11. Отношения Республики Беларусь с Европейским Союзом. — www.mfa.gov.by/rus/index.php?d=policy/multicoop&id=6.
12. Президент готов к европейской интеграции. Обращение Президента Республики Молдова В.Воронина. // «Экономическое обозрение», 2002, 7 июня.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И МЕТОДЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

Ирина МОЛОДИКОВА
Венгрия, Будапешт
Центрально-Европейский университет
доктор, профессор

Миграции населения, особенно трудовые, роль которых в мировом развитии неуклонно возрастает, становятся одним из основных факторов международной экономики. По данным МОМ в настоящее время в мире насчитывается около 150 млн. иммигрантов, беженцев, легальных мигрантов и нелегально работающих за границей[198], причем около половины их численности сосредотачивается в Западной Европе. Ремиттанс[199] поступающие от мигрантов в страны исхода составляют ежегодно около 70 млрд. долларов, при этом Германия (5,3 млрд. долл.), Франция (2 млрд. долл.) и Великобритания (1 млрд. долл.) входят в первую пятерку стран по количеству отправляемых денег после Саудовской

[198] *Migration News, vol.7, №12, 2000, december, p.1*
[199] *Ремиттанс – заработанные мигрантами в других странах деньги, поступающие в страны исхода. В зависимости от способа устройства на работу существует несколько видов ремиттанс.*

Аравии (16 млрд. долл.) и США (12 млрд. долл.)[200]. Не случайно, поэтому, для стран Западной Европы в последние годы началась новая фаза переосмысления своей внутренней и внешней национальной политики в отношении иностранцев, проживающих в этих странах.

Особенности регулирования миграции, степень жесткости проводимой миграционной политики в целом и трудовой - в частности, зависят от экономических и политических интересов стран приема и стран поставщиков рабочей силы.

Как «регулировщик» миграции, государство осуществляет свою политику в отношении иностранных граждан путем выдачи виз, разрешений на проживание, различных запретов и ограничений. Как орган, управляющий законодательной и политической системой общества, государство требует от населения соблюдения существующих норм. Место иностранца в новом обществе, успешность его функционирования здесь определяется возможностью приобретения легального статуса, равного или адекватного положению граждан страны приема. Предоставление этого статуса является прерогативой государства приема.

С точки зрения проводимой в отношении иностранцев политики до конца 90-х годов все западноевропейские страны являлись неэммигрантскими странами[201]. В отличие от США, Канады, Австралии и Новой Зеландии, для которых факт рождения на их территории является основанием для получения гражданства, западноевропейские страны в большинстве своем базировались на этнической модели государства, при которой проживание в стране не являлось основанием для натурализации. В результате этой политики за 50 лет здесь образовалась значительная прослойка населения из числа рожденных и выросших в этих странах детей мигрантов, искусственно удерживаемых в маргинальном статусе. В связи с этим возникают следующие вопросы.

Насколько миграционная политика в странах приема соответствует требованиям их рынков труда? Существуют ли ограничения и приоритеты в этом смысле?

Для ответа на эти вопросы процессы формирования миграционной политики в западноевропейских странах за последние десятилетия исс-

---

[200] *IMF. Annual Report of Monetary Fund. - New York, 1996, p.7*

[201] *Гражданство дается по одному из двух принципов: по месту рождения или времени пребывания в стране - jus soli; по этнической принадлежности, происхождению - jus sanguinis. К первому типу стран относятся все эммигрантские страны (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия); ко второму типу (с моноэтнической моделью) – западноевропейские страны.*

ледуются нами в тесной взаимосвязи с анализом современных миграционных процессов.

Современный композиционный состав населения Европы сформировался в целом после 1945 года. Европа до Второй мировой войны являлась постоянным поставщиком мигрантов для Америки, Австралии, Новой Зеландии, а также для освоения собственных колонии[202]. В течение XIX - начале XX веков (до Первой мировой войны) более 35 млн. человек уехало в Америку, Австралию и другие страны. В то же время в западноевропейских странах существовал и «набор по лимиту» (по российской терминологии) из бывших колоний на самые непрестижные, низкооплачиваемые работы в метрополиях. Однако отток населения из Западной Европы был в несколько раз больше, чем приток в нее.

Вторая мировая сильно изменила ситуацию: пересмотр границ, возвращение беженцев, постепенное создание железного занавеса между странами Западной и Центральной Европы привели к тому, что традиционные трудовые связи в Европе были оборваны или частично заморожены.

Некоторые специалисты выделяют два основные периода[203] развития миграций в странах Западной Европы в зависимости от господствующего вектора.

1945-1973 годы, основное направление - ***с юга на север;***

С 1973 года по настоящее время, основное направление – ***с востока на запад.***

На наш взгляд, с точки зрения рассмотрения формирования миграционной политики западноевропейских стран, особенно в области трудовой миграции, правомернее подразделять каждый из периодов еще на несколько этапов. Для первого периода – это этапы ***с 1945 по 1960 годы*** *и* ***с 1960-х по начало 70-х годов*** (нефтяной кризис), для второго периода – ***по десятилетиям*** (хотя, конечно, каждая из европейских стран имеет свои особенности, в том числе и в плане периодизации миграционной политики).

Основной особенностью этапа ***1945 – 1960 годов*** является бурный послевоенный процесс восстановления и дальнейшего развития экономики западноевропейских стран, который требовал привлечения большого количества рабочих извне. Это осуществлялось, в основном, через межгосударственные соглашения на контрактной основе. На основе та-

---

[202] Philip's Atlas of World. Millenium edition. Special Feature: The History of the World, 1999. - Great Britain, Philips.

[203] Castles S., Miller M. J. The Age of Migration. International Population Movements in the Modern World. Second ed. - London, UK, Macmillan Press, 1998.

ких «лимитных» наборов создавались целые отрасли промышленности, например, автомобилестроение во Франции. Большое количество рабочих привлекалось из «побежденных», ослабленных войной, менее индустриальных южных европейских стран (Испании, Португалии, Италии, Греции,) в более развитые (Францию, Великобританию, Германию, Данию, Швейцарию и страны Северной Европы). Данная политика была результатом послевоенной нехватки трудовых ресурсов в указанных странах.[204]

Политика стран приема в отношении привлекаемых рабочих была довольно дискриминационной и ограничительной до начала 60-х годов. Трудовым мигрантам предоставлялись краткосрочные визы (на год с последующим возобновлением); они не имели возможности получения виз на проживание своих семей.

Также «по набору» принимались гостевые рабочие из бывших колоний, сохраняющих традиционные экономические и культурные связи с метрополиями. Например, Северная Африка (страны Магриба) являлась поставщиком рабочей силы во Францию: к 1960 году во Франции насчитывалось 600 тыс. алжирцев, 140 тыс. марокканцев. 90 тыс. мигрантов из стран Центральной Африки прибыли за это же время в Великобританию.

Политика в отношении рабочих из данных стран была еще более жесткой: нелимитированный рабочий день, тяжелые, самые малопрестижные и низкоквалифицированные работы, размещение только в специально отведенных местах - бидонвилях. Среди мигрантов преобладал мужской контингент. Особенно жесткой данная политика в отношении таких трудовых мигрантов была в Германии и Франции.

1960 год - начало 70-х годов. После того, как многие рабочие проработали в странах приема десятилетия, экономическая ситуация в южных европейских странах существенно улучшилась. Под давлением правительств этих стран визовый режим на европейском пространстве был упрощен; были введены долгосрочные 5-летние визы и, самое главное, - стало возможным пребывание членов семей трудовых мигрантов на территории стран приема. Механизм создания маргинализированной прослойки населения, так называемых «новых меньшинств», в отличие от исторически проживающих на территориях, был запущен.

---

[204] *Сразу после войны только из лагерей для военнопленных по контракту в Великобританию, например, было завербовано 90.000 иностранных рабочих (Castles S., Miller M. J. The Age of Migration. International Population Movements in the Modern World. Second ed. - London, UK, Macmillan Press, 1998).*

Для этого этапа был характерен большой приток репатриантов в страны исхода: так, из бывших колоний в метрополии переехало около 6,5 млн. чел., в том числе 4,6 млн. граждан метрополий и 1,9 млн. коренных жителей колоний.[205] Более 1 млн. этнических немцев к середине 60-х годов возвратилось на родину. Кроме того, из Восточной и Центральной Европы в Западную направлялись значительные потоки беженцев и лиц, выезжающих по линии воссоединения семей.

Следует также отметить значительное количество трудовых мигрантов из Югославии. Из бывших социалистических стран только правительство Б.Тито позволяло своим гражданам ездить на сезонные работы в Западную Европу. Уникальность югославского варианта развития заключалась в сочетании использования преимуществ обеих социальных систем. Югославские трудовые мигранты охотно допускались на западные рынки труда и пользовались относительной свободой перемещения наравне с итальянцами, греками, испанцами. В тоже время, они были выходцами из соцлагеря и пользовались свободой передвижения и возможностями интеграции в его рамках. В течение всех послевоенных лет югославские мигранты составляли значительную долю трудовых мигрантов в Австрии, Германии, Швейцарии и образовывали там свои диаспоры[206].

Итак, трудовая миграция 1945 года - начала 1970 годов явилась следствием широкомасштабной государственной политики привлечения иностранной рабочей силы в западноевропейские страны. Это давало последним ряд преимуществ, среди которых:

- развитие в условиях нелимитированной занятости;

- возможность сохранять низкий уровень оплаты, относительно тяжелые условия труда;

---

[205] *Басик В.П. Зарубежный опыт защиты прав соотечественников: политико–правовой анализ. - Москва: «Русский мир», 2000*

[206] *К 1970 году в Западной Германии жило 3 млн. иностранцев, из них 1,6 млн. работающих (4,9% населения); во Франции - 2,6 млн. иностранцев (5,3% населения), из них 520 тыс. работающих; Швейцарии - 1,1 млн. иностранцев (17% населения), 330 тыс. работающих; Бельгии 700 тыс. иностранцев (7% населения), из них 230 тыс. работающих. Основными странами исхода являлись: Италия – 820 тыс. мигрантов, Турция – 770 тыс., Югославия – 540 тыс., Алжир - 390 тыс. и Испания - 320 тыс. мигрантов. (Fassmann H., Munz R. European Migration in the Late Twentieth Century: Historical Pattern, Actual Trends and Social Implications. - IIASA Austria, Edvard Elgar, 1994, c.4). Следует отметить, что с развитием экономики южноевропейских стран они постепенно стали превращаться в страны приема. (The New Geography of European Migration. / ed. By R.King. - Great Britain, Belhaven Press, 1993, c.6)*

- расширение частичной занятости, в том числе в ночное время;
- отсрочка в модернизации некоторых отраслей.

Следующий этап в развитии миграций и миграционной политике в странах Западной Европы начался ***с 1973 года*** (начало нефтяного кризиса) и продолжался ***до конца 90-х годов.*** Это был период всяческого сдерживания иммиграционных потоков, постепенной переориентации вектора миграции с направления Юг – Север на Восток – Запад. Условно последние 30 лет можно подразделить на 2 этапа с точки зрения проведения миграционной политики, в том числе и трудовой: ***1973 год – конец 80-х годов и конец 80-х – конец 90-х годов.***

Для этапа ***1973 года - конца 80-х годов*** характерно преобладание трудовых потоков внутри западноевропейских стран, а также – из бывших колоний. Продолжалось усиление интеграционных связей западноевропейских стран. После нефтяного кризиса 1973 года их правительства резко сократили набор трудовых мигрантов из соседних, а, тем более, - из отдаленных стран, постарались вернуть их на родину, прекращая выдачу рабочих виз. Однако только часть мигрантов вернулась домой, остальные уже переселили семьи в страны Западной Европы[207]. Механизм ступенчатой миграции был уже запущен, образовались каналы связей через родственников и знакомых, и к середине 80-х годов во многих странах прослойка иностранцев составляла значительную часть рабочей силы (в том числе, - и нелегальной). В Германии даже были введены специальные меры по ограничению доступа иностранцев на ее рынок труда. Они заключались в приоритетном праве немецкого гражданина на рабочее место, временном лимите найма иностранцев, ограничении мобильности иностранцев регионом нахождения работы, а также дополнительных ограничениях на использование иностранной женской рабочей силы в Германии.[208]

Другие западноевропейские страны также негласно проводили подобную политику. Таким образом, для иностранной рабочей силы создавались условия маргинального статуса с соответствующем уровнем оплаты труда. Это демонстрируют данные табл. 1.

---

[207] *В Германии к 1973 году насчитывалось 2,6 млн. таких рабочих (Munz R., Weiner M. Migration, Refugees, and Foreign Policy. U.S. and German Policies toward Countries of Origin. – Oxford: Berghn Book, 1997).*

[208] *Fassmann H., Munz R. European Migration in the Late Twentieth Century: Historical Pattern, Actual Trends and Social Implications. - IIASA Austria, Edvard Elgar, 1994, p.4*

Таблица 1. Структура занятости иностранцев и этнических немцев в Германии в 1989 году, %

Группы работников	*Иностранцы*	*Этнические немцы*
Неквалифицированные рабочие	21	4
Полуквалифицированные рабочие	43	12
Высококвалифицированные рабочие	23	16
Клерки	9	46
Имеющие собственное дело	4	12
Государственные служащие	-	10
Итого:	100	100

Источник: Munz R., Weiner M. Migration, Refugees, and Foreign Policy. U.S. and German Policies toward Countries of Origin. – Oxford: Berghn Book, 1997.

Основными сферами занятости иностранцев были и остаются сельскохозяйственные сезонные работы, временная занятость в гостиничном сервисе и других отраслях сферы обслуживания.

С середины 70-х годов в западноевропейских странах начало заметно снижаться рождаемость. Переход к суженому воспроизводству, наряду с увеличением продолжительности жизни, привел к росту доли населения старших возрастов. Усилилось давление на системы социального обеспечения, прежде всего, пенсионную, для оптимального функционирования которой необходимо не менее трех работающих на одного пенсионера. Все больше стали говорить о кризисе пенсионной системы.

Жесткость проводимой западноевропейскими странами политики в отношении натурализации мигрантов шла вразрез с требованиями развития экономики. Политика набора “временной” рабочей силы, исключающая ее нормальное функционирование, привела к созданию в обществе прослойки так называемых «новых меньшинств», однако вся серьезность проблемы в полной мере была осознана лишь в 90-е годы.

Итогом данного этапа (1973 - конец 80-х годов) явилось несоответствие проводимой западноевропейскими государствами политики в области трудовой миграции реальным миграционным процессам. Все большую роль, несмотря на запретительные меры, стала играть ступенчатая миграция воссоединяющихся семей. Более высокая фертильность мигрантов также способствовала росту их численности.

Южные европейские страны по мере развития экономики стали превращаться в принимающие. Италия, например, уже к 1990 году име-

ла 800 тыс. иностранцев (в 1982 году только 300 тыс.).[209] По мере расшатывания социалистической системы стал усиливаться поток беженцев и лиц, ищущих убежище, с преобладанием потока с Востока на Запад.

Конец 80-х – начало 90-х годов – период начала объединения стран Западной Европы. Подписание в 1992 году Маастрихтского договора дало положительный эффект для мигрантов из стран Европейского Союза, легализовав их в странах проживания. Так, в Германии после учреждения Европейского союза фактически 50% трудовых мигрантов из этих стран получили возможность на интеграцию. Из остальных мигрантов 33% составляли турки и 13% - жители бывшей Югославии.[210] Официальное количество неграждан Европейского Союза в 15 развитых западноевропейских странах составило около 11 млн. человек, в том числе в Германии - 5 млн. человек, во Франции - 2 млн. чел. и в Великобритании - 1 млн. человек.[211]

В 90-е годы произошло дальнейшее усиление потоков Восток – Запад. Миграция сыграла важную роль в политической трансформации европейских стран. Так, под давлением волны мигрантов на запад венгерское правительство в конце 1989 года открыло границу с Австрией, и поток немцев из Восточной Германии устремился туда, сделав бессмысленной Берлинскую стену и железный занавес.[212] Падение железного занавеса привело к упрощению трудовых связей западноевропейских и центральноевропейских стран, увеличению потока беженцев и лиц, ищущих убежище, из зон конфликтов в республиках бывшего СССР и бывшей Югославии. Боязнь большого неконтролируемого притока извне дала толчок юридическому оформлению единого экономического и политического пространства западноевропейских стран, формированию внутренней безвизовой зоны и буферной зоны вокруг. Подписанием Маастрихтского договора западноевропейские страны сделали первый шаг на пути к контролю за внешней миграцией. Введение зоны буферных, так называемых «безопасных» стран, снижает легальные возможности проникновения в Евросоюз лиц, ищущих убежище.

Миграции 90-х годов – это прежде всего поляризация стран на ***Шенгенские, страны буферной зоны*** (в том числе ожидающие приема в члены ЕЭС), ***транзитные страны и страны исхода***.

---

[209] ibidem
[210] OECD. Trends in International Migration. - Paris, SOPEMI, 2000
[211] Migration News, 2000, December, vol.7, №12, p.1
[212] Castles S., Miller M. J. The Age of Migration. International Population Movements in the Modern World. Second ed. - London, UK, Macmillan Press, 1998.

У каждого типа стран имеются следующие приоритеты миграционной политики.

Шенгенские страны (с Великобританией и Ирландией):

- выработка жестко ограничительной политики доступа мигрантов на рынок труда;
- включение соседних (буферных) стран в режим контроля за миграцией;

Страны Центральной, Восточной и Южной Европы – кандидаты в ЕЭС (буферные страны):

- принятие и приведение в соответствие с требованиями, связанными с возможностью потенциального вступления в ЕЭС, законодательных структур и законодательных основ, регулирующих миграцию.

Миграционная политика всех Шенгенских стран и кандидатов в члены ЕЭС охватывает несколько основных направлений:

- усиление пограничного контроля; национальные и международные меры по усилению контроля за потоками;
- борьба с нелегальной миграцией и занятостью; санкции против работодателей нелегальных мигрантов;
- меры по улучшению кооперации как между принимающими странами, так и буферными;
- усиление визового режима между буферными странами и странами исхода;

Транзитные страны – страны бывшего СССР, Турция и страны Магриба (Северная Африка).

- усиление пограничного контроля и борьбы с нелегальной миграцией;
- кооперация со странами ЕЭС и буферными странами в рамках разработки системы предоставление убежища для беженцев.

Пути влияния западноевропейских стран на страны исхода и транзитные страны следующие:

- оказание им помощи в организации контроля мигрантов;
- развитие торговых инициатив для поддержки экономики этих стран;
- улучшение политической ситуации в странах исхода, для возможности возврата мигрантов;
- обеспечение возможности устойчивого развития;

Организация по Экономическому Сотрудничеству и Развитию (OECD) отметила в своем докладе следующие основные миграционные тренды последних лет:

1. Рост количества беженцев и трудовых мигрантов, стремящихся в процветающие страны, включая страны-кандидаты (Чехию, Венгрию, Польшу).

2. Постепенное превращение стран Центральной и Восточной Европы из транзитных в страны приема[213]; введение ими пограничного режима с транзитными странами; введение зон свободной торговли (особенно в приграничных территориях, в частном секторе, что способствовало увеличению занятости иностранцев).

3. Смена эмиграции на временную миграцию, увеличение миграционного обмена между странами Центральной Европы. Число желающих поехать на временную работу колеблется от 18% в Польше до 57% в Хорватии, в то время как на постоянное местожительства – от 7% в Болгарии до 26% в бывшей Югославии.[214]

4. Рост нелегальной миграции и борьба с ней[215]. Основным направлением борьбы с нелегальной миграцией является: сотрудничество со странами исхода. Оно предусматривает общий контроль границ (распространение информации между странами о миграционной ситуации); связи с агентствами по рекрутменту трудовых мигрантов; меры по интеграции мигрантов.

---

[213] *В Венгрии например, легальные мигранты насчитывают около 100 тыс. чел.; в Польше - 21 тыс.; в Чехии 70 тыс. мигрантов-словаков, 61 тыс. украинцев (200 тыс. - неофициальная цифра). Они работают в основном на транспорте, розничной торговле, обслуживании, ресторанах. (OECD. Trends in International Migration. - Paris, SOPEMI, 2000)*

[214] *IOM. Migration Potention of Central and Eastern Europe. - Geneva, 1998), p.13*

[215] *Поскольку целью нелегальной миграции в большинстве случаев являются возможности заработка, ее логично рассматривать как подвид трудовой миграции, тем более, что ее объемы в несколько раз превышают легальную трудовую миграцию. Масштабы нелегальной миграции растут с каждым годом, влияние велико. Так, по данным за 90-е годы только из России в страны Западной и Восточной Европы с целью проституции выезжало около 500 тыс. женщин, из Восточной Европы около 300 тыс. (Gentleman, A. Russians launch crackdown on 'Sex slave' traffickers. // "The Observer", 2000, november, 12; Cryderman K. Ukranian emigrants forced into prostitution, women say. // "Ottawa Citizen", 2000, november, 20)*

5. Существенные послабления в возможностях трудоустройства в западноевропейских странах[216] для стран-кандидатов.

По мнению экономистов из OECD использование иностранной рабочей силы не оказывает влияния на безработицу среди коренного населения принимающих стран (табл. 2), так как трудовые мигранты занимают весьма специфические ниши занятости и не конкурируют на рынке труда с местными жителями.

Таблица 2. Уровень безработицы среди граждан и иностранцев (мужчины), 1998 год, %

Страна	*Граждане*	*Иностранцы*
Австрия	4.8	10.3
Бельгия	6.5	18.9
Дания	3.8	7.4
Финляндия	12.7	36.0
Франция	9.6	22.0
Германия	8.5	17.3
Ирландия	8.0	12.4
Италия	9.6	5,10
Люксембург	1,50	2,60
Нидерланды	3,10	11.60
Швеция	9.3	23,20
Великобритания	6,80	10.7

Источник: Trends in International Migration – 2000. - OECD, SOPEMI, 2000

О проблеме нелегальной миграции. По оценкам специалистов объемы данного вида миграции в западно-европейских странах составляют

[216] *Так, например, с конца 1990-х годов Германия проводит новую политику трудовой миграции по нескольким каналам: 1. занятость по определенным программам (2 года с сохранением немецкого стандарта оплаты и социальных выплат в конкретных строительных программах); 2. занятость по обменной программе со странами Центральной Европы (на 1 год, как по обмену опытом; в основном в тяжелой индустрии); 3. сезонные работы до 3 месяцев в основном в сельском хозяйстве, сфере обслуживания (отелях, общепите, строительстве -оплата по местным стандартам) (Munz R., Weiner M. Migration, Refugees, and Foreign Policy. U.S. and German Policies toward Countries of Origin. – Oxford: Berghn Book, 1997)*

10% от легальной. За исключением Германии, занятость на легальном рынке труда в странах Западной Европы граждан Центральной и Восточной Европы в последние годы увеличилась незначительно при резком росте численности нелегальных трудовых мигрантов. Нелегальная миграция трудно регистрируема, так как для многих стран Центральной Европы виза не нужна. Многие мигранты, стремящиеся в Западные страны, прибывают сначала в Чехию, Венгрию и Польшу по легальным документам как туристы, по делам бизнеса или студенческим визам. Основными ареалами исхода иммигрантов все еще остаются страны бывшего СССР (особенно Украина и Белоруссия), а также Румыния, страны бывшей Югославии.

Например, в Венгрии, не вводящей визы с Украиной и Румынией из-за проживающего в этих странах венгерского меньшинства, неучтенная, так называемая "временная» миграция очень велика. Каждый месяц тысячи фактически постоянно работающих украинцев пересекают границу во избежание получения виз. Маятниковые мигранты вообще нигде не учитываются.

Правительствам западноевропейских стран экспертами рекомендовано увеличить легальную трудовую миграцию, поскольку, по их мнению, она выгодна для экономики и рынка труда Европейского Союза. Одной из наиболее важных причин для рекомендации роста трудовой миграции в западноевропейские страны стал кризис пенсионной системы и нехватка рабочей силы здесь.

Итогом миграционной политики стран Евросоюза 80-х – 90-х годов можно считать то, что, начиная с момента подписания Маастрихтского договора, наряду с разработкой собственной политики в отношении приема и поселения иностранцев, все страны в той или иной степени пытаются осуществлять единую интеграционную политику. Однако пока это им слабо удается. В качестве положительного момента следует отметить их единодушную кооперацию в разработке единого положения о предоставлении убежища. По оценкам западных специалистов миграционная политика скорее характеризуется так называемым «избирательным» подходом (предпочтение мигрантов одних стран другим, определенных видов и длительности трудовой миграции, одних специалистов другим), нежели политикой «регулирования».[217]

В конце 90-х годов начинается новый этап миграционной политики западноевропейских стран – ***отход от этнической модели государст-***

[217] *Geddes, A. Immigration and European Integration. Toward fortress Europe? – Manchester ,UK, Manchester University Press, 2000, p.14*

венного устройства к эмигрантской модели. Резкое падение рождаемости,[218] кризис пенсионной системы и нехватка рабочих мест в определенных сферах занятости, высокая доля так называемых «новых меньшинств» (существование которых уже невозможно не замечать), как и рост нелегальной миграции[219] привели к изменениям в законодательной политике западноевропейских стран в области миграции. Это выразилось в изменении их законодательства в сторону отхода от моноэтнической модели государственного устройства и принятие элементов иммигрантской модели государства, которая включает разработку интеграционных программ вовлечения мигрантов в социальную жизнь общества стран приема.

Начиная с 1998 года, западноевропейские страны постепенно превращаются в страны иммиграции и вынуждены разрабатывать законодательство и политику по интеграции иммигрантов, которая включает:

- разработку и введение в действие новой, более либеральной процедуры получения гражданства;
- меры по интеграции беженцев;
- меры по интеграции через образование детей и тренинг взрослых (школы, тренинг в отпускное время, языковые курсы, помощь в поиске жилья, доступ к системе здравоохранения и т.д.);
- принятие в Италии, Испании, Дании, Греции, Норвегии, Франции, Германии и других западноевропейских странах специальных законодательных актов по искоренению и предотвращению ксенофобии и расизма по отношению к иностранцам, проживающим в этих странах.

Кроме того, страны Западной Европы принимают меры, которые применяют уже давно:

- уменьшение сроков натурализации (с 15 лет для многих стран до 7-8 лет);
- изменение принципа происхождения (jus sanguinis) на принцип места рождения и времени проживания (jus soli);
- введение системы квот по специальностям или странам исхода (так, нехватка специалистов определенных квалификаций, особенно в области информации и коммуникации, в Европе оценивается в 2 млн.

[218] *В Европейском союзе средняя фертильность составляет 1,45 детей на женщину. (Migration News, 2001, january, vol.8, №1)*

[219] *Около 500 тыс. нелегальных мигрантов прибыли в Европу в 2000 году, что в 10 раз выше, чем в начале 90-х годов (Migration News, 2001, january, vol.8, №1).*

чел.; Германия, например, ввела на 20 тыс. мест «green card» на пять лет, облегчен также порядок получение виз)[220];

- легализация нелегальных мигрантов, которые уже работают в европейских странах (до сих пор из-за нелегального проникновения в страну они подвергались штрафам с отсрочкой в подаче заявления на постоянное проживание и натурализацию)[221];

- меры по снижению численности беженцев и предоставление убежища[222] (Германия ввела квоту 100.000 человек в год; многие страны, в частности, Нидерланды, дают временное убежище от 6 до 12 месяцев с разрешением работать и после нормализации обстановки в странах исхода обеспечивают билетами, социальным пособием, а также предоставляют возможность посещать страну-убежище в случае согласия на возвращение);

- меры по воссоединению семей (уменьшаются сроки натурализации для жен и мужей граждан западноевропейских стран).

- набор на работу через образовательные каналы (Великобритания и Германия[223] заявили, что с 2001 года будут выделять специальные квоты для студентов-иностранцев, закончивших ВУЗы в этих странах, если они найдут постоянную работу).

Основные выводы

Анализ миграционных процессов и миграционной политики западноевропейских стран показывает, что до начала 70-х годов политика на-

---

[220] *Германия в середине 2001 г. предполагает одобрить, вероятнее всего, канадский тип балловой системы при отборе мигрантов по квотам, но с фиксированным количеством мигрантов в год. Федеральный офис по миграции и интеграции выбрал эту схему, основанную в Канаде в 1976 году. Апликанты оцениваются по 9 основным критериям с максимальным набором баллов в 107. Например: знание языка – максимум 15 баллов; уровень образования –16; специальность – 10; опыт работы - 8; контракт – 10; возраст - 10; и т.д. Минимально проходное количество баллов - 70. (Conservative fuel new debate on immigration» Global News Wire, April, 24, 2001. // Migration News, 2001, februarie, vol.8, №2, p.16)*

[221] *На 940 тыс. иностранцев в Испании по оценкам приходится 200 тыс. нелегальных мигрантов, в Португалии – 350 тыс. (Migration News, 2001, march, vol.8, №3)*

[222] *В Европе в 2000 году насчитывалось 2,6 млн. беженцев (UNHCR. The State of the World Refugees: 50 years of Humanitarian Actions. - UNHCR, 2000, p.16).*

[223] *12 тыс. иностранцев-выпускников высших заведений Германии могут остаться в стране в случае успешного нахождения работы. (Migration News, 2001, februarie, vol.8, №2, p.16)*

бора «гостевых рабочих» на временной основе работала успешно. Требования рынка труда и политика в отношении миграции соответствовали друг другу, что способствовало нормальному развитию экономики этих стран.

После нефтяного кризиса 70-х, несмотря на то, что все страны заморозили прием иностранных рабочих, в страны исхода вернулась только половина. Уже вразрез с политикой западноевропейских государств и требованиями экономики росла численность иностранцев за счет воссоединения семей (по данным OECD 50% всех миграций в европейские страны идет по линии семейных обстоятельств; кроме того, численность мигрантов растет и за счет более высоких показателей их фертильности). Страны приема в течение 20 лет упорно старались не замечать возникновения и становления так называемых «новых меньшинств».

В 90-х годах, когда демографические процессы и требования рынка труда вошли в противоречие с запретительной миграционной политикой западноевропейских правительств, последняя стала пересматриваться в сторону более дифференцированного, избирательного подхода к разным категориям стран и видам специальностей. Возросла роль «новых меньшинств»: государства были вынуждены признать, что закрывать глаза на проблемы иностранцев - не значит решить их. Объективный процесс роста доли населения «новых меньшинств» со своей миграционной сетью дает основание думать, что запретительные меры будут мало эффективны. Европа нуждается в рабочей силе, в основном неквалифицированной, сезонной, для специфичных отраслей, и рынок труда диктует свои правила. Поскольку легальная миграция более предпочтительна, чем нелегальная (даже с точки зрения получения налогов), страны Евросоюза в настоящее время находятся в процессе мучительного поиска золотой середины между разрешительными и ограничительными мерами миграционного контроля.

БОРЬБА И ПРОФИЛАКТИКА ТЕРРОРИЗМА: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОДХОДЫ И ОПЫТ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ И ПЕРЕХОДНЫХ СТРАН[224]

Клавдия ЗАВТУР
Республика Молдова, Кишинэу,
Институт политических наук и международных отношений,
кафедра политических наук и права
доктор, доцент

Кристина КОВАЛЬ
Республика Молдова, Кишинэу,
Молдавский госуниверситет
факультет международных отношений, политических и административных наук,
магистрант

Терроризм известен человечеству с древних времен. Он превратился в XX столетии в серьезную проблему для всего мирового сообщества. Общее историческое развитие терроризма шло по цепочке: индивидуальный – групповой - локальный – международный. Под международным терроризмом понимают «современный терроризм» или хорошо отлаженную систему взаимосвязей между террористическими организациями всего мира, каждая из которых хорошо структурирована: состоит из руководящего и оперативного звена, подразделений разведки и контрразведки, материально-технического обеспечения, боевых групп и прикрытия, характеризуется жесткой конспирацией и тщательным отбором кадров, наличием агентуры в правоохранительных и государственных органах, обладает разветвленной сетью конспиративных укрытий, учебных баз и полигонов, имеет надежные каналы поступления финансовых средств и оружия и пользуется популярностью у некоторых слоев населения.

Никто сегодня не застрахован от все проникающей опасности терроризма - ни простые граждане, ни самые защищенные из политических и государственных деятелей (примеры тому - убийства ряда президентов США, премьер-министра Италии – А. Моро, Индии - Индиры и Раджива Ганди, Израиля - И.Рабина).

---

[224] *Рецензент – доктор политических наук Чезар Мынэскуртэ*

Терроризм представляет собой негативное общественное явление, следовательно, чтобы обезопасить жизнь своих граждан, государства должны бороться с этим явлением. В процессе борьбы возникают объективные сложности. Рассмотрим их на двух уровнях: на мировом и на уровне отдельного государства, на примере Республики Молдова.

Сегодня ООН является одним из основных органов, занимающихся разъяснением и толкованием международного права. Заинтересованность ООН в деле борьбы с международным терроризмом нашла свое международно-правовое закрепление в ряде двухсторонних и многосторонних международных соглашений. Это подписанная 2 февраля 1971 года в рамках организации Американских государств Конвенция о предупреждении и наказании терроризма, Европейская конвенция по упразднению терроризма от 27 января 1977 года, Токийское соглашение о международном терроризме от 5 мая 1986 года. Меры борьбы с терроризмом предусматриваются также в итоговом документе встречи 1989 года представителей государств-членов совета по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ)[225].

В последние годы состоялось большое количество международных встреч (например, глав правительств и министров иностранных дел из 27 стран в египетском городе Шарм-эш-Шейхе, руководителей спецслужб и правоохранительных органов в Париже, ряд совещаний в рамках СНГ), а также международных конференций, посвященных проблеме борьбы с терроризмом. На таких встречах были заключены двух- и многосторонние соглашения, в числе которых Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов; Европейская конвенция о борьбе с терроризмом;

Международная конвенция о борьбе с захватом заложников; Конвенция по борьбе с бомбовым терроризмом и ряд других[226].

Проблема терроризма стала весьма актуальной и для всех государств СНГ. Так, в рамках Содружества были приняты следующие документы:

- Концепция коллективной безопасности;
- Решение о совместных мерах по борьбе с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств - участников Содружества;
- Договор о сотрудничестве в охране границ государств участников Содружества Независимых Государств с государствами, не входящими

---

[225] *Моджорян Л.А. Терроризм и национально-освободительные движения. // Государство и право, 1998, №3, с.86.*

[226] *Петрищев В.Е. Заметки о терроризме. – Москва: УРСС, 2001, с.19.*

в Содружество, и другие, в которых государства СНГ заявили о своей готовности к тесному сотрудничеству в области противодействия террористическим угрозам[227].

7 октября 2002 года в Кишиневе было подписано Положение о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территориях государств - участников Содружества Независимых Государств. Положение предусматривает проведение совместных антитеррористических мероприятий в целях пресечения террористической деятельности, в том числе:

- освобождения захваченных террористами заложников;

- обезвреживания взрывных устройств большой мощности или других поражающих устройств сложной конструкции;

- освобождения захваченных террористами объектов повышенной технологической и экологической опасности, атомной промышленности, транспорта, энергетики, химических производств и иных объектов (здания и помещения дипломатических представительств и др.);

- задержания террористов, ликвидации террористических групп и формирований.

Для непосредственного управления специальными антитеррористическими формированиями при проведении совместных антитеррористических мероприятий создается орган управления. Основными задачами органа управления в ходе проведения совместных антитеррористических мероприятий являются:

- сбор сведений об обстановке, оценка, обобщение и анализ информации;

- разработка плана проведения совместного антитеррористического мероприятия;

- организация подготовки и применения привлекаемых сил, специальных средств и материалов обеспечения, принятия мер к предотвращению возможных негативных последствий;

- разработка тактики ведения переговоров и организация их проведения с лицами, являющимися объектами проведения совместного антитеррористического мероприятия;

- осуществления взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления;

- обеспечения проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий;

- подведение итогов проведенных мероприятий.[228]

---

[227] *Там же . – Москва: УРСС, 2001, с.117.*

Политика большинства западных государств базируется на следующих принципах:

- не делать террористам никаких уступок;
- оказывать максимальное давление на страны, поддерживающие терроризм;
- в полной мере использовать имеющиеся в своем распоряжении силы и средства, в том числе и военные для наказания террористов;

Большинство стран давно пришло к выводу, что борьбой с терроризмом должна заниматься специальная организация. Одной из первых по этому пути пошла Великобритания, создав в 1941 году специальную службу (САС) как элитную, высокопрофессиональную антитеррористическую организацию. Сегодня САС делает основной упор на борьбу с террористами Ирландской Республиканской Армии (ИРА) выступающей за воссоединение британской провинции Ольстер с Ирландией[229].

В США к антитеррористической деятельности привлечены различные ведомства, к важнейшим из которых относятся государственный департамент ЦРУ, ФБР и министерство обороны. В настоящее время США проводят жесткую политику по отношению к террористическим организациям и их спонсорам, которую они называют «войной против оси зла». Правовой базой по борьбе с терроризмом в США служит закон 1996 года «О борьбе с терроризмом и эффективности высшей меры наказания», а также «Акт США о патриотизме» (24 октября 2001)[230]. В связи с принятием последнего нормативного акта сенатор от штата Висконсин Расс Файнголд, отметил: «Мы должны удвоить бдительность, чтобы гарантировать нашу безопасность и предотвратить акты террора. Но мы также должны удвоить бдительность, чтобы сохранить наши ценности и основные права и свободы, которые делают нас теми, кто мы есть»[231].

Во Франции с террористами ведут борьбу подразделения "БРИ" (поиск и уничтожение). В этом элитном отряде насчитывается около 30 бойцов-одиночек, которым президент Франции предоставил исключи-

---

[228] Протокол об утверждении Положения о порядке организации и проведения совместных антитерротистических мероприятий на территории государств-участников Содружества Независимых Государств. // Информационный бюллетень Совета Министров обороны государств-участников СНГ. – Москва: Воениздат, 2003, №10, с.32-43.

[229] См. Власов И.С. Зарубежное законодательство в борьбе с терроризмом. – Москва, 2002, с.41-61.

[230] Там же. – Москва, 2002, с.7.

[231] Там же. – Москва, 2002, с.10

тельные полномочия уничтожать террористов на месте на стадии покушения. Во Франции, на борьбу с террористическими преступлениями направлен закон «О борьбе с терроризмом и посягательствами на государственную безопасность» от 9 сентября 1986 года[232].

В Германии в 1972 году была создана ГСГ-9 в составе федеральной пограничной полиции. Законодательной базой организации в борьбе с терроризмом служат конституционные поправки, касающиеся личных прав граждан, направленные против соучастия в террористических актах, пропаганды терроризма, его угрозы, оказания террористам материальной и финансовой помощи. В 1986 году в Германии принят целевой закон "О борьбе с терроризмом"[233].

В Испании как полицейский антитеррористический блок сформирована группа СЕО, в которую включены лучшие специалисты спецслужб страны. Нормативной базой деятельности СЕО служит закон 1987 года "О борьбе с терроризмом"[234].

В Республике Молдова парламент принял «Закон о борьбе с терроризмом» 12 октября 2001 года. Разработана и принята общегосударственная программа мер борьбы с терроризмом (2002) предусматривающая: - правовые меры борьбы с терроризмом, изменение, конкретизацию и принятие новых статей конституции, касающихся борьбы с терроризмом;

- ратификацию международных конвенций по борьбе с терроризмом и организованной преступностью;

- ратификацию договора и создание Антитеррористического центра государств-участников Содружества Независимых государств, подписанного президентами стран - участников СНГ 1 декабря 2000 года;

- общепредупредительные меры, в том числе и установление контроля над «рынками» оружия и других средств массового поражения;

- административно-режимные меры, сюда относят и меры по государственному сотрудничеству в области борьбы с терроризмом;

- специальные (оперативно-розыскные, технические и охранные) меры предупреждения террористических проявлений.

---

[232] *Моджорян Л.А. Терроризм и национально-освободительные движения. // Государство и право, 1998, №3, с.84.*

[233] *Там же, с.92-102.*

[234] *Там же, с.113-127.*

- создание в рамках Службы Информации и Безопасности Молдовы для проведения антитеррористических операций подразделения «А».[235]

Многие из предусмотренных программой мероприятий уже выполнены. Например, были ратифицированы: Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (18 июля 2002); были внесены изменения в Закон о борьбе с терроризмом (29 мая 2003); были подписаны соглашения между правительством Республики Молдова и правительством Латвийской Республики о сотрудничестве в области борьбы с терроризмом (27 октября 2003).

Дискуссионным и имеющим практический смысл является вопрос о том, какую позицию должны занимать власти в отношении террористов: выполнять их требования или нет. В мировой практике сформировались два подхода. Первый подход (Израиль) предусматривает уничтожение террористов при всех обстоятельствах, даже если это повлечет за собой гибель заложников. Второй, более взвешенный подход, предполагает выполнение лишь некоторых непринципиальных условий, выдвигаемых террористами, с тем, чтобы минимизировать возможные потери[236].

Конфликтологи из ООН рекомендуют в борьбе с массовым терроризмом руководствоваться следующими принципами:

- никакой капитуляции перед террористами;
- полная решимость победить терроризм в рамках закона и демократического процесса;
- никаких сделок с террористами, никаких уступок, даже перед лицом серьезнейшей угрозы или шантажа;
- должны быть приложены максимальные усилия для того, чтобы дела по обвинению террористов дошли до суда и был вынесен законный приговор;
- должны быть приняты жесткие меры наказания в отношении государств-спонсоров терроризма;
- государство должно решительно пресекать попытки террористов блокировать или подорвать международные дипломатические усилия по разрешению важнейших политических кризисов[237].

---

[235] *См. Завтур К., Коваль К. Терроризм: понятие, основные тенденции развития и меры противодействия. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XXI. – Chişinău: USM, 2003, c.117-125.*

[236] *См. подробно: Нетаньяху Б. Война с терроризмом. – Москва: Альпина, 2002, с.37-59.*

[237] *Гатов В. Правила обращения с терроризмом: Мировой опыт // www.policy.ru.*

Чаще всего государство сталкивается с террористическими проявлениями, не затрагивающими международного правопорядка, в связи с чем вынуждено противодействовать им самостоятельно и создавать систему мер профилактики терроризма.

О важности профилактических усилий заявляет профессор из Университета Дж.Вашингтона (Вашингтон, США) Д.Поуст. По мнению Поуста, к успеху может привести "многосторонняя позитивная энергичная политика, основанная на понимании групповой, организационной и социальной психологии терроризма"[238].

Представители спецслужб стран-членов Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК) на совещании, посвященном проблеме борьбы с терроризмом в регионе, отмечали: "Покончить с террористическими движениями чисто карательными мерами невозможно. Для этого нужны в первую очередь политические меры на правительственном уровне, направленные на стабилизацию социально-экономической обстановки в странах региона"[239].

Важность общегосударственного подхода к решению задачи профилактики терроризма, отмечали и авторы специального доклада, подготовленного в Исследовательском институте изучения конфликтов и терроризма (Research institute for the study of conflict and terrorism)[240]. В документе показана положительная роль, которую сыграли профилактические усилия итальянского правительства в период активизации в этой стране террористических проявлений в конце 60-70-х годов. При этом подавляющим большинством итальянских граждан терроризм отвергался и осуждался как неприемлемый насильственный метод ведения политической борьбы.

Фундаментом общегосударственной системы мер профилактики терроризма должна быть грамотная политика, имеющая целью оптимизацию общественных отношений в стране и исключающая возникновение острых антагонистических противоречий между народом и властью, отдельными слоями и группами населения, политическими движениями и партиями. Общегосударственная система мер профилактики терроризма должна осуществляться через разработку и проведение в жизнь специальных программ направленных на устранение конфликтов социальных и межнациональных, на развитие экономики, а также на борьбу с преступностью, коррупцией и другими террогенными явлениями. Эффекти-

[238] *Цит. по: Поуст Д. Мы против них: групповая динамика политического терроризма. – Москва: Институт социологии РАН, 1993, с.43-44.*
[239] *Петрищев В.Е. Заметки о терроризме. – Москва: УРСС, 2001, с.250-251.*
[240] *Там же, с.251.*

вность реализации этих мер прямо или опосредованно влияет и на состояние терророгенных факторов. Факторы, воспроизводящие террористические проявления, при низкой эффективности осуществления системы мер профилактики терроризма способны как злокачественная опухоль увеличивать масштабы, наращивать криминогенный потенциал, приобретать таким образом новое качество и переходить в разряд терророгенных детерминант.

Успех в борьбе с терроризмом может быть достигнут лишь совместными усилиями заинтересованных сторон, всего мирового сообщества. Борьба с международным терроризмом должна стать предметом обсуждения на встречах глав государств и правительств. Актуальным должно стать создание совместных структур, совместная подготовка и проведение научных конференций, совещаний специалистов по борьбе с терроризмом, совместных тренировок спецподразделений.

Библиография

Власов И.С. Зарубежное законодательство в борьбе с терроризмом. – Москва, 2002.

Гатов В. Правила обращения с терроризмом: мировой опыт // www. Policy.ru.

Завтур К., Коваль К. Терроризм: понятие, основные тенденции развития и меры противодействия. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XXI. – Chişinău: USM, 2003.

Моджорян Л.А. Терроризм и национально-освободительные движения. // Государство и право, 1998, №3.

Нетаньяху Б. Война с терроризмом. – Москва: Альпина, 2002.

Петрищев В.Е. Заметки о терроризме. – Москва: УРСС, 2001.

Поуст Д. Мы против них: групповая динамика политического терроризма. – Москва: Институт социологии РАН, 1993.

Протокол об утверждении Положения о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территории государств-участников Содружества Независимых Государств. // Информационный бюллетень Совета Министров обороны государств-участников СНГ. – Москва: Воениздат, 2003, №10.

SUMMARY

MOSNEAGA V., TURCAN V., RUSNAC GH.

The Institutionalization of Politology as a Discipline of Study in Republic of Moldova

The article is dedicated to the complex analyses of the process of institutionalization of politology as a study discipline in the independent Moldova. There are enumerated the basic stages, is given the characteristic of each of it and in the article, are shown the basic aspects of the institutionalization. The article is elaborated on a very reach statistical and fact-base materials. Also, in the article are used archive data on this topic.

SACA V.

Political Science in Republic of Moldova: Topical and Instrumental Dimension

In the article are analyzed the problems of establishment and evolution of political science in Moldova. A special attention is given to the topics, that are caused by the contemporary processes that have place in Moldavian society: migration of the population, political and electoral process, social policy, political interests and political relations, social-political conflict, relations between political and civil society, international relations and external policy, etc. In the paper are analyzed the problems of application of different methodological approaches in studying the contemporary political processes in Moldova.

TABIRTA V.

The Territorial-Administrative Reform in Republic of Moldova: Between Centralism and Decentralization

In the article is annualized the process of implementation of the territorial-administrative reform, from the beginning of the '90 until the present time. There are analyzed the courses and different factors that influenced the formulation and implementation of the reform, moving it to different direction in its evolution from decentralization to the re-centralization of the system of local public administration and returning to the old territorial-administrative structure of Republic of Moldova.

TABIRTA S.

The Role of the State in the Evolution and the Regulation of Social Stratification

The article presents a complex analyses of the role of state in general and specially its role in evolution of the social stratification in transition period. The author characterize the activity of the state, the difficulties than is facing the state in this period, the positive and negative consequences of state activity on social stratification. Beside state, the other factors that influence the evolution of social stratification are analyzed as well. Also, is examined the role of state in formulation and implementation of social policies and the main mechanisms of social stratification regulation.

ANGHEL E.

Identity Representation of the Masses in Transition Period

This article presents a study of ethnic groups' relations in Republic of Moldova. It shows how features assocuated with different ethnic groups are connected to the mass behaviour. The author also examines the most basic assumptions of the theory of mass beliefs, tests them against the questions raised by the practice, and recasts the theory into a new and coherent whole.

BULOVA M.

The Analyses of Political Dialects as a Possible Approach of the Electoral Space Study

This article represents the structural analysis of the position in the dynamics of the space and time aspect. Such a geochronometrical study program in the Republic of Moldova encourages the reaching of a new level of political practice in Moldova. Furthermore it encourages the research and the using of the contemporary ways and resources as a whole and in particular the political development, of the electoral field of the Republic of Moldova.

MOROZAN A.

International Organizations and the Rights Protection of National Minorities in Republic of Moldova

In spite of many economical, social-political and cultural difficulties inherent to the process of transition from the communist society to the values of European civilization, the problems that face national minorities in Republic of Moldova are the object of a constant concern of the state institutions. The Parliament Declaration from 26 May, 1992 that: "the legislation

alignment to the international standards in the field of human rights, is the only way able to consolidate the democracy and to ensure the person that belongs to the ethnic, linguistic and religious minorities, the rights to defend and develop their identity". Republic of Moldova has adhered to many international documents, that refers to the human rights within UNO, European Council, OSCE, etc. Republic of Moldova tend to adopt the European standards and values, that's why the issue of national minorities rights remains one of the most important problem in these days.

PERU A.

Legitimization, Authority and Charisma - the Elements of the Political Leader Image (comparative study)

Every political image campaign is leaning on a large number of objective and subjective factors. Among the objective factors that have a direct influence on the electoral weight of the political leader is legitimization and authority. Treated as a continuos phenomena, depending of the community demands and time opportunities, there can be distinguished the following types of legitimization/authority of political leader: traditional, legal-rational, charismatic, democratic, dogmatic, technocratic, etc. The Moldavian political environment has generated the democratic model of legitimization with a "pentagonal" characteristic. Thus, on Moldavian political field can be distinguished: the legitimization of surviving neo-communists, the legitimization of "nationalists", the legitimization of elitists, the legitimization of reformed communists.

TURCO T., BOLOTOV A.

Political Risk and the Electoral Campaign (on the Example of the Election of Deputies of State Duma of Russian Federation)

The article is dedicated to the problem of political risk in condition of the elections in State Duma from 2003. There are analyzed the economical, political and social factors that influence the level of political risk. The authors consider that in the new political situation, after the parliamentary elections, the level of political risk didn't change in cardinal way.

CEBOTARI S., SACA V.

The Evolution of Republic of Moldova and European Union's Relations trough the Prism of National Interest.

The strategic and basic objective of the Foreign Policy of the Republic of Moldova is the integration in the European Union. The present article is dedicated to the study of the political relations' evolution between our state

and the Union. The problem of European Intepration through the view of national interest in the activity programs of all governments that were at power during almost 10 years has also been examined; certain steps taken to mentain and improve relations between European Union and Moldovan Republic are examined.

ERMOLOVICI A., BURDELINII E.

"Wider Europe – Neighborhood: Different Countries, Common Interests" (the Comparative Analyses of the European Vector of the External Policy of Republic of Belarusia and Republic of Moldova)

In the article there is examined the problem of European integration of two post-soviet countries - Republic of Moldova and Republic of Belorussia - within the new Conception of European Union Enlargement, in the relations with its eastern an southern neighbors "New Europe - neighborhood". There are analyzed the main directions of European external policy of this states. The authors came to the conclusion that for Republic of Moldova, the movement to European integration is possible and necessary, but it depends more and more of some internal factors - stabile economical growth, the effective regulation of Transnistrian conflict, and democratization of the society. The Government of Belorussia, in general, support the conception of collaboration between EU and neighborhood countries, as o conception in accordance with national strategic priorities in the sense of approaching with EU and the creation of Good Neighborhood.

MOLODIKOVA I.

The Basic Stages and Methods of Labor Migration Regulation in the East - European Countries.

In this article are presented the stages and methods of labor migration regulation in East - European countries. The author examine social. economical, political and demographic factors that influenced the process of migration to the Western countries, has produced some modifications in contemporary political policies and to the legislation.

The author ideas and opinions are well argued and have a reach fact support.

ZAVTUR C., COVALI C.

The Struggle and Profilaxy against Terrorism: the International Approaches and the Experience of Democratic and Transitional Countries.

In the article the basic issues of struggle against the terrorism are examined. The struggle and profilaxy against terrorism is examined at two levels - at the global and national level. In the article are examined the basic legal

documents on struggle against the terrorism, adopted by UNO and some countries.